Викторъ Поповъ.

Черезъ Саяны и Монголію

ч. I-я.

Очеркъ путешествія.

(Отчетъ начальника Монгольской экспедиціи, Генеральнаго Штаба Капитана Попова).

ОМСКЪ.
Типог. Штаба Сибир. воен. округа.
1905.

Разрѣшено къ печатанію Командующимъ войсками Сибирскаго воен. округа.

Оглавленіе.

Предисловіе.

ГЛАВА I. **Подготовка экспедиціи:** Стран.

Проэктъ . . . . 1.
Составъ экспедиціи . . . . —
Средства . . . . 2.
Выборъ маршрута . . . . —
Время и пунктъ отправленія . . . . 3.
Проэктъ изученія монгольскаго рынка . . . 4.

ГЛАВА II. **Снаряженіе экспедиціи:**

Лошади . . . . 4.
Вьючныя сѣдла . . . . 6.
Верховыя сѣдла . . . . 7.
Вьюки . . . . 8.
Организація каравана . . . . 9.
Утварь . . . . —
Палатки . . . . 10.
Постель, костюмъ . . . . 11.
Продовольствіе, аптека, деньги . . . . . 12.
Запасныя вещи, документы и подарки . . . 13.

ГЛАВА III. **Краткій очеркъ путешествія:**

Отъ Канска къ Саянамъ . . . . 14.
Въ сѣверныхъ Саянахъ . . . . 15.
Въ западныхъ Саянахъ . . . . 26.
Отъ р. Кизира до р. Казыра . . . . 33.
Внизъ по р. Казыру . . . . 37.
Въ окраинѣ Казырской тайги . . . . 42.
По Амыльской тайгѣ . . . . 43.
Въ Урянхайской землѣ. Въ верховьяхъ Енисея . . . . . 45.
Отъ Енисея черезъ хребетъ Танну-ола . . . 55.

По монголіи:

Отъ Танну-ола до г. Улясутая . . . . . . 62.
Въ г. Улясутаѣ . . . . 68.
Отъ Улясутая до Косогола . . . . 76.

ГЛАВА IV. **Область Саянской горной системы:** **Стран.**

Границы . . . . 84.
Орографія . . . . 85.
Гидрографія . . . . 90.
Краткія свѣдѣнія о растительномъ покровѣ. 97.

Населенность:

Русское населеніе . . . . 98.
Инородческое населеніе . . . . 101.
(Буряты, карагасы и сѣверно-саянскіе инородцы)
Русская звѣропромышлен. въ Саянской тайгѣ 108.
Фауна Саянской тайги . . . . 115.
Пути сообщенія . . . . —

ГЛАВА V. **Урянхайская земля:**
(Засаянскій край.)

Границы . . . . 117.
Поверхность . . . . —
Система Верхняго Енисея . . . . 118.
Климатъ . . . . 124.
Растительность, фауна . . . . 125.
Золотоносные районы . . . . —

Населеніе:

Въ этнографическомъ отношеніи . . . . —
По языку . . . . —
По образу жизни . . . . 126.
Жилище, пища . . . . —
Средства къ жизни . . . . 127.
Нравственность . . . . 129.
Религія . . . . 130.
Административное устройство . . . . . 131.
Китайское вліяніе . . . . 133.
Подати . . . . 136.
Русскіе интересы въ Урянхайской землѣ. . 137.
Пути сообщенія . . . . 144.
Пограничный вопросъ . . . . —

ГЛАВА VI. **Сѣверо-Западная Монголія:**

Географическое положеніе. . . . . . . 150.
Государственная граница . . . . 152.

Стран.

Административное устройство 152
Китайское управленіе . . . . —
Монгольское управленіе . . . . 153.
Экономическое положеніе монголовъ . . . 156.
Русскіе торгово-экономическіе интересы . . 159.
Пути сообщенія . . . . 169.

Приложеніе 1-е.

Очеркъ Военнаго значенія С.-З. Монголіи и пограничной полосы Сибири.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Научныя развѣдки въ глубь азіатскаго материка были и, вѣроятно, еще долго будутъ необходимымъ явленіемъ въ нашей жизни.

Особенности обстановки такихъ развѣдокъ вытекаютъ сами собою изъ рѣзкой разницы культуры, климата и политической жизни азіатскихъ странъ.

Для отправляющагося въ такую развѣдку всякія указанія опыта особенно цѣнны. Собираясь въ экспедицію каждый съ большимъ интересомъ прочитываетъ въ литературѣ все, что относится до снаряженія бывшихъ экспедицій и не одинъ, вѣроятно, я пользовался съ благодарною памятью указаніями, въ этомъ отношеніи, покойнаго Н. М. Пржевальскаго.

Переходъ со вьюками черезъ тайгу и степи въ 2339 вер. представляетъ собою явленіе не такъ часто повторяемое и имѣетъ нѣкоторыя особенности: въ подготовкѣ путешествія, въ снаряженіи и выполненіи самаго похода; въ виду этого, въ первой части труда позволяю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ нашего путешествія, допуская предположеніе, что кто-нибудь со временемъ воспользуется и нашимъ непосредственнымъ опытомъ.

Затѣмъ, въ первую-же часть труда помѣщаются тѣ свѣдѣнія, которыя могли быть обработаны въ кратчайшее время по возвращеніи экспедиціи. По обработкѣ матеріаловъ научнаго характера: астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій, гипсометрическихъ измѣреній, естественно-историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній—предполагается включить ихъ во вторую часть труда.

В. П.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦІИ.

Проектъ экспедиціи.

4-го марта 1902 года, на имя Командующаго войсками Сибирскаго военнаго округа, была подана записка объ изслѣдованіи пограничной съ Сибирью Сѣверной Монголіи и части Саянской пограничной полосы.

Генералъ Сухотинъ отнесся къ этой мысли съ живѣйшимъ участіемъ и въ развитіе записки далъ указанія.

Оффиціальными письмами были увѣдомлены представители: Центральнаго Географическаго общества и его отдѣловъ: Западно-Сибирскаго и Восточно-Сибирскаго и Академіи Наукъ о предполагаемой экспедиціи, приглашая принять въ ней участіе. Были сдѣланы необходимыя сношенія съ нашими консулами въ Ургѣ и Чугучакѣ и съ нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ.

Въ половинѣ сентября получились отвѣты: отъ Центральнаго Географическаго общества, директора Ботаническаго музея Академіи Наукъ, отъ консуловъ, посланника; собраны предварительные матеріалы. 18-го октября было сдѣлано представленіе военному министру.

Ходатайство было уважено и 25-го января 1903 г. состоялся докладъ военнаго министра ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и проектъ экспедиціи Высочайше былъ утвержденъ.

Составъ экспедиціи.

Въ составъ экспедиціи вошли: начальникомъ экспедиціи, генеральнаго штаба капитанъ Викторъ Поповъ, члены экспедиціи: военный топографъ штабсъ-капитанъ Николай Топорковъ; отъ географическаго общества натуралистъ Юрій Вороновъ; пять казаковъ: урядникъ Сибирскаго казачьяго войска, владѣющій киргизскимъ языкомъ, казаки Красноярской

казачьей сотни: одинъ, владѣющій сойотскимъ языкомъ, другой—татарскимъ и два Иркутской сотни, знающіе монгольскій и бурятскій языки.—Къ экспедиціи было разрѣшено присоединиться представителю торговаго дома „Чевилевъ и С-вья“ купцу Петру Чевилеву съ его приказчикомъ и нѣсколькими рабочими.

Обязанности членовъ экспедиціи.

В. Л. Поповъ: развѣдка, географическія, статистическія и астрономическія работы и гипсометрическія измѣренія.

Н. А. Топорковъ: маршрутная съемка, фотографированіе, метеорологическія наблюденія.

Ю. Н. Вороновъ: ботаническія, геологическія и энтомологическія изслѣдованія.

П. К. Чевилевъ и его приказчикъ К. Е. Пѣтуховъ: вопросы торгово-промышленные.

Средства экспедиціи.

Высочайше повелѣно отпустить составу экспедиціи, отъ военнаго министерства суточные, на путевые и прочіе расходы, а всего 8007 руб. Отдѣльно отъ географическаго общества натуралисту было отпущено 1500 рублей.

Торговый караванъ Чевилева матеріально былъ обставленъ совершенно независимо отъ экспедиціи, на собственныя средства торговаго дома.

Выборъ маршрута экспедиціи.

Основная идея экспедиціи была: обслѣдовать ближайшую часть Сѣверо-Западной Монголіи. Но было желательно, чтобы движеніе экспедиціи отъ линіи Сибирской желѣзной дороги до границы, не оставалось безцѣльнымъ, и потому маршрутъ нужно было составить такъ, чтобы это время употребить на изученіе наиболѣе труднѣйшей части Саянской горной системы, а именно, сѣверныхъ и западныхъ склоновъ, которые до сихъ поръ почти никѣмъ еще не были изслѣдованы въ географическомъ отношеніи, а обслѣдованіе этой полосы обыкно-

Составъ монгольской экспедиціи.

Чевилевъ. Вороновъ. Поповъ. Топорковъ. Пѣтуховъ.
Безотечества. Александровъ. Калачевъ. Шараповъ.

Томскъ. Цинкографія П. И. Макушина.

венными летучими поѣздками, по ея трудно-проходимости, бывшимъ опытомъ оказалось недоступнымъ.

Между тѣмъ экспедиція была такъ обставлена въ матеріальномъ отношеніи и личнымъ составомъ, что могла взять на себя смѣлость пойти въ неизвѣданную сибирскую тайгу и принести, по силѣ и возможности, свой трудъ на изученіе Саянской системы. Предварительно собранные матеріалы указывали, что наиболѣе трудное и почти совершенно неизслѣдованное направленіе является по системамъ рѣкъ: Кана, верховьевъ Кизира (Тубы), Казыра (Боло) и части верхняго Енисея (Бей-Кема) съ его правыми притоками. Въ виду этого и остановились на этомъ направленіи.

Затѣмъ, за предѣлами Россіи, наиболѣе интересною казалась Урянхайская земля и въ Сѣверо-Западной Монголіи такое направленіе, которое, тамъ на мѣстѣ, могло оказаться наиболѣе важнымъ.

Время и пунктъ отправленія экспедиціи.

Предварительныя свѣдѣнія, собранныя отъ мѣстныхъ подтаежныхъ жителей: Иркутскаго, Нижнеудинскаго, Канскаго и Минусинскаго уѣздовъ, провѣренныя личною поѣздкою въ Саяны лѣтомъ 1902 года, и спеціально командированной развѣдочной партіей отъ Чевилева, показывали, что сѣверные склоны Саянъ въ началѣ октября уже совершенно покрываются глубокими снѣгами и лишь къ половинѣ іюня освобождаются отъ снѣга. При чемъ уже съ конца сентября по этому направленію прекращаются всякія сношенія съ Монголіей. Слѣдовательно, экспедиціи оставалось для прохода черезъ Саяны въ сѣверномъ направленіи удобнаго времени, съ половины іюня до половины сентября, да и то если будетъ благопріятная малоснѣжная осень. Кромѣ того было очень важно возможно раньше войти въ Монголію и посвятить ей больше лѣтняго времени.

Такимъ образомъ становилось очевиднымъ, что для выполненія маршрута необходимо выступить возможно раньше и непремѣнно со стороны сѣверныхъ Саянъ, а вернуться

уже на Иркутскъ, такъ какъ при обратномъ маршрутѣ изъ Иркутска на Канскъ—осенью черезъ сѣверные Саяны, экспедиціи не удалось бы войти въ Россію.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній предположено было, что экспедиція выступитъ изъ гор. Канска въ маѣ съ разсчетомъ прибыть въ сѣверные Саяны къ половинѣ іюня.

Проектъ изученія монгольскаго рынка.

Предварительно собранные матеріалы о Сѣверо-Западной Монголіи указывали на быстровозрастающія тамъ торговыя сношенія нашихъ фирмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о трудности и ненормальности этихъ сношеній. Командированіе экспедиціи являлось удобнымъ случаемъ, попутно, обратить вниманіе на столь важный для Россіи вопросъ, но экспедиція, въ перечисленномъ составѣ, не имѣла возможности изучить этотъ вопросъ въ той мѣрѣ, какъ бы это было желательно.

Въ виду этого 10-го февраля была представлена генералу Сухотину записка на имя министра финансовъ съ проектомъ и смѣтою. По предложенію генерала Сухотина, на основаніи этой записки, со спеціальною цѣлью изученія экономическихъ вопросовъ, въ Сѣверо-Западную Монголію, былъ командированъ г. Грумъ Гржимайло по особому маршруту: изъ Зайсана на Кобдо, Улясутай, Улукемъ, Уланкомъ и Кошъ-Агачъ; захватывая главнѣйшіе торговые пункты, этотъ маршрутъ долженъ былъ дать обширные матеріалы о Сѣверо-Западной Монголіи, какъ торговомъ рынкѣ.

СНАРЯЖЕНІЕ ЭКСПЕДИЦІИ.

Лошади.

Предстоящій путь складывался изъ путешествія черезъ пустынную тайгу и черезъ монгольскія некультурныя степи. Какъ въ той, такъ и въ другой, ни овса, ни другого какого нибудь фуража не имѣется, брать же съ собою фуражъ на

все время путешествія, для всѣхъ экспедиціонныхъ лошадей было невозможно, такъ какъ потребовалось бы взять съ собою спеціально для фуража вдвое большее число вьючныхъ лошадей. Нужно было разсчитывать только на подножный кормъ. При такихъ условіяхъ болѣе надежными казались лошади, выросшія на подножномъ степномъ корму и привыкшія доставать кормъ изъ-подъ снѣга. Въ виду этихъ соображеній пріобрѣтены были лошади изъ минусинскихъ степей. Минусинскія лошади оказались хорошо сложенными, сильными, выносливыми, привыкшими къ горамъ, но чрезвычайно дикими.—Требовалась усиленная работа нѣсколькихъ опытныхъ конюховъ, чтобы пріучить лошадей къ поводу; узду можно было надѣть на лошадь только тогда, когда поймаютъ ее на арканъ и свяжутъ ноги. Пришлось объѣзжать и пріучать къ вьюкамъ, для чего лошадей приходилось связывать предъ завьючиваніемъ и туго притягивать голову къ столбу; завьюченныя лошади бились, падали со вьюками, сбрасывали вьюки. (Чтобы не попортить вьюковъ мы для этого брали мѣшки съ пескомъ). Пріучивъ къ вьюку, нужно было пріучить лошадей идти спокойно въ караванѣ связанными по три. Вся эта работа отняла у насъ много времени и труда и потребовала траты силъ лошадей. Впослѣдствіи лошади, взятыя совершенно невыѣзжанными, оказались менѣе выносливыми и быстро утомились. Болѣе крѣпкими оказались степныя-же лошади, но бывшія прежде въ работѣ и въ особенности выкормленныя хлѣбнымъ кормомъ. Въ дальнѣйшемъ пути приходилось, неоднократно, усталыхъ, утонувшихъ или больныхъ лошадей, замѣнять мѣстными. Опытъ показалъ, что для дальняго похода, при указанныхъ условіяхъ, въ особенности по степямъ нужно брать степныхъ лошадей, но вполнѣ выѣзженныхъ, бывшихъ уже въ работѣ и предварительно давъ имъ хорошее тѣло на хлѣбномъ корму*). Русскія лошади хотя-бы и хорошо вы-

*) Въ нынѣшнюю русско-японскую кампанію сдѣланъ 1-й опытъ покупки мину-

кормленныя хлѣбомъ и въ хорошихъ тѣлахъ, въ степяхъ, на короткомъ корму, быстро теряютъ тѣла и становятся негодными. Наоборотъ, для дальняго вьючнаго похода черезъ тайгу желательно имѣть лошадей крестьянскихъ—сибирскихъ, привыкшихъ къ вьючному движенію по тайгѣ; онѣ умѣютъ самостоятельно лавировать вьюками, не задѣвая за деревья, не требуютъ частой перевьючки въ пути; сплошной буреломъ, болоты и топи для нихъ не составляютъ затрудненій, особенно трудныя мѣста лошадь проходитъ съ такою ловкостью, съ какою ее не провелъ бы человѣкъ; такая лошадь свободно отпущенная со вьюкомъ почти не требуетъ проводника и менѣе утомляется.

Вьючныя сѣдла. Среди сплошного лѣса, „тайги“, при переходѣ черезъ подъемы, спуски, болота, броды, даже небольшой вьюкъ очень безпокоитъ лошадь, то задѣвая за деревья, то сползая на шею или на крестецъ лошади и набить спину лошади очень легко; а между тѣмъ лошадь съ испорченной спиной выбываетъ изъ экспедиціи и замѣнить ее нельзя; пришлось бы кидать вьюки. Поэтому система вьючныхъ сѣделъ имѣетъ первостепенное значеніе. Имѣвшіяся на мѣстныхъ рынкахъ: въ Канскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Минусинскѣ обыкновенныя крестьянскія вьючныя сѣдла одинаковаго типа, признаны были неудовлетворительными, во первыхъ потому, что они довольно тяжелы, а во вторыхъ—плотно ложатся на самый хребетъ лошади и легко могутъ набить спину*). Въ виду этого намъ пришлось сдѣлать сѣдла самимъ. Наши сѣдла были самой простѣйшей системы: деревяга состояла изъ двухъ досокъ сухого березоваго дерева 5 верш. шириною и 8 вер. длиною, въ нихъ врѣзывались двѣ дуги, вырубленныя изъ корня березы, а посрединѣ дугъ простая прямолинейная связь. Къ деревягѣ пришивались по кошмѣ,

синскихъ лошадей для казачьихъ полковъ. Интересно будетъ слышать отзывъ опыта кампаніи.

*) Чевилевъ взялъ такія сѣдла и его лошади нерѣдко набивали спины.

сложенной вчетверо, длиною по сѣдлу и шириною отъ верхняго края доски до половины бока лошади. Подпруга и двѣ потфеи изъ волоса, шириною въ 4 пальца. Деревяги этихъ сѣделъ, сдѣланныя простымъ топоромъ и буравчикомъ, въ случаѣ поломки могли быть замѣнены новыми*), всегда въ пути и въ кратчайшее время, для чего рѣшительно не требовалось никакихъ денежныхъ расходовъ; эти сѣдла имѣютъ небольшой вѣсъ, оставляютъ совершенно свободнымъ хребетъ лошади. Стоимость приклада къ такому сѣдлу, съ покупкою лучшихъ кошмъ и волосяныхъ подпругъ, колецъ, пряжекъ и прочаго обошлась всего по 7 рублей.

Съ этими вьючными сѣдлами, при весьма тяжелыхъ условіяхъ пути, экспедиція прошла черезъ всю тайгу и часть Монголіи всего около 1200 верстъ**) и ни одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей, засѣдланныхъ этими сѣдлами, не испортила спины.

Верховыя сѣдла

Верховыя сѣдла были взяты казачьяго образца. Въ пути однако въ нихъ оказались нѣкоторые недостатки: во 1) они сравнительно тяжелы, 2) при продолжительномъ путешествіи волосъ въ подушкѣ часто скатывается и сѣдло дѣлается очень утомительнымъ, 3) прочность одного казачьяго сѣдла оказалась не высокою, такъ какъ ленчикъ у него въ тайгѣ развалился и 4) два сѣдла, при самомъ старательномъ уходѣ казаковъ за своими верховыми лошадьми, набили спины. Впослѣдствіи были пробованы сѣдла: мѣстное крестьянское алтайскаго типа, сойотское, монгольское и китайское. Крестьянское сѣдло въ короткій промежутокъ времени испортило спину верховой лошади, сойотское очень мало́ и утомительно. Монгольское и китайское немного отличаются другъ отъ друга, но первое тяжелѣе и грубѣе второго, и менѣе удобное. Китайское сѣдло, на которомъ пришлось совершить послѣднюю часть пути, свыше 800 верстъ, форсированными

*) Что неоднократно и приходилось дѣлать.

**) Пока не потребовалось замѣнить вьючныхъ лошадей верблюдами.

переходами по 40—45 вер. въ день, безъ дневокъ, не только не попортило спины лошади, но не утомляло ни сѣдока ни лошади и не потеряло своего приличнаго вида, несмотря на неблагопріятныя условія.

Вьюки.

Вещи уложены были въ сумы разной формы и величины или въ ящики. Нѣсколько сумъ были сдѣланы изъ брезентина ($4^1/_2$ четв. длиною и $3^1/_2$ четв. шириною), оказались довольно прочными и удобными для завьючиванія; нѣсколько сумъ изъ черной кожи (5 четв. шириною и 5 четв. длиною), онѣ оказались еще прочнѣе, но низко спускаются съ сѣдла, тяжелѣе первыхъ, вьюкъ широкъ, часто свертывается и утомляетъ лошадей. Ящики еще болѣе неудобны: громоздки, тяжелы и еще болѣе, чѣмъ кожанныя сумы, утомляютъ лошадей. Наилучшимъ вьюкомъ оказался продолговатый чемоданъ (5 четв. длиною и 3 четв. шириною), съ брезентиновымъ чахломъ. Вьюкъ изъ двухъ чемодановъ лежитъ вдоль по сѣдлу очень удобно, рѣдко задѣваетъ за деревья, почти никогда не свертывается, почему менѣе всего утомляетъ лошадь; чемоданъ значительно вмѣстительнѣе сумъ, вещи въ немъ на мнутся, не ломаются и хорошо предохраняются. Сухари и мясо были уложены въ простые мѣшки.

Вьюкъ лошади составлялся изъ двухъ сумъ или мѣшковъ, каждый мѣшокъ перевязывался веревкою и изъ той-же веревки оставалась петля. При завьючиваніи петли вкладывались одна въ другую и скрѣплялись небольшою палочкою.

Завьючиваніе дѣлалось такъ: на каждый вьюкъ имѣлась веревка (тюштюкъ) длиною 6 саж., посрединѣ ея нашивался войлокъ, чтобы веревка не натирала лошадь. Средина веревки прокладывалась подъ лошадь; затѣмъ концы съ обѣихъ сторонъ перекидывались черезъ вьюкъ, туго стягивались, обертывались кругомъ вьюка, завязывались на верху. Тюштюки желательно имѣть изъ волоса, т. к. коноплянныя—при сырости быстро гніютъ и рвутся.

Сверху вьюки покрывались брезентовою покрышкою, что предохраняло вьюки отъ дождя, пыли и не такъ скоро перетирало веревкою. Принято вьюки дѣлать вѣсомъ въ 6 пуд., но, въ виду горной и таежной мѣстности, были сдѣланы вьюки по 5 пудовъ; потомъ, при дальнѣйшемъ путешествіи по тайгѣ, въ горной странѣ, вьюкъ пришлось уменьшить до 4 пудовъ. Собственныя вещи каждаго члена экспедиціи составляли отдѣльные вьюки и везлись на своихъ вьючныхъ лошадяхъ; вещи казаковъ, продовольствіе, палатки, прочія обще-экспедиціонныя вещи везлись на лошадяхъ, пріобрѣтаемыхъ на обще-экспедиціонные средства.

Вьюки и продовольствіе для торговаго каравана были совершенно отдѣльны и независимы отъ экспедиціи.

Организація каравана.

Вьючныя лошади были распредѣлены въ „связки" по три лошади. Лошадь привязывалась за хвостъ и шею впереди идущей. Каждый рабочій или казакъ имѣлъ по связкѣ лошадей и свою четвертую. Двѣ связки составляли партію, состоящую изъ 8 лошадей и 2-хъ рабочихъ или казаковъ. На рабочихъ лежала обязанность досмотра, сѣдловка и вьюченія своихъ лошадей. Въ пути каждая партія шла вмѣстѣ. Верховыя лошади членовъ экспедиціи засѣдловались, разсѣдловались самими членами, досмотръ-же поручался отдѣльному казаку, назначенному для работъ при съемкѣ. Караванъ, слѣдуя лошадь за лошадью по тропамъ, растягивался иногда на $^{1}/_{2}$ версты и болѣе. Въ трудныхъ мѣстахъ, передnія—останавливались, караванъ подтягивался и пропускался.

Утварь.

Были взяты: для варки ~~[illegible]~~ чая: большой мѣдный чайникъ на весь составъ экспедиціи и два маленькихъ эмалированныхъ чайника. Вода для чая кипятилась въ большомъ чайникѣ; въ два маленькихъ—кипятокъ отливался для членовъ экспедиціи (въ одинъ заваривался чай),—а затѣмъ въ большомъ чайникѣ заваривался кирпичный чай для казаковъ и рабочихъ. Для членовъ экспедиціи были взяты эмалированныя кружки, а для казаковъ круглыя деревянныя китайскія чашки.

Всѣ эти вещи оказались прочными и прослужили все время. Для варки пищи взяты были три котла изъ кованнаго желѣза, такихъ относительныхъ размѣровъ, что вкладывались одинъ въ другой. Въ одномъ варился супъ, въ другомъ, временами, варилась каша, жарилась баранина на салѣ, а въ третьемъ готовилась пища для членовъ экспедицiи. Ложки мы брали деревянныя, но онѣ всѣ поломались и мы долгое время оставались безъ ложекъ. Необходимо брать ложки металлическiя. Взятыя четыре брезентиновыхъ ведра ни разу не были въ употребленiи. Въ степи необходимо имѣть что-нибудь для перевозки запаса воды; мы брали деревянный боченокъ, такой вмѣстимости, чтобы хватало на сутки, т. е. на три привала.

Безъ вилокъ и столовыхъ ножей можно обойтись. Каждый изъ состава экспедицiи имѣлъ у себя на поясѣ ножъ. Для всего состава имѣлось 6 хорошихъ топоровъ.

Для мелкой посуды необходимо брать: или прочную карзинку, или небольшой ящикъ, который можно-бы было укладывать сверху вьюка.

Палатки. Палатки были сдѣланы изъ брезентина слѣдующей конструкцiи: верхъ двускатный съ боковыми стѣнками укрѣплялся на двухъ кольяхъ, съ одной перекладиной по потолку, 4 конца палатки привязывались къ колышкамъ. Такая система палатокъ сложна, палатка тяжела, легко протекаетъ въ изгибѣ, а въ степяхъ, во время булановъ, ее срываетъ вѣтромъ. Лучшею системою можно признать монгольскую палатку: круглую, укрѣпляемую на одномъ колу и прикрѣпленную къ землѣ маленькими колышками*). Она проще, не имѣя складокъ, не даетъ течи, вмѣстительнѣе, прочнѣе въ установкѣ и требуетъ только одинъ колъ и нѣсколько мелкихъ колышковъ или деревянныхъ гвоздей. При небольшой экспедицiи удобнѣе брать двѣ палатки: одну—для членовъ,

*) Всѣ, торгующiе въ Монголiи, китайцы и русскiе, пользуются такою системою палатокъ.

другую—для казаковъ. Впослѣдствіи, когда у насъ утонули съ вьючною лошадью палатки, мы пробовали устраиваться всѣ въ одной, но это сожительство съ начальствомъ стѣсняло казаковъ. Имъ для хорошаго отдыха обязательно нужна отдѣльная, своя, палатка.

Постель.

Никакихъ складныхъ кроватей съ собою можно не брать, такъ какъ всѣ онѣ, какихъ бы системъ не были, скоро ломаются, отнимаютъ много времени для установки и складыванія, тяжелы, увеличиваютъ число вьюковъ и составляютъ пожалуй, излишнюю роскошь. Лучшею постелью нужно признать хорошую толстую кошму, сложенную вчетверо, а сверху обыкновенную, баранью шубу мѣхомъ вверхъ, въ голову сѣдло и перовую подушку, которая, вкладываясь въ кожанный чахолъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сѣдловою подушкою, а зимою еще мѣховое одѣяло изъ козьихъ шкуръ.

Намъ пришлось прожить въ палаткѣ почти шесть мѣсяцевъ, послѣднихъ два мѣсяца при 5—15 градусахъ мороза, часто приходилось спать на болотахъ, на снѣгу, во время непрерывныхъ дождей и въ снѣжные бураны и никто ни разу не жаловался на неудобство и не простудился.

Такая постель легко свертывается и, перетянутая ремнемъ, укладывается удобно сверху вьюка.

Костюмъ.

Кожанная шведская куртка, кожанные туркестанскіе чембары*) и въ холодный день, сверхъ куртки, обыкновенный крестьянскій армякъ; осенью, а въ высокихъ горахъ, и лѣтомъ— короткій мѣховой сюртукъ офицерскаго покроя изъ овчины барнаульской выдѣлки, съ отложнымъ воротникомъ, необходимо, мѣховой сюртукъ дѣлать такой длины, чтобы сидя на лошади можно было закрывать колѣна; зимою изъ той-же овчины—шаровары. На ноги: болотные сапоги, а еще лучше „ичеги“, хорошо имѣть сапоги изъ бурки, ихъ удобно надѣвать на ночь, а обшитые хорошею кожею по ступни и съ крѣпкою толстою подошвою,—они могутъ служитъ

*) Кожанныя шаровары.

и зимою; въ эти же бурочные сапоги можно надѣвать еще мѣховые чулки. На голову: лѣтомъ офицерскую бѣлую фуражку, осенью легкую маленькую суконную шапочку, а зимою папаху.

Продовольствіе. По первоначальному расчету было взято: сухарей ржаныхъ по 2 фунта на человѣка на день и 1 фунтъ сушеной говядины. Потомъ оказалось, что въ сутки на человѣка выходило 1 фунтъ сухарей и $1/_2$—$3/_4$ фун. мяса. Сухари лучше дѣлать изъ круглыхъ маленькихъ булокъ, разрѣзанныхъ на двое. Такой сухарь, имѣя круглую форму, не такъ сильно крошится. Мясо для путешествія по тайгѣ мы брали скотское, высушенное или провяленное на солнцѣ. Для членовъ экспедиціи брали, для закуски: свинные окорока (большая часть попортилась), свинные копченые бочки (отлично сохранялись), копченую баранину, „московскую" копченую калбасу, мелкіе рыбные консервы (совершенно не пригодились, —пришлось многіе выбросить), но чаще приходилось ограничиваться шашлыками изъ сушеной говядины.

Для состава экспедиціи и угощенія монголовъ было взято ведро спирта въ металлической флягѣ, обшитой обыкновенною сыромятною кожею и нѣсколько бутылокъ коньяку. Спиртъ и коньякъ оказались дѣйствительно необходимыми, какъ во время пути, такъ особенно при пріемѣ монгольскихъ гостей.

Аптека. Чаще всего требовались: хина, слабительные порошки, горчичники, іодъ, коллодіумъ, согрѣвающіе компрессы, борная кислота, иноземцовы капли и опійный настой. Въ особенности оказались необходимыми хина, горчичники, компрессы и коллодіумъ.

Деньги. Въ Урянхайской землѣ можно расчитываться русскими серебряными монетами и даже бумажными, для Монголіи нужно брать немного серебра. Лучше всего штампованнаго на нашемъ монетномъ дворѣ въ видѣ отдѣльныхъ круглыхъ монетъ, вѣсомъ въ 1 и въ 10 золотниковъ, пробы 990. Если

путь лежитъ мимо китайскихъ городовъ или китайскихъ торговцевъ, то выгоднѣе покупать серебро у китайцевъ, такъ какъ въ Монголіи курсъ на серебро дешевле чѣмъ въ Россіи. Ланъ серебра мнѣ обошелся въ Россіи въ 1 р. 60 к., между тѣмъ въ Улясутаѣ его можно было купить по 1 р. 35 к.

Запасныя вещи.

Подковы, гвозди, молотки и прочій инструментъ для ковки лошадей, веревки, черная и сыромятная кожа, шило, машинка для стрижки волосъ, ножницы, иголки, нитки и прочее.

Документы и подарки.

Мы были снабжены: заграничнымъ паспортомъ, (къ сожалѣнію безъ монгольскаго перевода), охранною китайскою грамотою (тоже къ сожалѣнію безъ монгольскаго перевода), затѣмъ взяли съ собою визитныя карточки на цвѣтной (по преимуществу красной) бумагѣ, съ монгольскимъ переводомъ, изъ разныхъ подарковъ: наиболѣе цѣлесообразными оказались серебряные подъ золотомъ перстни съ крупными стеклами въ видѣ брильянтовъ. Для китайскихъ властей золотые перстни и серги съ уральскими камнями (аметистомъ и хризалитомъ), для монгольскихъ властей часы съ электрическими лампочками, стереоскопы, компасы, барометры-анероиды и дешевые фотографическіе аппараты. Холодное оружіе дарить не принято, а ружья—неудобны для перевозки и стоятъ дорого.

Опытъ указалъ намъ, что лучшимъ средствомъ завязать хорошія отношенія съ монгольскими властями это фотографированіе при ихъ домашней обстановкѣ и немедленный подарокъ имъ этихъ фотографій и наконецъ, собственная хорошая фотографическая карточка.

———

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

От Канска къ Саянамъ.

21 го мая къ 9 часамъ утра вся экспедиція (въ составѣ 20 человѣкъ) верхами и, готовый въ путь, караванъ изъ 32 вьючныхъ лошадей выстроились на соборной площади города Канска, гдѣ мѣстнымъ духовенствомъ было отслужено молебствіе. Передъ отправленіемъ въ долгій путь мы прослушали богослуженіе, сопровождаемое стройнымъ пѣніемъ любителей изъ мѣстной интеллигенціи и затѣмъ, напутствуемые прочувственной рѣчью мѣстнаго священника и сочувственными пожеланіями публики,—тронулись въ путь.

Неизвѣстность предстоящаго путешествія и отвѣтственность—создавали у всѣхъ приподнятое настроеніе Первые шаги экспедиціи приходилось дѣлать по культурной, хорошо населенной мѣстности лѣвыхъ притоковъ р. Кана. Хорошо воздѣланныя поля, обширные луга, смѣнялись хорошими лѣсами, рѣка Канъ извиваясь, то среди равнинной мѣстности, то среди отвѣсныхъ предгорій Саянъ, орошала довольно зажиточныя села съ новыми домиками новоселовъ.—Все это были картины родныя, всѣмъ знакомыя. Отличная проселочная дорога, не требовала отъ экспедиціи напряженнаго труда. Первые 144 версты по населеннымъ мѣстамъ Канскаго уѣзда Енисейской губерніи были взяты нами въ 5 переходовъ съ двумя дневками.

Вьюки весь этотъ путь, по грунтовой дорогѣ, можно было-бы провезти на телѣгахъ, но караванъ былъ отправленъ вьючно съ цѣлью воспользоваться благопріятными условіями пути, чтобы постепенно пріучить маловыѣзженныхъ лошадей къ работѣ, выработать въ людяхъ смѣтку къ завьючиванію, провѣрить вьюки и постепенно, пока безъ борьбы съ природою, пріучить экспедицію къ предстоящему режиму повседневной жизни путешествія.

27-го мая экспедиція прибыла въ послѣдній населенный пунктъ—инородческій поселокъ Ильбинскій. Здѣсь сдѣлали

двухдневную остановку. Еще разъ были провѣрены и пересоставлены вьюки, сдѣлано астрономическое опредѣленіе этого пункта, замѣнены оказавшіяся ненадежными лошади и пополнены нѣкоторые продовольственные запасы.

Въ Саянахъ.

30-го мая нашъ бивакъ проснулся въ 3 ч. утра. Позади остается все, близкое намъ, впереди неизвѣстное будущее, борьба съ могучею природою, вѣковыми лѣсами и мощными великанами Саянской горной системы, еще издалека приковывающими наше вниманіе своими бѣлоснѣжными вершинами. Мѣстные охотники вернулись съ неудачной охоты и пугаютъ насъ суровою зимою, до сихъ поръ господствующей въ Саянахъ. Нынѣ весна въ Саянахъ очень поздняя. Всѣ опасаются, что насъ на долго задержатъ снѣга.

Сегодня вступаемъ въ преддверіе тайги. Стройныя лиственницы перемѣняются съ неменѣе стройными и красивыми соснами и разнообразятся лиственными деревьями: сибирскою яблоней, березой, осиной, черемухой и акаціей. Почва покрыта высокою травою, ласкающей глазъ путника своимъ блестящимъ ковромъ разнообразныхъ цвѣтовъ, кругомъ слышится шумное пѣніе представителей пернатаго царства. Сибирская природа просыпается, спѣша вознаградить себя за долгій зимній сонъ, стараясь возможно скорѣе воспользоваться короткимъ лѣтомъ.

Вьючная тропа пересѣкаетъ нѣсколько мелкихъ ручьевъ и подходитъ къ довольно широкой рѣчкѣ Кирель. Первый глубокій бродъ. Лошади боятся воды. Выстроили ихъ вдоль по берегу; пришлось проѣхать бродъ верхомъ, проведя за собою болѣе спокойную вьючную лошадь, а затѣмъ уже съ большими затрудненіями, крикомъ и шумомъ заставили входить въ воду и остальныхъ лошадей. Нѣкоторыя лошади съ размаху бросались въ воду, иныя болѣе спокойно спускались и переходили рѣку. На первый разъ нѣсколько вьюковъ подмочены, но бродъ перейденъ. Вотъ лошадь осторожно ступаетъ по плохимъ узкимъ мосткамъ болотистаго берега,

но ее догоняетъ бурная вьючная лошадь, происходитъ минутное замѣшательство, лошадь обрывается и падаетъ со всадникомъ въ болото. Легкій ушибъ служитъ первымъ крещеніемъ таежнаго пути. У сѣдла былъ привязанъ универсальный инструментъ; лошадь упала на него, но къ счастію инструментъ остался цѣлъ и только раскололся футляръ. Хронометры, надѣтыя на поясномъ футлярѣ, получили первое серьезное сотрясеніе, но не одинъ не остановился.

Дальнѣйшій путь лежалъ по долинамъ рѣчекъ: Тугуза, Малаго и Большого Кулежа. Горы все болѣе и болѣе стѣсняли долины, оставляя очень мало простора для шумнобѣгущихъ рѣчекъ и ручьевъ. Долины заросли лиственнымъ лѣсомъ, а горы покрываются все гуще и гуще хвойными великанами. Мы постепенно поднимаемся надъ уровнемъ моря не рѣдко приходится путаться въ травянистыхъ болотахъ. Лишь изрѣдка попадается ровная удобная для бивака поляна и снова кочковатое болото или густой лѣсъ, загроможденный крупнымъ валежникомъ (буреломомъ). Тропа становится все у́же, вьюки все чаще задѣваются деревьями, нерѣдко сваливаются, поэтому караванъ часто останавливается, перевьючивая то одну, то другую лошадь. Трудность пути даетъ себя знать: въ первые дни дѣлали всего только по 12—15 верстъ, проводники говорятъ, что настоящей „тайги“ еще не видѣли, а между тѣмъ лошади и люди уже не имѣютъ того бодраго вида, какъ при выступленіи. Одна лошадь, несмотря на тщательный досмотръ, уже утомилась и отказывается служить.

Ночевали на вершинѣ Тугузскаго перевала; всю ночь дулъ холодный пронизывающій вѣтеръ со стороны снѣжныхъ вершинъ, а утромъ 1 іюня выпалъ маленькій снѣгъ, температура—3° Цельсія. Еще два перехода и мы подошли къ подножію Сѣвернаго Саянскаго хребта и сдѣлали дневку.

Быстрота движенія незначительная: въ три перехода по вьючной тропѣ мы сдѣлали около 45 верстъ.

Впереди нашъ путь проходитъ по хребту, черезъ перевалъ въ долину р. Балоя, а между тѣмъ по вершинамъ хребта виднѣются глубокіе снѣга. Проводникъ впалъ въ уныніе, говоритъ, что дальше идти будетъ нельзя. Чтобы разрѣшить сомнѣніе, пришлось предварительно произвести небольшую рекогносцировку. Я, Н. А. Топорковъ, К. Е. Пѣтуховъ, проводникъ и казакъ утромъ рано выѣхали впередъ налегкѣ. Съ большою трудностью поднялись по склону хребта, покрытому уже настоящею тайгою и на высотѣ $4^{1}/_{2}$ т. футовъ встрѣтили снѣгъ. Тропа лишь мѣстами виднѣлась изъ подъ снѣга, чѣмъ выше поднимались на хребетъ, тѣмъ глубже были завалы снѣга. Наши верховыя лошади по брюхо проваливались въ снѣгъ и съ большимъ трудомъ пробивались впередъ. Что же предстояло бѣднымъ вьючнымъ лошадямъ. Наконецъ наши лошади стали выбиваться изъ силъ. Тогда мы оставили лошадей съ казакомъ. Н. А. Топорковъ рѣшилъ произвести метеорологическія наблюденія, измѣреніе высотъ гипсотермометромъ и оріентировать въ горахъ маршрутную съемку. Я, К. Е. Пѣтуховъ и проводникъ пошли по снѣгу впередъ отыскивая удобное мѣсто для перевала черезъ хребетъ; но, увы, проходивъ три часа по снѣжнымъ заваламъ, мы убѣдились, что вести вьючный караванъ черезъ этотъ перевалъ невозможно. Измученные вернулись къ лошадямъ и поздно ночью обратно спустились къ бивaку.

Въ этомъ мѣстѣ Сѣверный хребетъ имѣетъ крайне непріютный и мрачный характеръ. Скалистая почва покрыта изрѣдка мелкимъ полярнымъ кустарникомъ, а остальное пространство, гдѣ небыло снѣга, покрыто полярнымъ мхомъ. Вся площадь хребта имѣетъ видъ тундры. Отдѣльныя вершины имѣютъ округлый видъ и набросаны въ какомъ то хаотическомъ безпорядкѣ. Съ хребта открывается обширный кругозоръ на восточный склонъ, въ систему р. Кана, покрытый глухою тайгой.

На завтра рѣшили попробовать обходный путь черезъ перевалъ въ вершину р. Мимiи и сдѣлали новую рекогносцировку, къ счастiю, болѣе удачную по результатамъ, а 3 iюня тронулись по обходному пути, по перевалу р. Мимiи.

Тропа вела по лѣвому склону долины р. Большого Кулежа поднимаясь среди глухой тайги на сѣверный Саянскiй хребетъ. Мощные кедры, густо растущiе, переплетались между собою широкими вѣтвями, толстые корни таежныхъ великановъ устилали сплошь землю, мѣстами между корней были глубокiя ямы, вся почва покрыта высокимъ мягкимъ мхомъ. Лишь изрѣдка кое гдѣ на мшистой канвѣ появится случайно заброшенный судьбою таежный подснѣжникъ, или какой нибудь другой неприхотливый цвѣтокъ. Деревья иногда длиною въ 10—15 саж., толщиною у корня по аршину, сваленные бурею, сплошь застилаютъ тайгу, переплетая ее какъ искусственно созданныя сѣти и создавая непроходимыя преграды для движенiя. Если-бы человѣку вздумалось рискнуть пойти внѣ тропы, то онъ будетъ принужденъ работать топоромъ, расчищая себѣ каждый шагъ; перейдя благополучно одно дерево, ему тотчасъ-же преграждаетъ путь другое, а иногда и цѣлый рядъ деревьевъ, сваленныхъ природою одно на другое такъ искустно. Лошадь проваливается между переплетенными корнями, коварно скрытыми на взглядъ ровною и гладкою поверхностью темнозеленаго мха; въ такихъ случаяхъ, провалившись одной ногою, лошадь старается вырвать ногу изъ кореньевъ, обрывая подковы, а иногда и копыта, а только благополучно выдернетъ одну ногу, какъ вслѣдъ за симъ другою ногой попадаетъ въ такую же ловушку, устроенную суровою природой. Кругомъ на много, много сотъ верстъ раскинулась такая дремучая тайга, отвоевавъ себѣ почти всю горную систему Саянъ и грозно сторожа неприкосновенность суровой природы. Лишь на высотѣ 4—5000 фут. надъ уровнемъ моря тайга уступаетъ мѣсто голому камню, покрытому 10—11 мѣсяцевъ глубокимъ

покровомъ снѣговъ. Такія вершины носятъ различныя мѣстныя названія: въ восточныхъ склонахъ Саянъ ихъ называютъ „гольцами" въ сѣверо-восточныхъ—„бѣлки" въ сѣверо-западныхъ и южныхъ „таскылы".

Самая тропа была нерѣдко завалена упавшими деревьями и часто усѣяна большими камнями вывѣтрившагося гранита. Вьючныя лошади съ большимъ напряженіемъ преодолѣвали трудности подъема, по таежной тропѣ; всадники спѣшились и вели верховыхъ лошадей въ поводу. Приходилось часто останавливаться, чтобы дать отдыхъ лошадямъ и подтянуть караванъ.

Перевалъ въ этомъ мѣстѣ былъ ниже предѣла растительности и только самая вершина была завалена мягкимъ снѣгомъ, доходившимъ до стремени. Но вотъ перевалили хребетъ и спустились по р. Сенажегѣ въ долину р Маны. Широкая долина р. Маны нерѣдко открываетъ обширные луга, казалось-бы очень удобные для культуры, если бы не было здѣсь такъ холодно. По долинѣ р. Маны имѣется нѣсколько золотопромышленныхъ пріисковъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже заброшены и лишь одни старатели настойчиво роются на свой страхъ и рискъ, добывая въ сутки на человѣка по одному по два золотника золота.

На берегу р. Маны, у устья р. Сенажеги находится пріискъ г. Прейна. Въ настоящее время онъ тоже не работается. Сюда на этотъ пріискъ г. Прейна, во время работъ, припасы завозились зимою на саняхъ. Лѣтомъ сообщеніе затруднительно и совершается очень рѣдко.

Здѣсь на хорошемъ лугу мы остановились и сдѣлали дневку.

Отъ устья Сенажеги мы пошли въ верхъ по долинѣ рѣки Маны и при устьѣ р. Куранджи, на хорошемъ подножномъ корму, дана была вновь дневка, и были произведены астрономическія наблюденія.

Дальше намъ слѣдовало снова подняться на вершину хребта и пройти по нему около 100 верстъ, чтобы перевалить въ западные склоны Саянъ.

Постепенно поднимаясь по лѣвымъ притокамъ р. Маны, мы достигли перевала около 5000 фут. высоты надъ уровнемъ моря и оказались среди снѣга, который растаялъ только мѣстами, на солнечныхъ (южныхъ) склонахъ, освобождая лишь небольшія зеленыя поляны. Пройдя среди снѣга около 8 верстъ, мы остановились на южномъ склонѣ долины верхняго теченія р. Малое Пизо, лѣваго притока р. Кана. Это мѣстечко оказалось для экспедиціи первымъ роковымъ пунктомъ.

До сихъ поръ хотя и съ затрудненіями, небольшими переходами, въ 12-18 верстъ, но мы подвигались впередъ. Теперь намъ предстояло перевалить въ систему верхнихъ истоковъ р. Кизира. Впереди снѣгъ становился все глубже и глубже, тропа была засыпана глубокими снѣжными завалами*), идти ею оказывалось невозможнымъ, приходилось идти внѣ тропы, выбирая удобное направленіе, лавируя между снѣгами. Опытный проводникъ, проведшій больше 40 лѣтъ въ этихъ мѣстахъ на охотѣ, увѣрялъ, что стоитъ сдѣлать 9—10 верстъ и перевалить въ долину рѣки Шимши, какъ мы встрѣтимъ тамъ, на южномъ склонѣ хребта уже открывшіеся отъ снѣгу „таскылы“ и хорошій кормъ.

Рано утромъ 10 іюня мы тронулись дальше. Проводникъ выбиралъ мѣста съ болѣе тонкимъ слоемъ снѣга; вьючныя лошади поднимаясь все время въ гору брели иногда по колѣна, иногда и глубже въ снѣгу. Несмотря на частые отдыхи, замѣчалось, что силы покидаютъ ихъ. Но вотъ подошли къ обширному снѣжному полю, раскинутому на 10 верстъ поперегъ нашего пути, глубина завала превышала 3 сажени, шириною въ $^1/_2$ вер. Обойти этотъ завалъ было невозможно. Приходилось такъ или иначе пробовать пересѣчь его по верху. Остановивъ караванъ, мы съ проводни-

*) Заваломъ въ Саянахъ называются обыкновенно такіе снѣга, которыми занесены складки мѣстности. Нередко глубокія и узкія долинки или рытвины замѣтаются снѣгомъ въ уровень съ окружающими берегами.

комъ спѣшенные пошли по завалу. Снѣгъ оказывался еще настолько крѣпкимъ, что сдерживалъ насъ. Выбирая наиболѣе надежное направленіе, мы благополучно перевели своихъ верховыхъ лошадей на ту сторону завала. Тогда начали переводить въ поводу по одной вьючной лошади. Первыя лошади прошли благополучно, но не то было съ послѣдующими: нѣкоторыя лошади начали проваливаться въ снѣгъ, иногда уходя въ снѣжную глубь почти вмѣстѣ со вьюкомъ. Приходилось развьючивать упавшихъ лошадей и, созвавъ всѣхъ рабочихъ, вытаскивать ихъ на веревкахъ. Пробившись больше 4 часовъ надъ переходомъ черезъ завалъ, мы дальше встрѣтили еще нѣсколько заваловъ. Измученныя лошади совершенно выбивались изъ силъ, нѣкоторые вьюки были сложены на верховыхъ лошадей, а усталыхъ лошадей пришлось бросить на дорогѣ. Пробиваясь шагъ за шагомъ, съ чрезвычайными трудностями, побросавъ на разстояніи 9 верстъ нѣсколько вьючныхъ лошадей, мы достигли наконецъ вершины перевала „Шышты-боръ" 5660 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Отсюда открылась величественная картина Саянской горной системы. Предъ нами бѣлѣлись многочисленныя вершины Саянъ, покрытыя сплошь снѣжнымъ покровомъ. Вся эта картина проектировалась на мощномъ сплошномъ прямолинейномъ хребтѣ, составлявшемъ водораздѣлъ между двумя Казырами. Проводникъ указывалъ намъ: вотъ тамъ, въ этой щели, мы должны будемъ перейти сплошную мощную стѣну гранитовъ и выйти на Казыръ—(Боло), а тамъ и въ Монголію. Казалось такъ близко, но увы въ горахъ разстояніе скрадывается. До этого хребта еще около 100 верстъ, а впереди не только нѣтъ корму, но кромѣ сплошного снѣжнаго покрова рѣшительно ничего не было видно. Здѣсь, несмотря на половину іюня,—была еще суровая зима.

Настроеніе всей экспедиціи было не изъ важныхъ. Подготовленные предшествующими затрудненіями, рабочіе сло-

мились нравственно послѣднимъ труднымъ 9-ти верстнымъ переходомъ. Члены экспедиціи хотя и робко, но довольно ясно намѣкали, что дальше идти невозможно, среди рабочихъ царствовало уныніе. Только молодцы казаки не менѣе измученные, бодро и смѣло смотрѣли впередъ. При температурѣ—3° Реомюра, пронизывающій горный вѣтеръ еще болѣе ухудшалъ настроеніе. Старики проводники усталые легли на вьюки. Требовалась поддержка. Пріятно было бы скипятить чайку, а еще лучше подкрѣпиться супомъ, но, увы, на этой голой вершинѣ не имѣется дровъ и потому нельзя развести даже огня. Но хорошая порція спирта, приподняла настроеніе и черезъ нѣсколько часовъ всѣ были готовы двинуться впередъ, пробиваясь пока будетъ возможно къ желаемой цѣли. Однако, брошенныя позади нѣсколько лошадей, усталый, разбитый видъ остальныхъ, указывали на необходимость принять выжидательное положеніе. Поэтому было рѣшено оставить всѣ вьюки на вершинѣ перевала и со свободными лошадьми обратно вернуться въ долину р. Пизо, такъ какъ ближе, кромѣ бѣлаго тундроваго мха, голыхъ камней и снѣжныхъ полей ничего не было видно; а тамъ была вода и хотя не роскошный, но достаточный подножный кормъ. Поздно ночью мы прибыли обратно на оставленные бивачные костры и раскинули наши палатки. Послѣ горячаго ужина у яркопылавшихъ костровъ начались оживленные разговоры о впечатлѣніяхъ дня и о предстоящемъ впереди неизвѣстномъ будущемъ.

Стройное пѣніе у костра нашего импровизированнаго квартета отвлекло вниманіе рабочихъ отъ мрачныхъ темъ разговора, а звуки грамофона окончательно разсѣяли непріятное настроеніе. Мало по малу въ палаткахъ рабочихъ возстановились прежнія веселыя шутки и смѣхъ.

Послѣ этой первой попытки прорваться черезъ Саяны, всѣ предшествующія увѣренія двухъ проводниковъ о легкости пути и полной возможности скоро перевалить за предѣлы Россіи—казались въ высшей степени сомнительными;

чувствовалось, что съ большимъ карованомъ и такимъ составомъ экспедиціи намъ трудно перевалить Саяны. Караванъ съ товарами былъ взятъ въ разсчетѣ на отысканіе удобнаго торговаго пути въ Монголію черезъ Саяны. Судя по пройденному на это нельзя было разсчитывать и потому расходы на него могли оказаться напрасной затратой.

Основательно обдумавъ общее положеніе своихъ дѣлъ, Чевилевъ рѣшилъ вернуться съ караваномъ на Ману, оставить его на пріискахъ и выѣхать домой, а съ экспедиціей отправить лишь для развѣдки своего приказчика съ двумя надежными рабочими.

12 іюня мы вымѣняли себѣ у Чевилева наиболѣе сильныхъ и надежныхъ лошадей, отобрали почти всѣ продовольственные запасы, переформировали заново вьюки и проводили обратно своего товарища.

Въ тотъ же день съѣздили къ оставленнымъ вьюкамъ, но нашли положеніе дѣлъ не улучшеннымъ: Саяны были все еще покрыты глубокимъ снѣгомъ. Однако, проводники продолжали увѣрять, что дня черезъ три, много пять, снѣгъ сойдетъ и откроетъ намъ путь.

Прождавъ обѣщаннаго таянія снѣговъ до 17 іюня, я рѣшилъ произвести на легкѣ болѣе дальнюю рекогносцировку. Взявъ съ собою одну вьючную лошадь, казака, проводника, сопровождаемый двумя товарищами Топорковымъ и Вороновымъ—мы рано утромъ выѣхали впередъ, снова лавируя между завалами, пересѣкая нѣкоторые по верху, сдѣлали 22 версты и спустились въ котловину верховьевъ р. Аянъ-бу, одного изъ притоковъ р. Шинды (системы р. Кизира).

Къ нашему счастію здѣсь снѣгъ во многихъ мѣстахъ уже стаялъ и былъ довольно порядочный кормъ для лошадей. Предполагая, что избранныя лошади, хорошо отдохнувшія за восьмидневную стоянку, пробьются черезъ завалы, мы рѣшились продвинуть караванъ впередъ. Проводникъ тотчасъ же былъ отправленъ обратно за караваномъ, съ за-

пиской къ Пѣтухову, а мы на утро рекогносцировали еще нѣсколько верстъ впередъ. Казалось, что судьба начинала намъ улыбаться. Впереди снѣгу было меньше и кормъ встрѣчался все чаще.

Рѣка Аянъ-бу беретъ начало изъ группы озеръ на высотѣ 5000 фут. надъ уровнемъ моря. Обширная котловина отдѣляется очень незначительнымъ поднятіемъ отъ другой подобной же обширной котловины, съ группами озеръ, которыя служатъ истоками р. Сурнугея, впадающаго справа въ рѣку Казыръ. Такимъ образомъ истоки двухъ большихъ притоковъ Казыра: Шинды и Сурнугея находятся въ $^1/_2$ в. другъ отъ друга и почти на одной высотѣ. Обѣ котловины почти безлѣсны. Изрѣдка встрѣчаются сосна, береза и мелкій кустарникъ, полярныхъ мховъ не замѣтно. Судя по горнымъ породамъ, найденнымъ нами въ этой мѣстности, можно предполагать, что гдѣ то есть золотоносные розсыпи и даже графитъ, что, впрочемъ, весьма возможно, т. к. въ долинѣ р. Шинды, въ нижнемъ теченіи, добывается золото и теперь.

18-го іюня вечеромъ, благополучно, къ намъ на Аянъ-бу, прибылъ караванъ, встрѣченный съ сердечною радостью. Давъ суточный отдыхъ лошадямъ, мы, 20-го іюня, тронулись дальше. Приходилось пройти по нѣсколькимъ верхнимъ истокамъ рѣчки Сурнугея, съ одной стороны и р. Б. Пизо съ другой, а затѣмъ, переваливъ еще разъ хребетъ у озера Б. Пизо (истокъ рѣки того-же названія), спуститься по одному изъ притоковъ къ р. Кизиръ.

Снова проходя между снѣгами, то по тропѣ, то безъ тропы мы дошли до озера Б. Пизо, оказавшагося покрытымъ сплошнымъ толстымъ льдомъ. Проводникъ увѣрялъ, что обыкновенно въ это время озеро бываетъ всегда открытымъ и что нынѣ исключительно холодный годъ и потому таяніе снѣговъ запоздало. На большомъ привалѣ, среди снѣговъ вершины Б. Пизо, мы не нашли корму лошадямъ. Бѣдныя животныя

бродили по окраинамъ снѣжныхъ полей, собирая крайне скудную растительность.

Озеро Б. Пизо находится на высотѣ 4900 фут. надъ уровнемъ моря, длиною версты $1^1/_2$ и шириною около $^1/_2$ версты, оно, говорятъ, очень богато рыбою. Вода чистая, вкусная. Озеро находится въ обширной котловинѣ, окруженной незначительными холмами. Тутъ-же, всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, имѣется еще три озера, расположенныя террасами одно надъ другимъ, такимъ образомъ, что вода изъ верхняго ручьемъ скатывается въ среднее, а изъ средняго въ нижнее; эти три озера, расположены почти на одной высотѣ съ озеромъ Б. Пизо и служатъ истокомъ одного изъ притоковъ Кизира (Сурнугея). Такимъ образомъ вся эта группа озеръ находится на самомъ водораздѣлѣ р.р. Кана и Кизира.

Давъ отдыхъ лошадямъ и окончивъ нашъ скромный обѣдъ, мы тронулись дальше. Впереди предстояло пройти обширное снѣжное поле. Лошади падали, барахтались въ снѣгу со вьюками. Ю. Н. Вороновъ попробовавшій переѣхать покрытый льдомъ ручей, провалился съ лошадью въ ледъ по сѣдло, къ счастью крѣпкая и смѣлая лошадь выскочила обратно. Пробившись въ этомъ снѣжномъ полѣ около 3 час. мы вышли на южный склонъ, прошли верховья р. Теби-бу и стали спускаться, а войдя въ долину р. Пимей-ту (Шаровары), одного изъ второстепенныхъ притоковъ р. Кизира, остановились на ночлегъ уже на хорошемъ корму.

Кругомъ была зелень, снѣгу совершенно не было. Наконецъ-то мы вздохнули свободно, оставивъ позади себя негостепріимный, суровый Сѣверный хребетъ, глубокіе снѣжные завалы и снѣжныя поля.

Теперь мы вступили въ область той неизвѣданной тайги, которую не посѣщаютъ даже самые смѣлые охотники притаежныхъ деревень Канскаго и Минусинскаго уѣздовъ. Нашъ проводникъ, почтенный старецъ, 65 лѣтъ, проведшій свой вѣкъ на охотѣ въ тайгѣ, считавшійся лучшимъ охотникомъ

Саянской тайги, никогда не заходилъ сюда на охоту и лишь только смутно помнилъ то время, когда онъ мальчикомъ кочевалъ по этимъ лѣсамъ, еще въ тѣ времена, когда ихъ народъ велъ жизнь кочевыхъ звѣролововъ. Давно прошло это время, кочевое племя звѣролововъ все вымерло и лишь онъ, нынѣ старѣйшій въ родѣ, бывшій ихъ управителемъ, съ остатками племени, устроился на границѣ тайги осѣдлою жизнью и создалъ инородческую деревню Ильбинскую.

По смутнымъ воспоминаніямъ онъ предполагалъ, что внизъ по рѣкѣ Пимей-ту (Шаровары) должна быть старая тропа ихъ предковъ.

Сѣверный хребетъ Саянъ остался отъ насъ влѣво. На послѣднемъ перевалѣ около верховьевъ Теби-бу, мы могли замѣтить, что хребетъ дальше поднимается все выше и выше, контуры его становятся болѣе рѣзкими, а въ отдаленіи на гаризонтѣ вырисовывались очень высокія отдѣльныя пики вершинъ.

Съ того мѣста, гдѣ мы начали спускаться въ долину Пимей-ту, на водораздѣлѣ имѣется тропа, уходящая въ систему р. Бирюсы. Рѣка Пимей-ту имѣетъ три истока, которыми служатъ небольшія озера, раскинутыя въ большихъ котловинахъ на водораздѣлѣ хребта. Спускаясь по долинѣ р. Пимей-ту, при дальнѣйшемъ пути, мы временами нападали на старую заросшую тропу, но со вьюками пройти по ней было невозможно безъ предварительной расчистки. Пришлось взяться за топоры. Проводникъ и одинъ казакъ или рабочій, поочереди шли впереди и расчищали тропу. При такихъ условіяхъ караванъ задерживался довольно часто и скорость движенія не увеличивалась, а напротивъ уменьшалась. Кругомъ была глубокая мертвая тайга, не слышно было ни пѣнія птицъ, не встрѣчалось намъ ни слѣда животнаго. По долинѣ шумной горной рѣки мѣстами встрѣчались небольшія лужайки, пестрѣвшія разнообразными цвѣтами сибирской флоры. Въ то время, какъ въ Сѣверныхъ саянахъ была еще почти

зима, здѣсь въ южныхъ склонахъ періодъ таянія снѣговъ уже наступилъ. Ничтожные ключи, круто спускавшіеся съ горныхъ хребтовъ, превратились теперь въ бурные горные потоки, своеобразнымъ шумомъ наполнявшіе молчаливую тайгу. Огромные камни, иногда въ аршинъ діаметромъ, быстрымъ теченіемъ перекатывались по руслу ручьевъ съ таинственнымъ рокотомъ.

Послѣ одного изъ полудневныхъ приваловъ, караванъ, выступившій впередъ былъ остановленъ такимъ ручьемъ. Горный ручей шириною въ 4 сажени, глубиною выше стремени, протекалъ въ глубокой рытвинѣ по крупнокаменистому ложу. Пустить вьючныхъ лошадей въ бродъ въ эту стремнину значило рисковать утопить вьюки и нѣсколькихъ лошадей. Предстояло разрѣшить вопросъ о переправѣ. Перебросивъ срубленное дерево черезъ ручей и перейдя по нему на ту сторону, мы выбрали болѣе узкое и удобное мѣсто, срубили нѣсколько деревьевъ, сваливъ ихъ одно на другое, перетянули поперегъ ручья веревку, чтобы придерживаться за нее при переходѣ и, развьючивъ лошадей, стали перетаскивать по импровизированному мосту вьюки, а затѣмъ перегнали въ бродъ, повыше моста, свободныхъ лошадей. При этомъ каждую лошадь приходилось придерживать за веревку, чтобы не сорвало ее теченіемъ. Бывали случаи, что лошадь не могла устоять на ногахъ и только поддерживаемая на веревкѣ нѣсколькими людьми вытаскивалась къ берегу.

Пробиваясь черезъ тайгу съ топоромъ въ рукахъ, мы спустились къ устью р. Пимей-ту,впадающей въ р. Поодд-бу (Козелъ). Въ обыкновенное время здѣсь существовалъ бродъ, но теперь бурная рѣка Пимей-ту шириною въ 14 саженъ, глубиною до трехъ аршинъ, съ быстротою около 18 футовъ въ секунду, шумно несла свои воды, разбивая ихъ въ пѣнистыя брызги о большіе каменья, глухо крокотавшіе на днѣ рѣки.

Переправа черезъ такую рѣку требовала большой осторожности. Приказавъ развьючить лошадей, мы занялись оты-

сканіемъ удобнаго мѣста для переправы. Обошли больше двухъ верстъ по берегу рѣки, и счастливо наткнулись на такое мѣсто, гдѣ рѣка раздѣлялась небольшимъ островкомъ (длиною въ 5 саженъ и шириною въ 1 сажень), на которомъ стояло 4 высокихъ кедра.

Приказано было срубить стоявшій на берегу толстый кедръ, съ расчетомъ, чтобы вершина упала на островъ. Перескочить съ топоромъ въ рукахъ на островъ, свалить тамъ одинъ изъ кедровъ, перебросить его на противоположный берегъ — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Но, проходя по только что сваленнымъ деревьямъ черезъ бурный потокъ, чувствовалось, что подъ ногами деревья двигаются напоромъ воды и еще двѣ три минуты и ихъ унесетъ. Такой импровизированный мостъ былъ слишкомъ опасенъ и кромѣ того его заливало водой. Пришлось свалить по 4 лѣсины одну возлѣ другой, забросать промежутки между ними хворостомъ и протянуть на всякій случай по двѣ веревки, такимъ образомъ, мы устроили болѣе или менѣе надежный мостъ. Для безопасности пониже моста было свалено въ разстояніи 2—3 аршинъ одно отъ другого еще нѣсколько деревьевъ и началась переправа. Вьюки перенесены были на рукахъ, а лошади ниже моста, переправлены вплавь. Выше моста нельзя было переправлять лошадей вплавь, такъ какъ лошадь сильнымъ теченіемъ могло унести подъ сваленныя деревья и утопить. Характерный случай: на мѣстѣ переправы лошадей, мы протянули черезъ рѣку двѣ веревки и затѣмъ пустили лошадей вплавь. Теченіемъ воды лошадь быстро сносило внизъ, и когда только лошадь доплываля до веревки, она набрасывала голову на веревку и выплывала, борясь съ теченіемъ, по направленію веревки. Ни одну лошадь не унесло ниже веревки. Только окончили переправу и приступили къ обѣду, какъ нашъ мостъ сорвало и унесло.

Отдохнувъ послѣ переправы, мы направились по правому берегу долины р. Поодл-бу (Козелъ), все также, мѣстами вы-

бирая удобныя лужайки, а мѣстами прорубаясь черезъ частый лѣсъ.

На другой день послѣ переправы случилась непріятность.

Когда караванъ пробирался по крутому откосу берега рѣки, одна изъ вьючныхъ лошадей сорвалась и упала въ рѣку. Сразу раздалось нѣсколько криковъ, всѣ бросились къ берегу, чтобы спасти лошадь, но ее на нашихъ глазахъ перевернуло внизъ вьюкомъ и удернуло на дно. Отыскивать утонувшую лошадь и, въ особенности, пытаться достать вьюкъ, было бы безуміемъ при страшной быстротѣ и большой глубинѣ рѣки, не имѣя съ собою лодки. Къ нашему счастью лошадь не была привязана поводомъ къ другой, а то могла бы погибнуть не одна, а четыре лошади.

Рѣка Поодд-бу въ обыкновенное время, такъ незначительна что во многихъ мѣстахъ проходима въ бродъ, такъ по-крайней мѣрѣ объяснялъ намъ по своимъ воспоминаніямъ проводникъ; теперь же это былъ грозный шумный потокъ до 30 саженъ шириною; нельзя было и предположить о существованіи гдѣ нибудь брода черезъ него.

Правый берегъ долины широкій и удобный для движенія; мѣстами встрѣчаются лѣсъ, очень рѣдкій, и небольшіе лѣсные луга, слѣва горы довольно близко подходятъ къ рѣкѣ. Около устья долина стѣсняется съ обѣихъ сторонъ и рѣка прорывается черезъ узкое (аршинъ 5—6) ущелье, между отвѣсными скалами образуя здѣсь глубокую пучину съ водоворотомъ. Пробираясь около этой щели съ караваномъ пришлось разрабатывать новую тропу, которую необходимо было сдѣлать, настолько безопасною, чтобы вьючныя лошади и, особенно всадникъ не сорвались бы въ пропасть. Надъ этою работою провозились цѣлыя сутки.

Послѣ настойчивой борьбы съ природою среди тайги и снѣговъ, съ бурными горными рѣками мы 24 іюня вышли на большую рѣку Кизиръ.

Мощная рѣка, шириною 45 саженъ, глубиною у самаго берега до 3 саженъ, несла свои воды съ быстротою 10 футовъ въ сукунду, среди глухой, пустынной тайги, по широкой (въ 5 верстъ) долинѣ. Вдоль по этой рѣкѣ несмотря на тщательные поиски не было ни одной тропы.

Первое время мы очень были обрадованы, найдя, нѣсколько ниже по теченію, небольшую землянку, полагая, что отъ нея найдемъ и хорошую тропу, но, увы, по тщательнымъ поискамъ тропы не оказалось и мы долго не могли объяснить себѣ появленія въ этой глуши слѣдовъ работы человѣка; однако это недоразумѣніе впослѣдствіи, спустя черезъ мѣсяцъ, выяснилось. Это и многія другія, такого же типа, лѣсныя зимовья устраиваются охотниками лишь въ зимнее время, когда возможно пройти до этого мѣста по льду рѣки. Лѣтомъ же сюда, въ верховья Кизира съ низовьевъ никто подойти не можетъ, такъ какъ по тайгѣ тропы не имѣется, а рѣкою подняться мѣшаютъ пороги.

По ту сторону рѣки находилась долина, казавшаяся намъ издалека узкою щелью, по которой намъ слѣдовало подняться и пересѣчь водораздѣльный хребетъ между двумя Казырами, названный нами „хребтомъ св. Иннокентія„.

Предстояло устроить переправу черезъ эту рѣку. При значительной ширинѣ и глубинѣ рѣки, единственнымъ способомъ перебраться на ту сторону, могла быть переправа на плотахъ. Къ устройству такихъ плотовъ мы тотчасъ-же и приступили. Двое изъ казаковъ и одинъ рабочій немного были знакомы съ этою работою. Приходилось не разъ знакомиться какъ дѣлаютъ плоты и намъ. Общими силами приступили къ работѣ. Было срублено 12 сухостойныхъ бревенъ длиною 8 аршинъ, толщиною отъ 4—6 вершковъ въ отрубѣ. Изъ этихъ бревенъ нужно было устроить два плота. Бревна связывались попарно кольцами изъ тальника и закрѣплялись при помощи клина и пожилины, кромѣ того по обоимъ концамъ врубались вторыя пожилины. На кормѣ и носу устро-

ёны были греби и по два „болдыря“ на плотъ*). Болѣе широкій и длинный плотъ устроить казалось опаснымъ, такъ какъ трудно было-бы съ нимъ справиться; быстрымъ теченіемъ его могло снести далеко, а тогда нельзя было бы устроить переправу въ нѣсколько рейсовъ. Необходимо было сдѣлать плотъ болѣе подвижный и легкій на ходу. Такой маленькій плотъ въ Саянахъ называется „саликъ“.

Поздно вечеромъ оба салика были готовы. На завтра, 25 іюня назначена была переправа. Для опыта, рѣшено переплыть рѣку сначала на одномъ саликѣ, а затѣмъ, при удачѣ, вслѣдъ за нимъ пустить другой. Казакъ, одинъ рабочій, Пѣтуховъ и я тронулись пробовать путь. Только отплыли саженъ 15 отъ берега, какъ, сильною волною въ водоворотѣ, саликъ накрѣнило на бокъ; Пѣтуховъ, не ожидавшій этого, вдругъ скатился въ рѣку и скрылся въ водѣ, наклонивъ своимъ паденіемъ плотъ еще болѣе на бокъ; чувствуя, что сваливаюсь въ воду, я соскочилъ въ рѣку и, понадѣявшись на свои силы, поплылъ; но кожаная куртка, обувь, кожаный поясъ съ хронометрами быстро намокли и съ такою силою потянули въ воду, что только съ большимъ усиліемъ удалось выбраться на берегъ.

Вынырнувшему изъ воды около самаго плота Пѣтухову, успѣли подать шестъ и помогли выбраться снова на плотъ. Казакъ и рабочій, стоявшіе у гребей, хотя свалились въ воду, но, удерживаясь за греби, снова вскочили на плотъ.

Итакъ, купанье окончилось благополучно. Сильно пострадали только мои хронометры. Плотъ успѣли прибить обратно къ берегу. Послѣ этого опыта, рѣшено было уширить оба плота еще нѣсколькими бревнами, подвести подъ нихъ по четыре бревна и тогда уже вновь пуститься въ путь. При новой

*) Болдырь состоитъ изъ доски, къ одному краю стесанной „на нѣтъ“, въ срединѣ доски прикрѣпляется шестъ; получается нѣчто въ родѣ саперной драги или обыкновеннаго пехла, которымъ убираютъ зимою снѣгъ изъ дворовъ. Работа болдыремъ требуетъ большой силы, ловкости, но даетъ хорошіе результаты. Гребецъ забрасываетъ болдырь въ рѣку и тянетъ его къ себѣ, подвигая тѣмъ плотъ въ желаемую сторону.

попыткѣ хотя плотъ снесло по теченію съ полверсты, но благополучно удалось перебраться на противоположный берегъ. Вскорѣ отправились на второмъ саликѣ, ведя въ поводу одну лошадь, а за нею погнали въ воду и остальныхъ лошадей. Второй плотъ присталъ почти на томъ же мѣстѣ, лошади всѣ переплыли благополучно. Заведя оба салика на лошадяхъ вверхъ по теченію, приступили къ новымъ рейсамъ для перевозки вьюковъ. Въ шесть рейсовъ переправа была окончена. Ловкость и расторопность казаковъ и рабочихъ заслуживали полнаго удивленія, тѣмъ болѣе, что для большинства это было совершенно новое, невиданное ими дѣло. При большой быстротѣ бурной рѣки, требовались большія усилія, чтобы выбиться изъ главной струи фарватера и не быть унесеннымъ внизъ по теченію въ острова, или подъ „наносы".

На горныхъ таежныхъ рѣкахъ обыкновенно плыветъ много деревьевъ, сваленныхъ въ рѣку бурею, или обвалившихся вмѣстѣ съ подмытымъ утесомъ. Эти деревья, не рѣдко, задерживаются гдѣ нибудь на мели или въ узкомъ фарватерѣ; къ нему пристаютъ новыя деревья, и образуется огромная куча деревьевъ, глубоко лежащихъ въ водѣ и возвышающихся надъ поверхностью. Теченіе подъ „наносомъ" становится очень быстрымъ и образуетъ водоворотъ;—попасть въ такое мѣсто животному или человѣку—очень опасно. Въ таежныхъ рѣкахъ было много случаевъ гибели лошадей и людей, при переправахъ черезъ рѣку вблизи наносовъ.

Произшедшій случай при переправѣ сильно подѣйствовалъ на нашего проводника, и онъ рѣшительно заявилъ, что дальше ѣхать съ нами онъ не можетъ, такъ какъ обратно ему съ лошадью не переправиться черезъ эту рѣку; тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя сильно утомленнымъ; по незнанію имъ дальнѣйшаго пути, онъ былъ намъ полезенъ лишь какъ опытный въ тайгѣ человѣкъ, умѣвшій лучше оріентироваться; но всѣ просьбы наши оказались тщетными

и намъ пришлось съ нимъ разстаться. Дѣйствительно, настаивать на томъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нами дальше, и потомъ возвращался одинъ черезъ такія стремнины какъ Кизиръ—было бы съ нашей стороны не удобно.

От р. Кизира до р. Казыра.

Дальнѣйшій путь намъ предстояло идти безъ тропы, безъ проводника, по глухой тайгѣ, держась направленія рѣкъ. Предполагалось подняться вверхъ по теченію лѣваго притока р. Кизира, перевалить водораздѣльный хребетъ св. Иннокентія, спуститься въ систему правыхъ притоковъ Казыра, перейти его и по одному изъ его лѣвыхъ притоковъ перевалить въ Монголію.

На другой день послѣ переправы мы тронулись дальше. Вступивъ въ долину рѣчки Пѣтуховки, стали подниматься ею вверхъ на хребетъ св. Иннокентія. Долина рѣки то расширялась, то превращалась въ ущелье, преграждавшее намъ дальнѣйшій путь. Приходилось не рѣдко переходить въ бродъ бурную рѣчку въ день по нѣсколько разъ, а тамъ гдѣ нельзя перейти на противоположный берегъ рѣки, приходилось совершать обходное движеніе, поднимаясь иногда почти на отвѣсныя горы. Бывали такіе случаи: какая нибудь лошадь оборвется съ крутизны и вмѣстѣ съ вьюкомъ полетитъ внизъ по откосу, увлекая съ собою остальныхъ трехъ лошадей, связанныхъ поводьями вмѣстѣ. Чтобы избѣжать подобныхъ несчастій, рѣшили отпустить лошадей свободными, но не всѣ лошади были спокойны и могли идти безъ привязи къ передней. Обходы трудныхъ или непроходимыхъ участковъ требовали много времени; иногда уходило на такое движеніе цѣлыя сутки и не смотря на это всетаки было надежнѣе, обойти опасное мѣсто горами, чѣмъ переходить въ бродъ бурную рѣку, подвергаясь всегда серьезной опасности. Напримѣръ, при одной изъ переправъ черезъ рѣку, вьючная лошадь была сорвана теченіемъ и унесена въ глубокую яму подъ наносъ, гдѣ и утонула. Никакія усилія не помогли намъ вытащить вьюки. Съ нею погибли часть продовольствія, нѣ-

которыя собственныя вещи казаковъ, палатка и коробка съ этномологическими коллекціями.

Глухая тайга ставила намъ на каждомъ шагу препятствія: приходилось все время лавировать между лежащими деревьями, постоянно выбирая болѣе удобныя мѣста. Глубокія болота, засоренныя свалившимися деревьями, составляли часто непроходимыя преграды. Теперь уже нужно было работать въ четыре топора; а такъ какъ семь человѣкъ рабочихъ могли быстро выбиться изъ силъ, то пришлось самимъ членамъ экспедиціи взяться за топоры и стать въ общую очередь.

При движеніи по тайгѣ, обыкновенно впереди шелъ кто нибудь изъ членовъ экспедиціи, по очереди, выбирая болѣе удобное направленіе и топоромъ дѣлалъ засѣки на деревьяхъ указывая путь, за нимъ шло нѣсколько человѣкъ съ топорами и уширяли путь, срубая мелкія деревья, перерубая лежащія деревья, срубая сучки и приспособляя дорогу къ вьючному движенію. Конечно, легко предположить, при такомъ образѣ жизни, что было съ нашими костюмами. Въ короткое время они превратились въ ужасный видъ. Не только костюмы рвались, но и люди почти ежедневно получали ушибы и пораненія. Упасть въ болото, свалиться съ деревомъ, или черезъ дерево—служило лишь развлеченіемъ для остальныхъ товарищей. Пораненія людей и лошадей быстро заживлялись коллодіумомъ, ну а въ отношеніи костюмовъ никакихъ мѣръ принять уже было нельзя.

При такихъ условіяхъ движенія, мы въ сутки уходили не больше 5—6 верстъ, несмотря на то, что выходили въ $5^1/_2$ ч. утра; днемъ дѣлали одинъ привалъ на 3 часа и останавливались на ночлегъ въ 9 часовъ ,т.е. $12^1/_2$ часовъ настойчиваго труда подавали насъ впередъ слишкомъ медленно. Къ нашему несчастію, погода сильно испортилась и не проходило ни одного дня, чтобы не было дождя. Идти по мокрой травѣ, среди мокрыхъ деревьевъ, по болотистой почвѣ, да еще во время дождя—было крайне тяжело.

Отъ мокроты избавиться было невозможно. Начиная съ нашего бѣлья и кончая головнымъ уборомъ на насъ все было мокро. Всѣ наши непромокаемые плащи и обувь оказались въ сильной степени промокаемыми. На привалахъ первымъ дѣломъ раскладывали костры и сушили костюмы и обувь. Большая часть времени проходила въ суровой борьбѣ съ природою и въ просушиванiи костюмовъ и вьюковъ. Сколько вещей при этомъ было сожженно на огнѣ. Однако, не смотря на тяжелыя условiя пути и неизвѣстность будущаго, настроенiе поддерживалось удовлетворительное. Среди проливного дождя, промокшiе до послѣдней нитки, усталые отъ физическаго труда, тѣмъ не менѣе мы старались быть веселыми. Энергiя всѣхъ не покидала.

Но вотъ выбрались изъ тайги, подошли къ подъему, лѣсъ сдѣлался рѣдкимъ и мелкимъ, стали подниматься. Вдругъ раздалось нѣсколько криковъ. Что такое? Передовые казаки встрѣтили медвѣдя. Съ лихорадочною поспѣшностью достали винтовки; казакъ Александровъ бросился къ медвѣдю, подошелъ на десять саженъ, далъ два выстрѣла и раненый медвѣдь сталъ уходить по скаламъ. Послѣдовали выстрѣлы, но медвѣдь спустился въ тайгу и скрылся. Требовалось продолжительное преслѣдованiе, ну а намъ было не до этого. Поднялись на перевалъ, представляющiй обширный открытый лугъ и стали бивакомъ.

Отправляясь въ неизвѣданную область, конечно, всякiя разсчеты приходилось дѣлать примѣрно, поэтому, предполагая пройти намѣченный путь черезъ Саяны съ дневками въ 20 дней, продовольствiя было взято на 40 дней. Но при усиленной работѣ продовольствiе стало выходить довольно быстро, а подвигались впередъ слишкомъ медленно. Когда мы 1 iюля перевалили хребетъ св. Иннокентiя, то начинался уже чувствоваться недостатокъ продовольствiя. Мяса оставалось только еще на два дня, а сухари безъ мяса должны были выходить вдвое скорѣе.

Подъ угрозою остаться безъ продовольствія приходилось скупиться на отдыхъ. Въ нашемъ положеніи было, конечно, не до охоты. Усталые отъ борьбы съ природою, угрожаемые призракомъ голода, мы больше думали о томъ, какъбы прорваться черезъ тайгу, но въ этотъ день сама судьба заставила насъ охотиться. Только что стали на бивакъ, разложили костры и каждый хотѣлъ воспользоваться заслуженнымъ отдыхомъ, какъ кто-то увидѣлъ на вершинѣ хребта большого оленя, спускавшагося къ сторонѣ бивака. Быстро достали винтовки, подпустили оленя ближе и раздался выстрѣлъ. Олень началъ уходить, но двѣ пули нанесли ему смертельныя раны. Случайная охота оказалась удачною, а главное крайне полезною. Убитый олень далъ намъ 4 пуда мяса.

Благодаря охотѣ экспедиціи удалось дать дневку и 2-го іюля мы тронулись дальше. По южному склону, приблизительно, на 20 верстъ, тянулись обширные альпійскіе луга съ высокою тучною травою. Послѣ тайги взглядъ нашъ радовался и организмъ отдыхалъ при движеніи по этимъ лугамъ, но вотъ мы начали спускаться по одному изъ правыхъ притоковъ Казыра и снова вступили въ тайгу. Опять началась утомительная борьба съ природою, вновь рубились по цѣлымъ днямъ, переходили бурныя горныя рѣчки, то вбродъ, то по импровизируемымъ мостамъ, то на „саликахъ“.

6-го іюля вышли на широкую (20 саженъ) рѣку. По картѣ намъ казалось, что это и есть Казыръ (Боло). По счастью отыскали, хотя длинный и глубокій, но удобный, бродъ и перешли на другую сторону. Раскинувъ палатки и остановивъ караванъ на отдыхъ, мы немедленно пошли на рекогносцировку дальнѣйшаго пути. Горные хребты со снѣжными вершинами окружали рѣку, оставляя лишь самую узкую долину. Отвѣсныя скалы иногда круто, почти отвѣсно, спускались въ воду. Изслѣдовавъ разныя направленія, мы убѣдились, что здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, намъ не перевалить предполагаемый нами водораздѣльный хребетъ.

Судя по картѣ намъ предстояло еще много пути до Енисея, а между тѣмъ мясо уже вышло. Оставались одни сухари да и тѣхъ, принимая во вниманіе, что никакой больше пищи у насъ не было, могло хватить самое большое на 5, много на 6 дней. Можно ли было пуститься впередъ безъ надежды на скорое движеніе по неизвѣданной пустынной тайгѣ. Мы могли эти 100 верстъ пройти еще 20 дней и при томъ выйти не туда, гдѣ были заготовлены запасы. Истощенные организмы почти у большинства сломились, отсутствіе мяса быстро должно было сказаться на здоровьи людей, погода все время не измѣнялась: за все послѣднее время мы не видѣли солнца. На несчастіе еще серьезно заболѣлъ казакъ. Температура у него поднялась до 40°, бредъ, безсознательное состояніе и страшный кашель показывали на серьезную болѣзнь. Состояніе духа у всѣхъ было скверное. Взять на себя тяжелую отвѣтственность вести экспедицію еще дальше впередъ по неизвѣданной тайгѣ, да еще безъ продовольствія я не могъ.

Большая рѣка, на которой мы стояли могла привести насъ скорѣе къ жилымъ мѣстамъ, откуда запасшись продовольствіемъ и отдохнувъ, могли двинуться дальше. Но судя по картѣ мы были и отъ жилыхъ мѣстъ Минусинскаго уѣзда не менѣе 100 верстъ. Слѣдовательно, подвигаясь съ такою же скоростью по тайгѣ, мы могли выйти къ нимъ тоже не раньше 20 дней.

Внизъ по р. Казыру.

Оставалось одно рискнуть послать внизъ по рѣкѣ на плотикѣ до жилыхъ мѣстъ казаковъ, съ порученіемъ достать продовольствія и проводника. Выбравъ двухъ надежныхъ и смѣлыхъ казаковъ и одного рабочаго, мы построили плотикъ. Ввиду неизвѣстности характера рѣки нужно было скрѣпить его возможно крѣпче пожилинами, веревками и березовыми кольцами, для большей безопасности протянули вдоль плота двѣ крѣпкія веревки. Снабдивъ казаковъ и рабочаго деньгами, запасомъ сухарей, необходимѣйшими вещами и благословивъ ихъ на опасный путь, мы от-

правили ихъ внизъ по рѣкѣ, а сами на завтра стали подвигаться за ними.

Въ одномъ мѣстѣ намъ встрѣтилась тропа. Можно себѣ представить сколько было радости; намъ казалось, что наступилъ конецъ нашей борьбы съ природою, что движенiе по тропѣ быстро приведетъ насъ къ населеннымъ мѣстамъ. Но, увы, оказалось, что эта тропа шла недалеко отъ рѣки въ глубь тайги и быстро терялась. Очевидно тропа была звѣриная. Идя по берегу рѣки, мы убѣдились, что плаванiе нашихъ передовыхъ не совсѣмъ безопасно. Нѣсколько ниже того мѣста, откуда мы ихъ отправили былъ водопадъ, а передъ нимъ фарватеръ усѣянъ камнями... Но скоро мы узнали, что они передъ водопадомъ бросили плотъ, прошли пѣшкомъ и вновь сдѣлали плотъ—уплыли. 10 iюля мы вышли на широкую (около 100 саженъ) и глубокую рѣку. Оказалось, что до сихъ поръ мы шли по большому притоку Казыра, не показанному на картѣ и называемому В. Китатъ. Сухарей оставалось только на два дня; а надежда на скорое подкрѣпленiе была ничтожная.

Ознакомившись съ общимъ характеромъ долины Казыра, пришли къ убѣжденiю, что слѣдуетъ идти по правому берегу рѣки, слѣдовательно необходимо было перейти р. Китатъ. Приступивъ къ выбору мѣста и способа переправы, мы увидѣли, что выше 4—5 верстъ отъ устья рѣка течетъ среди отвѣсныхъ скалъ въ ущельи и образуетъ водопадъ. Если переправиться выше водопада, то нельзя пройти берегомъ рѣки въ отвѣсныхъ скалахъ; около водопада рѣка имѣетъ характеръ стремнины,—оставалось переправляться у самаго устья. Но тутъ, теченiемъ быстрой рѣки, плотъ могло выдернуть въ Казыръ, и, слѣдовательно, нельзя на одномъ плоту устроить нѣсколько рейсовъ, а для переправы экспедицiи требовалось не меньше 6—7 рейсовъ. Тѣмъ не менѣе пришлось рискнуть на послѣднее. Снова приступили къ устройству плота съ хорошими гребями и болдырями. Изучили

Перевалъ черезъ Саянскій хребетъ.

Экспедиція въ тайгѣ.

Томскъ. Цинкографія П. И. Макушина.

фарватеръ и организовали переправу довольно удачно. Къ вечеру перебрались на противоположный берегъ. Обдумавъ положеніе, мы рѣшили сложить вьюки въ устроенный шатеръ, отпустить вьючныхъ лошадей на волю, а самимъ двинуться впередъ налегкѣ, ускоривъ хотя сколько-нибудь, такимъ образомъ, наше движеніе. Выбравъ лучшихъ лошадей, захвативъ на всякій случай наиболѣе жирную лошадь, чтобы въ случаѣ нужды воспользоваться ею, когда выйдутъ послѣдніе сухари, мы 11-го іюля утромъ двинулись впередъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы перешли на правый берегъ рѣки Казыра, при устьѣ Китатъ, встрѣтилось намъ зимовье (избушка). Осмотрѣвъ его тщательно, мы нашли тамъ: сѣти, домашнюю утварь, принадлежности зимняго костюма и охоты и, наконецъ, небольшой запасъ сухарей. Становилось очевиднымъ, что здѣсь бываютъ люди, слѣдовательно, должна быть сюда и тропа. Раскинулись лавой и стали искать тропы. Обошли въ окрестностяхъ нѣсколько верстъ и не могли найти никакихъ слѣдовъ. Оставалось одно предположеніе, что сюда люди попадаютъ только зимою по льду, что потомъ и подтвердилось. Долина рѣки Казыра довольно широка, горы отходятъ отъ рѣки на нѣсколько верстъ. Мѣстами лѣсъ рѣдкій и довольно чистый, но мѣстами болота и завалы сильно задерживали наше движеніе и, несмотря на то, что мы пошли безъ вьюковъ—въ два дня сдѣлали только 25 верстъ.

Поздно вечеромъ, 12 іюля мы остановились на ночлегъ на берегу Казыра и приступили къ подготовкѣ скромнаго ужина изъ послѣднихъ остатковъ нашихъ запасовъ: сухарной мякоти и чаю. Вдругъ, кто-то крикнулъ. Одинъ изъ казаковъ увидѣлъ внизъ по рѣкѣ красную рубашку. Люди... Стали кричать, и въ отвѣтъ намъ раздался снизу выстрѣлъ. Громкое ура привѣтствовало этотъ выстрѣлъ. По звуку выстрѣла, легко было убѣдиться, что это наши идутъ на выручку. Дѣйствительно, не прошло и полчаса, какъ двѣ лодки и шесть человѣкъ пристали къ нашему биваку.

По разспросамъ оказывалось, что вверхъ по Кизиру и Казыру никто на лошадяхъ не ѣздитъ, но что осенью смѣлые подтаежные охотники поднимаются по этимъ рѣкамъ вверхъ на лодкахъ и доходятъ до того мѣста, гдѣ мы оставили вьюки, завозятъ туда продовольствіе и, послѣ того, какъ тайга покроется снѣгомъ,—охотятся тамъ на соболя, передвигаясь по тайгѣ на лыжахъ, а по окончаніи охоты зимою по льду спускаются домой.

Жилое мѣсто было отъ насъ еще въ 60 верстахъ. Рѣшено было вьюки спустить на лодкахъ, а лошадей прогнать свободными. На завтра было приступлено къ выполненію нашего плана. Но выполнить было не такъ-то легко. Казыръ течетъ хотя и по широкой долинѣ, но иногда стѣсняется скалами и образуетъ бурные пороги. Всего на Казырѣ пять пороговъ. Одинъ выше устья В. Китата, гдѣ мы вышли на Казыръ, а четыре ниже. Главнѣйшій порогъ, въ 10 верстахъ ниже того мѣста, гдѣ насъ встрѣтили проводники, называется Базыбаійскимъ и представляетъ собою гряду гранита, стѣсняющую рѣку на 4 сажени. Масса воды, въ 100 саженъ шириною и глубиною до 2 саженъ, собирается здѣсь въ узкое пространство, образуя бурный водопадъ Проплыть черезъ него, значитъ рисковать на вѣрную смерть. Обыкновенно охотники здѣсь вьюки и лодки переносятъ на рукахъ по берегу. Остальные пороги представляютъ собою гряду камней, пересѣкающую рѣку. Черезъ нѣкоторые изъ нихъ смѣлые рискуютъ проплыть, но чаще стараются тоже спустить лодки на веревкахъ.

Договорившись съ проводниками спустить наши вьюки, и взявъ одного, чтобы провести по тайгѣ лошадей, мы стали ожидать когда намъ спустятъ вьюки. Несмотря на большую опытность и знаніе рѣки, проводники, однако, едва не утопили наши вьюки при проходѣ черезъ одинъ изъ перекатовъ. Многіе изъ вьюковъ были подмочены, въ томъ числѣ погибли почти всѣ фотографическіе снимки пройденнаго нами труднаго пути по Саянской тайгѣ.

Не мудрено, что посланные впередъ казаки и рабочій испытали много опасностей. Еще на порожистомъ притокѣ Казыра ихъ плотикъ посадило на камень и они, видя впереди порогъ, бросили плотикъ. Выйдя пѣшкомъ на Казыръ они сдѣлали новый плотикъ и поплыли внизъ. На первомъ порогѣ ихъ плотикъ такъ бросало между камнями, что неоднократно погружало людей по поясъ въ воду, но, держась за протянутую веревку, они удерживались на плоту. Передъ большимъ Базыбайскимъ порогомъ, къ счастію, они нашли на берегу, оставленную охотниками лодку и, бросивъ плотъ, поплыли на ней. Шумъ водопада заставилъ ихъ во время прибиться къ берегу; осмотрѣвъ порогъ, они на веревкахъ спустили по нему лодку и, благополучно миновавъ опасныя мѣста, прибыли на старообрядческую заимку при устьѣ Коннаго Таята.

Опасности труднаго таежнаго пути миновали.

Съ заимки при устьѣ Коннаго Таята, давъ хорошій отдыхъ и людямъ и лошадямъ, ремонтировавъ кое какъ разорванные и изношенные костюмы, произведя астрономическое наблюденіе, обсушивъ коллекціи и образовавъ здѣсь нѣчто вродѣ постоянныхъ метеорологическихъ наблюденій, мы 19-го іюля выступили внизъ по р. Казыру, по хорошо наѣзжанной тропѣ, съ цѣлью спуститься въ русскія подтаежныя села, запастись тамъ продовольствіемъ, замѣнить измученныхъ и ненадежныхъ лошадей, завести себѣ костюмы.

Отъ заимки Конный Таятъ хотѣлось бы пройти прямо въ верховья р. Амыла тайгою, черезъ водораздѣлъ Амыльскій и верховья рѣкъ Копъ и Кандатъ, но не удалось найти знающаго проводника, а двинуться вновь безъ проводника и безъ путей—значило-бы повести экспедицію на новыя лишенія и опасности, а главное, потерять время, которое было нужно для изслѣдованія Монголіи; кромѣ того можно было рисковать, въ срединѣ августа и въ началѣ сентября, быть заваленными въ тайгѣ снѣгомъ. Поэтому и рѣшено было спу-

ститься по Казыру въ жилыя мѣста, и переформировавъ караванъ, скорыми переходами поспѣшить въ Монголію.

Окраина Казырской тайги.

Пройденные нами 100, съ лишнимъ, верстъ отъ заимки по Казыру, служили для насъ хорошимъ отдыхомъ послѣ тяжелаго путешествія по тайгѣ. Уже, начиная отъ заимки на Конномъ Таятѣ, тайга рѣдѣла, появлялись большія площади сосноваго лѣса, хорошіе луга и рѣдколѣсье. Тропа широкая, удобная не представляла препятствій, а вскорѣ настолько уширилась, что можно бы проѣхать и въ экипажѣ. Горы все дальше и дальше отходятъ отъ рѣки, вершины становятся все меньше и положе, долина р. Казыра все уширяется. Сколько еще прекрасныхъ площадей для свободнаго прилива сюда, въ преддверіе тайги, русскаго народа.

Черезъ двое сутокъ вышли въ первую деревню. Подтаежныя деревни Минусинскаго уѣзда относительно благоустроенныя и зажиточныя. Еще недавно пришедшіе сюда новоселы—переселенцы устроились въ новыхъ хорошенькихъ постройкахъ, раскинулись на привольи по обширнымъ лугамъ и полямъ, отвоевывая у тайги шагъ за шагомъ для русской культуры удобныя, привольныя мѣста. Сердце русскаго человѣка невольно радуется, смотря на переселенцевъ, здѣсь на привольи, пріобрѣтающихъ другой уже типъ, спокойныхъ, увѣренныхъ въ себѣ хлѣбопашцевъ.

Безпредѣльная тайга хранитъ въ себѣ много богатой добычи: соболя, бѣлки, мораловъ, медвѣдя, оленя, глубокія рѣки богаты рыбою: таймень, ленокъ (форель), сигъ, хайрюсъ, омуль и другіе виды бѣлорыбицы. Мощная травяная растительность на тучной дѣвственной почвѣ, даетъ хорошій высокій кормъ для скота. Нетронутые вѣковые лѣса, на большой водной артеріи, хранятъ неисчерпаемые запасы строевого лѣса. И все это къ услугамъ русскаго новосела.

Правда суровый климатъ и сплошные лѣса требуютъ отъ человѣка большого труда, опыта и осторожности при добываніи себѣ куска хлѣба; но отчасти собственная смѣтка рус-

скаго человѣка, отчасти примѣръ окружающихъ сибиряковъ-аборигеновъ страны, служатъ новоселамъ руководящею силой.

При дальнѣйшемъ наступательномъ движеніи новоселовъ въ тайгу, надо думать потребуется болѣе сильная помощь со стороны образованныхъ и хорошо подготовленныхъ людей. Можетъ быть настанетъ время, когда и эта непроходимая вѣковая тайга, которую мы съ такими опасностями пересѣкли, огласится веселою пѣснею русскаго новосела и будетъ пересѣчена сѣтью хорошихъ путей; русскому человѣку, у себя на родинѣ, не придется идти по тайгѣ, съ опасностью погибнуть, или въ широкихъ и бурныхъ рѣкахъ, или голоднымъ остаться, безъ всякой надежды на выручку.

По Амыльской тайгѣ.

Изъ с. Картузскаго мы рѣшили пойти въ верхъ по рѣкѣ Амылу, чтобы перейти въ Урянхайскую землю въ верховьяхъ р. Систикема.

Рѣку Амылъ можно назвать большимъ лѣвымъ притокомъ р. Казыра. Въ верхъ по Амылу, послѣднее село Кожубарское всего въ 40 верстахъ отъ Каратуза. Дальше начинается снова тайга, но эта уже не такая глухая тайга, какъ въ Сѣверныхъ Саянахъ и по Казырской системѣ. Золотопромышленность въ верховьяхъ Амыла оживляетъ край: въ верхъ по Амылу имѣется тропа, постоянно поддерживаемая золотопромышленниками, въ мѣстахъ переправы черезъ Амылъ содержатся постоянныя переправы на лодкахъ. Хорошо наѣзжанная тропа идетъ первые сорокъ верстъ по лѣвому берегу широкой и вполнѣ пригодной для культуры долинѣ, а затѣмъ, переходитъ на правый берегъ и идетъ по горамъ. Когда-то и эти горы, говорятъ, были покрыты глухою тайгой, но лѣсные пожары уничтожили дремучіе лѣса и нынѣ здѣсь растетъ: березникъ, кустарникъ, а мѣстами открываются обширные луга; то и дѣло встрѣчаются слѣды человѣческой работы: здѣсь рабочая хата, тамъ мельница, а вотъ и пріисковыя постройки. Мы проѣзжали по Амылу въ началѣ августа и первое время погода была настолько теплая, что

днемъ не рѣдко ѣхали въ кителяхъ. Лишь отъ рѣки Колны, когда мы уже высоко поднялись по Амылу, пришлось встрѣчать холодные утренники; падавшая роса замерзала почти ежедневно.

По всему этому пути до границы Урянхайской земли возможно бы было провести колесную дорогу.

По Амылу мы шли большими переходами по 35—40 верстъ въ сутки, такъ какъ стремились нагнать, потерянное въ тайгѣ время, и перевалили черезъ Саянскій хребетъ Алгіякскимъ переваломъ въ систему р. Систикема, пройдя мимо нѣсколькихъ золотопромышленныхъ работъ амыльской системы.

Незавидное положеніе прісковой интеллегенціи въ этой глуши. Разобщенные тайгою и горами, при отсутствіи путей сообщенія, имъ невольно приходится вести очень замкнутую жизнь.

8-го августа поднимаемся съ карованомъ на высокій перевалъ; идетъ дождь, дороги превратились въ сплошное грязное топкое болото, пронизывающій вѣтеръ непріятно дѣйствуетъ на состояніе духа. Изъ за поворота въ лѣсу промелькнуло нѣсколько всадниковъ и среди ихъ двѣ амазонки. Подумаешь, что только какая нибудь крайняя необходимость можетъ заставить бросить теплый кровъ въ такую погоду, въ горной тайгѣ. Оказывается компанія прісковыхъ обитателей поѣхали въ сосѣдніе пріиски, верстъ за 20, „по ягоды“; проѣхавъ насъ и рѣшивъ, что мы не можемъ пройти мимо ихъ пріиска, они вернулись назадъ, догнали насъ и упросили заѣхать къ нимъ отдохнуть.

Здѣсь, на пріискахъ, каждому путнику открыты двери и надежда на радушный гостепріимный пріемъ. Нельзя не вспомнить съ искреннею благодарностью того радушья, которымъ всегда встрѣчали насъ пріисковые обыватели.

Въ предѣлахъ Урянхайской земли, фактически во владѣніяхъ Китая, уже около 50 лѣтъ разрабатываются нѣсколько правильно поставленныхъ золотопромышленныхъ пріисковъ,

и странно: по правымъ притокамъ р. Систикема разрѣшено открывать золотопромышленныя работы, а по лѣвымъ притокамъ, говорятъ, еще болѣе богатымъ золотомъ,—не разрѣшается, хотя въ политическомъ отношенiи обѣ стороны рѣки находятся въ одинаковыхъ условiяхъ.

По Урянхайской землѣ. В верховьяхъ Енисея.

9-го августа поздно вечеромъ мы прибыли на рѣку Систикемъ и перейдя ее глубокимъ бродомъ, остановились въ русской избѣ, поселившагося здѣсь уже нѣсколько лѣтъ казака.

Рѣка Систикемъ въ этомъ мѣстѣ шириною около 20 саженъ, глубина выше стремени лошади, при быстротѣ теченiя 3 фута въ секунду.

Въ это время, вслѣдствiе обильныхъ дождей, вода въ рѣкѣ очень поднялась, а между тѣмъ, тропа, внизъ по рѣкѣ, проходитъ то по правому, то по лѣвому берегу и намъ предстояло переходить ее 6 разъ. Если на самомъ верхнемъ броду нельзя было перейти со вьюками, то тѣмъ болѣе невозможно было это сдѣлать при постепенномъ спускѣ внизъ по рѣкѣ, такъ какъ ниже она принимаетъ нѣсколько довольно значительныхъ притоковъ. На мѣстѣ бродовъ лодокъ не имѣется, слѣдовательно, движенiе со вьюками снова очень бы затруднилось: пришлось-бы устраивать 6 разъ плотики и на нихъ перевозить вьюки, а каждая такая переправа, обыкновенно, отнимаетъ не менѣе сутокъ времени. Въ виду такой обстановки, мы рѣшили сдѣлать два большихъ плота, сложить на нихъ вьюки и, нанявъ лоцмана, спуститься къ устью Систикема на плотахъ. Лошадей же отправить свободными съ хорошимъ проводникомъ. 10-е августа употребили на постройку плотовъ, а 11-го утромъ отправились внизъ по р. Систикему.

Широкая долина р. Систикема открываетъ много обширныхъ луговъ, на которыхъ русскiе косятъ сѣно и доставляютъ его на прiиски. Съ этою цѣлью, на берегу рѣки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, имѣются русскiя постройки, въ которыхъ, какъ у себя въ Россiи, расположились русскiе крестьяне и казаки. Занимаются они сѣнокошенiемъ, ловлею рыбы, скотовод-

ствомъ и торговлею среди урянховъ, одинъ даже предполагаетъ завести хлѣбопашество. По долинѣ Систикема имѣются отличные сосновые и березовые лѣса. Рѣка раздѣлена полюбовно на участки между русскими рыболовами. Ловится таймень, ленокъ, сигъ и хайрюзъ. Ежегодно добываютъ отъ **300—500** пудовъ рыбы и продаютъ ее на пріиски или засаливаютъ и отправляютъ внизъ по Систикему, а затѣмъ, Енисеемъ (Бейкемомъ) въ Минусинскъ.

Благополучно проплывъ больше 120 верстъ по спокойной рѣкѣ, среди отрадныхъ видовъ Систикемской долины, мы, 13-го августа прибыли на устье Систикема въ торговую факторію братьевъ Скобеевыхъ, гдѣ и были радушно приняты. Къ этому же времени благополучно прибыли наши лошади.

Здѣсь, въ факторіи Скобеевыхъ, еще съ зимы, были заготовлены продовольственные запасы для нашей экспедиціи, здѣсь же наша экспедиція должна была раздѣлиться на двое. Ю. Н. Вороновъ, полагая, что при движеніи въ глубь Монголіи, насъ можетъ захватить зима, находилъ, что для его спеціальности идти на Улясутай будетъ безполезно и, потому, выразилъ желаніе выйти въ Россію болѣе короткимъ путемъ. Задачи приказчика Чевилева были еще скромнѣе, ему было поручено ознакомиться съ условіями торговли въ ближайшей части Монголіи. Поэтому они рѣшили взять направленіе вверхъ по Енисею (Бейкему) и обслѣдовавъ южные склоны Саянской горной системы, выйти черезъ Дархатскій курень къ сѣверному берегу оз. Косогола и на Тунку. Намъ же предстояло пройти черезъ Урянхайскую землю и Монголію, на Улясутай и оттуда уже вернуться мимо Косогола на Тунку.

Въ виду отдѣленія части экспедиціи, нужно было, непремѣнно, переговорить съ мѣстнымъ правителемъ Тоджинскаго хошуна, живущимъ въ 80 верстахъ выше устья Систикема, и попросить его о содѣйствіи Ю. Н. Воронову съ отдѣле-

ніемъ экспедиціи. Поѣздка къ нему отняла бы много времени, а приходилось дорожить каждымъ днемъ.

Изъ этого затруднительнаго положенія мы вышли благодаря любезному содѣйствію Ивана Селиверстовича Скобеев а.

Въ 1887 году по устью Хамсары прошла Саянская экспедиція Н. П. Бобыря; хотѣлось сомкнуть нашъ маршрутъ съ его маршрутомъ, для чего нужно было проѣхать до Хамсары, поэтому я обратился къ Скобееву съ просьбою нельзя ли устроить наше свиданіе съ Тоджинскимъ та-нойномъ на устьѣ р. Хамсары, т. е. въ 27 верстахъ отъ Систикема. Пользуясь дружескими отношеніями, Скобеевъ написалъ та-нойону и мы, 15-го августа утромъ, всѣмъ составомъ экспедиціи въ сопровожденіи И. С. Скобеева отправились налегкѣ на Хамсару. Здѣсь остановились въ торговомъ заведеніи Мозголевскаго. Къ вечеру прибылъ посланный съ извѣстіемъ, что танойонъ ѣдетъ съ большою свитою. Тотчасъ-же была раскинута въ полѣ палатка, приготовлено угощеніе: чай, коньякъ, баранина, языки, рыбные консервы, калбаса и конфекты. Церемоніалъ пріема перваго монгольскаго хошуннаго правителя былъ установленъ по совѣту Скобеева и Мозголевскаго. Н. А. Топорковъ, Ю. Н. Вороновъ и К. Е. Пѣтуховъ, въ сопровожденіи казаковъ и И. С. Скобеева должны были встрѣтить нойона при выходѣ его изъ лодки на берегъ, а я ожидалъ его у двери палатки. По прибытіи нойонъ, поддерживаемый чиновниками, вышелъ изъ лодки, поздоровался съ членами экспедиціи и затѣмъ въ сопровожденіи всей свиты подошелъ къ палаткѣ. Сдѣлавъ соотвѣтствующее данному случаю присѣданіе, онъ подошелъ ко мнѣ и поздоровался по русски „здравствуйте“, я ему отвѣтилъ по урянхайски: „амыръ-менды“, затѣмъ провели его въ палатку и посадили на почетномъ мѣстѣ. По обычаю страны, первымъ угощеніемъ, при всякой встрѣчѣ, является нюхательный табакъ, который никто изъ насъ не нюхалъ, но изъ приличія всѣ взяли

и нюхали, мы предложили ему папиросу, которую онъ тоже не куритъ, но изъ приличія покурилъ. Начались обыкновенныя привѣтствія черезъ переводчика и угощенія. Та-же процедура съ нюхательнымъ табакомъ и папиросами происходила и съ остальными гостями.

Свита нойона состояла изъ 12 человѣкъ чиновниковъ, всѣхъ наличныхъ правителей Тоджинскаго хошуна. Нойонъ былъ въ шелковомъ халатѣ желтаго цвѣта, въ форменной курмѣ, пожалованной ему китайскимъ правительствомъ, и въ форменной шапкѣ съ темно-синимъ шарикомъ. Весьма скромный и тактичный, нойонъ очень расположенъ къ русскимъ и производилъ весьма выгодное впечатлѣніе. Прежде онъ былъ ламою; но, по обычаю многихъ ламъ Урянхайской земли, женатъ, имѣетъ семью*). Въ нойоны попалъ случайно: власть хошуннаго правителя перешла къ нему не по наслѣдству, онъ былъ выбранъ хошуномъ, хотя не имѣлъ на это права.

Послѣ чая и угощенія нойонъ пригласилъ насъ къ себѣ, т. е. въ помѣщеніе Мозголевскаго, гдѣ его чиновники приготовили уже угощеніе. Здѣсь за столомъ, угощаясь всѣмъ, что можно было найти у нойона, у насъ и у Мозголевскаго, просидѣли весь вечеръ до 12 часовъ.

Нойонъ находилъ необходимымъ встрѣтить и пріятно провести время съ русскими гостями потому, что здѣсь, въ Тоджинскомъ хошунѣ, еще первый разъ сошлись вмѣстѣ, по его выраженію, два нойона: русскій**) и урянхайскій. Намъ было необходимо расположить его хорошимъ пріемомъ и обезпечить благополучный путь отдѣляющихся членовъ экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе подкрѣпить дружеское отношеніе къ русскимъ этого, важнаго въ районѣ, чиновника.

Разговоръ часто останавливался на положеніи нашихъ торгующихъ въ Урянхайской землѣ, нойонъ совѣтывался какъ

*) Въ Монголіи ламы всѣ безбрачны.

**) Монголы и урянхи русскихъ чиновниковъ и путешественниковъ приравниваютъ къ своимъ старшимъ чиновникамъ и называютъ „нойонами".

поступать съ тѣми русскими, которые все чаще и чаще приходятъ въ его землю селиться и ловить рыбу. На это ему пришлось сказать, что ихъ слѣдуетъ принимать самымъ радушнымъ образомъ, на томъ простомъ основанiи, что его народъ каждую осень уходитъ къ намъ въ Саянскую тайгу на охоту за соболемъ и этимъ только и живетъ, поэтому, пусть же русскiе, приходятъ и берутъ рыбу у нихъ въ дружеской землѣ урянховъ, а урянхи охотятся на нашего соболя; если-же онъ будетъ притѣснять нашихъ русскихъ рыбаковъ, то и наши запретятъ урянхамъ ходить къ намъ по соболей. Онъ вполнѣ съ этимъ согласился, только жаловался, что здѣсь нѣтъ русскаго представителя и просилъ оказать содѣйствiе къ назначенiю по крайней мѣрѣ торговаго старшины, къ которому-бы онъ могъ обращаться за разрѣшенiемъ всякаго рода сомнѣнiй и споровъ.

Въ заключенiи нашего свиданiя, нойонъ далъ обѣщанiе снабдить Ю. Н. Воронова съ Пѣтуховымъ проводниками и благополучно доставить ихъ въ Дархаты, съ его письмомъ о содѣйствiи до границы*).

На завтра утромъ нойонъ собрался обратно къ себѣ, мы рѣшили проводить его на ту сторону рѣки. Нойонъ съ нами переѣхалъ въ лодкѣ, остальные урянхи вплавь на лошадяхъ. Оригинальное зрѣлище представляла собою переправа урянховъ черезъ рѣку. Всѣ они, раздѣвшись, складываютъ свою одежду на лошадь и сѣвъ на нее, бредутъ по рѣкѣ, пока лошадь не сплыветъ, тогда всадникъ сваливается съ лошади въ воду и плыветъ возлѣ нея, или сбоку, или сзади, держась за гриву или за хвостъ лошади. При этомъ урянхаецъ начинаетъ пѣть священныя шаманскiя пѣсни, оглашая воздухъ какими-то ноющими, жалобными мотивами.

Въ тотъ же день мы вернулись къ Скобеевымъ.

Переформировавъ вьюки, произведя астрономическiя опредѣленiя, 18 августа мы простились со своими товарищами и выѣхали въ разныя стороны.

*) Обѣщанiе это исполнилъ.

Нашъ путь лежалъ внизъ по правому берегу Енисея (Бейкема). Рѣка Енисей здѣсь шириною около 100 саженъ, глубиною больше двухъ саженъ, имѣетъ довольно быстрое теченіе; широкая долина рѣки ограничена живописными берегами горной страны, открывающей широкія входящія долины и лишь мѣстами горы подходятъ къ самой рѣкѣ, образуя отвѣсныя скалы.

Могучая рѣка, въ горной странѣ, при обиліи растительнаго царства, представляетъ почти на каждомъ шагу величественныя, живописныя картины. При богатствѣ природы, полное безлюдье поражаетъ и удивляетъ человѣка.

Тропа идетъ по правому берегу Енисея, пересѣкая притоки: Систикемъ, Карагашъ, Себи, Утъ, Оджа и выходитъ въ долину Уюка, то поднимаясь на отроги, то спускаясь въ широкія степныя долины. Степи ограничиваются крупными дѣвственными сосновыми лѣсами, почва степей и лѣсовъ покрыта богатою травяною растительностью.

На востокъ отъ р. Себи до самыхъ верховьевъ р. Енисея и по правымъ его притокамъ раскинулся Тоджинскій хошунъ; жители его по преимуществу урянхи-оленеводы, главнымъ бюджетомъ которыхъ является охота. Въ степныхъ долинахъ они бываютъ очень рѣдко. Лѣтомъ для стадъ оленей нужны горы и поэтому они держатся въ верховьяхъ рѣкъ, а богатыя долины остаются пустынными.

Отъ долины р. Себи, на западъ начинаютъ встрѣчаться уже урянхи скотоводы Модинскаго хошуна. Моды-урянхи живутъ въ войлочныхъ юртахъ, подобно всѣмъ кочующимъ скотоводамъ, перемѣняющимъ свои мѣста вслѣдъ за большими стадами.

Среди обширныхъ степей Ута, Оджи, Турана, Уюка, правыхъ притоковъ Енисея, пасутся большіе табуны лошадей и скота урянховъ и частію русскихъ. Въ долинѣ Ута и его притоковъ встрѣчались сѣнокосные луга, очевидно здѣсь кочевники уже начинаютъ заготовлять на зиму запасы сѣна.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются русскіе хутора и при устьи р. Себи русская деревня Себи.

Русскія деревни, хутора, русское скотоводство, рыбная ловля и наконецъ пріиски, конечно, вызываютъ постоянныя столкновенія русскихъ съ урянхами и Тоджинскій нойонъ былъ правъ, жалуясь на отсутствіе русскаго представителя.

Отсутствіе пограничнаго коммисара, при отдаленности ургинскаго консула, создаетъ для нашихъ русскихъ тяжелое положеніе.

Вотъ напримѣръ грустный случай. Русскій крестьянинъ заѣхалъ въ долину Ута для рыбной ловли и заболѣлъ. Несчастная семья съ нимъ находится въ тяжеломъ положеніи, не зная какъ выбраться на родину и не имѣя средствъ къ существованію.

Движеніе наше не встрѣчало серьезныхъ затрудненій. Рѣки легко переходились вбродъ, подъемы и спуски не велики. Лишь перевалъ черезъ водораздѣлъ между долинами р.р. Ута и Оджи высотою до 6 тыс. фут. отличается нѣкоторою крутизною подъема и спуска, среди болотистой тайги.

Подвигались сравнительно быстро, суточный переходъ дѣлали 35—40 вер. Лошади шли бодро, безъ утомленія, кормъ вездѣ для нихъ былъ отличный.

Часто намъ встрѣчались урянхи, на своихъ маленькихъ лошадкахъ со стриженными гривами. Урянху проскакать 20—30 верстъ, за тѣмъ, чтобы у сосѣда выпить чашку—двѣ араки*),—ничего не значитъ. Пробывъ у сосѣда, два—три часа, угостившись аракою, онъ въ тотъ-же день, на томъ-же конѣ снова скачетъ эти 30 в. къ своему кочевью.

24-го августа прибыли въ русскій поселокъ Туранскій.

Туранскій поселокъ находится при впаденіи р. Туранъ въ р. Уюкъ (притокъ верхн. Енисея). Долины Турана и Уюка представляютъ собою обширныя степи, почти отъ самыхъ верховьевъ до устья, т. е. съ сѣвера на югъ около 100 верстъ.

*) Арака—домашняя водка.

Здѣсь, въ этихъ степяхъ, когда-то жили другіе народы, несомнѣнно, культурные. Памятниками отъ этихъ народовъ остались водооросительные каналы. Когда пришли сюда русскіе переселенцы и принялись за земледѣльческую культуру, они нашли эти забытые, заброшенные каналы и стали ихъ приспособлять, а затѣмъ изучая какъ они были проведены,—начали развивать канализацію. Нынѣ всѣ поля и луга туранскихъ переселенцевъ орошаются.

Другимъ памятникомъ отъ прежнихъ обитателей служитъ каменная баба, находящаяся въ самомъ поселкѣ Туранѣ. Высотою около сажени, она съ трехъ сторонъ покрыта письменами, состоящими изъ изображеній оленя и другихъ животныхъ.

Наши переселенцы пришли туда лѣтъ 20 тому назадъ; теперь они имѣютъ хорошія поля, орошаемые луга и обширныя пастбища; занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, они завели домашнихъ мараловъ, рога которыхъ служатъ имъ хорошимъ источникомъ дохода. Занимаются охотою по соболю и мелкою торговлею. Пастухами ихъ стадъ служатъ урянхи.

Но переселенцы очень жалуются, что въ дѣлѣ орошенія они немогутъ ни съ кѣмъ посовѣтываться. А между тѣмъ все благосостояніе и будущее ихъ поселка зависитъ отъ развитія орошенія.

Для экспедиціи съ зимы были заготовлены продовольственные запасы на заведеніи Сафьянова подъ названіемъ Солданъ, на берегу Енисея (Улукема), тамъ же мы предполагали переформировать наши вьюки и везти ихъ дальше до Улясутая на телѣгахъ. Поэтому экспедиція туда и направилась.

Отъ долины Уюка до Енисея имѣется отличная колесная дорога, которая пересѣкаетъ нѣсколько притоковъ Енисея. Долины этихъ притоковъ по преимуществу степныя, по нимъ часто встрѣчаются кочевья урянховъ, съ большими стадами скота, а въ нижнемъ теченіи р. Боенгола мы встрѣтили нѣ-

сколько распаханныхъ полей, засѣянныхъ ячменемъ. Поля эти принадлежатъ урянхамъ, распаханы плохо, хлѣба тощіе. Въ верховьяхъ р. Систерликъ находится ламайскій монастырь. Здѣсь живетъ человѣкъ 15 ламъ, постройки незначительныя кругомъ бѣднота, ламы одѣты плохо. Характерно, что въ Урянхайской землѣ монастыри встрѣчаются рѣдко, въ большинствѣ для каждаго хошуна имѣется одинъ монастырь и всѣ они, по сравненію съ монгольскими монастырями, очень бѣдны и малочисленны.

25-го августа, поздно вечеромъ, прибыли къ Енисею. Широкою лентою около 200 саженъ, Енисей окончательно сформировавшійся, послѣ впаденія въ него Ха-кема, протекаетъ въ долинѣ, справа ограниченной степными холмами предгорій Саянъ, а слѣва широкою степью, протянувшейся отъ Енисея до Танну-ола (на 160 верстъ) и отъ долины Брена до долины р. Барлыка; черезъ эту степь мощный хребетъ Танну-ола далеко проектируется на небосклонѣ.

Енисей переплыли на лодкахъ, вьюки переправили тоже на лодкахъ, свободныхъ лошадей—вплавь.

Заведеніе Сафьянова, какъ и большинство такихъ заведеній состоитъ изъ большого дома, кладовыхъ и прочихъ хозяйственныхъ построекъ, обнесенныхъ высокимъ тесовымъ заборомъ. Г. П. Сафьяновъ около 30 лѣтъ ведетъ торговлю въ Урянхайской землѣ. И нынѣ, продолжая торговыя операціи, переходитъ къ новому типу урянхайскихъ скотоводовъ, у него уже и теперь имѣются довольно большіе табуны лошадей, проявляется заботливость къ улучшенію своихъ табуновъ: выписываются изъ Россіи племенники, и постепенно вырабатывается типъ лошади смѣшанной крови степныхъ урянхайскихъ съ заводскою лошадью томской породы. Факторія Сафьянова занимаетъ выгодное положеніе въ Урянхайской землѣ: она находится на р. Енисеѣ, въ такомъ мѣстѣ, до котораго пароходное сообщеніе не только возможно, но непремѣнно когда нибудь будетъ и въ то же время въ этомъ мѣстѣ

Енисей пересѣкается колеснымъ путемъ отъ с. Усинскаго на Улясутай. Сюда же подходитъ путь изъ долины р. Ха-кема. Вблизи Сафьяновской факторіи находится небольшой валъ, сложенный изъ камней, высотою около $1/2$ аршина. Этотъ валъ, говорятъ, тянется вдоль по всему лѣвому берегу Енисея между Ха-кемомъ и Кемчикомъ, затѣмъ на западъ уходитъ въ долину Кемчика и на востокъ въ долину Ха-кема. Появленіе его почему-то относятъ къ временамъ Чингизъ-хана; говорятъ, даже, что онъ тянется черезъ всю Монголію параллельно нашей границѣ, но вблизи оз. Косогола мы этого вала не встрѣчали.

Пополнивъ продовольствіе, мы переформировали здѣсь караванъ и уложили наши вьюки на четыре двухколесныя телѣги. Отъ Сафьянова мы выступили вверхъ по берегу рѣки Енисея и, сдѣлавъ 15 верстъ, прибыли на заведеніе подъ названіемъ Булукъ, которое находится почти у самаго устья Ха-кема.

Пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ на Солданѣ и Булукѣ, представилось много случаевъ повидаться съ мѣстными урянхайскими чиновниками, вліятельными стариками-урянхами и побывать во многихъ юртахъ кочевниковъ.

Разговоръ съ однимъ бывшимъ временщикомъ Урянхайской земли, почтеннымъ и до сихъ поръ вліятельнымъ хошун-джеланомъ по имени Дубъ-Тунъ, коснулся современнаго положенія урянховъ и ихъ прошлаго. Онъ говорилъ, что послѣдніе годы большинство урянховъ раззорилось, бывшіе богачи, превратились въ бѣдныхъ пастуховъ чужихъ стадъ, что многіе питаются только около русскихъ. По его мнѣнію урянхи когда-то принадлежали Бѣлому Царю и даже жили по ту сторону Саянъ и пришли сюда съ сѣвера.

Урянхи, по существующимъ историческимъ преданіямъ, долго отстаивали свою независимость отъ Китая. Ихъ ханъ, на ~~правомъ~~ лѣвомъ берегу Кемчика, построилъ крѣпость, которая и служила оплотомъ независимости отъ Китая. Развалины крѣпости, по разсказамъ урянховъ, сохранились и по нынѣ;

китайцы или вѣрнѣе монгольскіе ханы, по порученію китайцевъ, не могли сломить урянховъ и тоже построили свою крѣпость на правомъ берегу Кемчика въ отрогахъ Танну-ола. Изъ разсказовъ не удалось хотя-бы приблизительно установить періодъ этой борьбы; безусловно, онъ былъ до постановки еще монгольскихъ карауловъ къ югу отъ Танну-ола. Урянхи, очевидно, сильно безпокоили монголовъ и китайцевъ, почему и появились очень строгія правила для карауловъ: не пропускать ни одного урянха въ Монголію. Можно предположить, что борьба между китайцами и урянхами сначала была въ пользу послѣднихъ, но потомъ китайцамъ удалось наложить подати на урянхайскій народъ.

Въ разговорѣ съ другимъ вліятельнымъ урянхомъ, вопросъ коснулся границы. По его мнѣнію китайцы не считали Урянхайскую землю своей и поставили лѣтъ 200 тому назадъ свои пограничные караулы по южному склону Танну-ола.

От Енисея черезъ хр. Танну-ола.

1-го сентября мы выступили съ заведенія Булука по направленію къ хребту Танну-ола.

Хорошо наѣзжанная телѣжная дорога проходила по обширной холмистой степи, то слегка поднимаясь, то спускаясь въ долины. Кругомъ имѣлся хорошій подножный кормъ. Грунтъ мягкій, почва мѣстами черноземная, мѣстами супесчаная. Серьезное неудобство пути заключается въ сравнительномъ недостаткѣ воды, заставляющемъ дѣлать большіе переходы. Такъ, первая удобная остановка на ключѣ Булукѣ, отъ Енисея всего въ 5 вер., а слѣдующая уже въ 20 вер. на рѣчкѣ Джедырѣ, у озера Джедыръ-куль, далѣе въ 10 в. имѣется снова рѣчка Онгонъ, а затѣмъ воды нѣтъ до рѣчки Моджалыкъ въ 45 верстахъ. Поэтому приходится дѣлать неравные переходы и запасаться водою и дровами.

Отъ р. Моджалыкъ дорога идетъ сначала степью, входитъ въ широкую долину р. Шурмака и направляется по лѣвому берегу рѣки, пересѣкая нѣсколько мелкихъ ручейковъ. Нѣ-

сколько лѣвыхъ притоковъ, (показанныхъ на 40 верстной картѣ) теперь пересохли и въ нихъ воды нѣтъ.

Долина рѣки Шурмакъ покрыта довольно густымъ лѣсомъ, по преимуществу лиственницей, почва поросла отличною травою.

Слѣдуя далѣе, по постепенно съуживающейся долинѣ рѣки Шурмака, мы вступили въ предгорія хребта Танну-ола. Весь путь отъ р. Енисея до хребта Танну-ола мы совершили въ 4 перехода сдѣлавъ 160 верстъ. Все время вьюки везлись на двухколесныхъ экипажахъ (таратайки). При хорошемъ кормѣ, сравнительно ровная безъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ колесная дорога, хорошо укатанная, не утомляла нашихъ лошадей.

При самомъ входѣ въ хребетъ Танну-ола, мы встрѣтили караванъ усинскихъ торговцевъ въ 50 лошадей, запряженныхъ въ „таратайки", идущихъ изъ г. Улясутая съ чаемъ.

Жители с. Усинскаго въ послѣдніе годы стали вести торговлю непосредственно съ г. Улясутаемъ. Ежегодно, послѣ сбора маральихъ роговъ, въ концѣ іюля, они отправляются съ рогами въ Улясутай. Прежде рога отвозились на вьюкахъ, нынѣ усинцы стали ѣздить на двухколесныхъ телѣжкахъ, и проложили очень хорошую колесную дорогу. По прибытіи въ Улясутай рога сбываются китайцамъ и закупается чай, который тѣмъ же путемъ привозится въ с. Усинское. Торгующіе стараются вернуться изъ Улясутая къ началу сезона охоты, когда урянхи собираются на добычу соболя т. е. къ половинѣ сентября. Чай продается охотникамъ по преимуществу въ кредитъ подъ соболя.

Отъ этого каравана мы получили печальное извѣстіе, что по пути на Улясутай, вслѣдствіе засушливаго лѣта, нѣтъ кормовъ и мало воды и, что наши лошади, уже измученныя дальнимъ походомъ, едва-ли дойдутъ до Улясутая; совѣтовали намъ вьюки отправить на верблюдахъ.

Совѣтъ торгующихъ заслуживалъ большого вниманія. Но мы рѣшили на нашихъ лошадяхъ перевалить хребетъ Танну-ола и дойти до ставки Амбань-нойона, главнаго начальника Урянхайской земли, кочующаго по южному склону хребта.

Хребетъ Танну-ола представляетъ собою массивъ шириною въ основаніи около 100 верстъ и по гребню около 40 верстъ, круто спускается къ сѣверу, отличается рѣзкими контурами, а въ южныхъ склонахъ болѣе пологій, контуры, подъ вліяніемъ южныхъ вѣтровъ и дѣятельности атмосферы, сгладились. Сѣверный склонъ хребта и гребень покрыты лѣсомъ по преимуществу лиственницей, южный склонъ почти безлѣсный и лишь незначительные оазисы лиственницы появляются на сѣверныхъ скатахъ отдѣльныхъ вершинъ. Подъемъ на Танну-ола съ сѣверной стороны по своей крутизнѣ и каменистой дорогѣ очень затруднительный. Приходится пересѣчь нѣсколько глубокихъ лощинъ съ крутыми скатами и подъемами, такъ что возъ въ 13 пудовъ съ трудомъ вывозится хорошею лошадью, а наши лошади и по 8 пуд. могли поднять только съ припряжкою.

Виднѣвшіяся намъ вершины хребта Танну-ола, во время нашего перехода были покрыты снѣгомъ.

На вершинѣ перевала имѣется очень большое обо (куча камней и деревьевъ). Каждый урянхъ пересѣкая хребетъ, считаетъ себя обязаннымъ принести горному духу жертву, бросая въ общую кучу каменья или вѣтви деревьевъ и навѣшивая на окружающія деревья узкія ленты бѣлой, желтой или синей матеріи.

Такое жертвоприношеніе урянхи дѣлаютъ во всѣхъ трудныхъ и опасныхъ мѣстахъ своего пути. Такъ, мы часто встрѣчали такіе-же лоскутки матеріи, повѣшанные по деревьямъ на берегу рѣкъ, въ мѣстахъ переправъ и бродовъ, и на высокихъ подъемахъ и спускахъ. Такіе-же „обо“ (кучи камней и хвороста) имѣются на всѣхъ значительныхъ перевалахъ, а потому они часто встрѣчаются и на Саянскомъ

хребтѣ. Не эти-ли „обо“, когда-то нашими пограничниками были приняты за китайскіе пограничные знаки? На вершинѣ хребта Танну-ола раскинуты луга, очень удобные для пастбищъ. Осенью здѣсь кочуетъ много урянховъ. Разсказываютъ, что на хребтѣ Танну-ола встрѣчается сѣрый медвѣдь, намъ не приходилось видѣть и потому справедливость оставляется на совѣсти разсказчика. Встрѣчаются косули и очень рѣдко маралъ, соболя здѣсь почти нѣтъ.

Послѣ подъема, мы прошли около 40 верстъ по хребту и слѣдуя мимо Чернаго озера, спустились съ хребта къ ставкѣ главнаго начальника надъ урянхайской землею Амбань-нойона. Рано утромъ мы послали Амбань-нойону свои визитныя карточки и приказали спросить, когда онъ можетъ принять насъ.

Отвѣтъ былъ полученъ черезъ часъ и мы, съ Н. А. Топорковымъ, въ сопровожденіи трехъ казаковъ—переводчиковъ монгольскаго и урянхайскаго языковъ и спеціальнаго переводчика крестьянина, взятаго изъ Туранскаго поселка, отправились въ ставку нойона.

Въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Таргалакчинъ, было раскинуто 5 юртъ; одна изъ нихъ выдавалась своею величиною и бѣлизной. Въ 10 шагахъ отъ большой юрты насъ встрѣтило человѣкъ 15 урянховъ, одѣтые въ халатахъ разныхъ цвѣтовъ и приняли нашихъ верховыхъ лошадей. Около самаго входа въ юрту встрѣтилъ насъ самъ „Амбань-нойонъ“ и пригласилъ въ юрту.

Въ обширной юртѣ, прямо противъ входа, на шкафахъ были установлены разные идолы и жертвоприношенія въ маленькихъ мѣдныхъ чашкахъ. На право около постели стоялъ отдѣльный столикъ, налѣво возлѣ двухъ подушекъ были поставлены такіе же два столика какъ и направо. Вся юрта уставлена шкафами и устлана кошмами.

Мы сѣли налѣво отъ входа, нойонъ со своей свитой направо. Послѣ обычныхъ предварительныхъ привѣтствій и обычныхъ

вопросовъ о цѣли поѣздки, мы предъявили свои документы. Здѣсь первый разъ возникъ, по ихъ мнѣнію, серьезный вопросъ, куда исчезли два другихъ члена экспедиціи съ 4-мя рабочими. Послѣ продолжительныхъ объясненій намъ удалось ихъ убѣдить, что въ этомъ исчезновеніи не скрывается никакихъ ужасныхъ политическихъ замысловъ и успокоить свойственную имъ подозрительность. Предложенное угощеніе состояло изъ чая, китайскаго печенья, китайскаго сахара и китайской водки, а затѣмъ, и араки собственнаго производства. Здѣсь намъ пришлось пользоваться услугами двухъ палочекъ, вмѣсто вилокъ. Наше полнѣйшее неумѣніе къ этому столовому прибору вызывало много смѣху и остротъ со стороны нойона и его свиты. Затѣмъ, по обычаю, мы преподнесли подарки.

Особенное впечатлѣніе произвели столовые часы съ электрической лампою. Нужно было видѣть съ какимъ дѣтскимъ любопытствомъ урянхи разсматривали эту вещицу и сколько интереса вызывала электрическая лампочка, освѣщавшая циферблатъ часовъ. Не меньше удивленія и разговора вызвала коробка килекъ. Спрашивали, какъ готовятъ эту рыбу, гдѣ и проч. Особеннаго одобренія заслужилъ подарокъ двухъ бутылокъ коньяку. Урянхи большіе любители выпить крѣпкаго и такой подарокъ для нихъ былъ болѣе всего понятенъ.

Нойонъ молодой человѣкъ (24 лѣтъ), живого темперамента, былъ одѣтъ въ красный халатъ монгольскаго покроя, въ форменной китайской курмѣ, въ шапкѣ съ краснымъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ. Онъ окруженъ большою свитою. При немъ состоитъ нѣсколько чиновниковъ для порученій и письмоводства, имѣется канцелярія; офиціальныя бумаги пишутся на монгольскомъ языкѣ, но никого не нашлось, знающаго китайскій языкъ, чтобы прочитать нашу охранную грамоту, присланную намъ изъ Пекина. Только печать китайскаго правительства и указывала имъ на важность документа. Нойонъ вступилъ въ наслѣдственную должность еще недавно, года че-

тыре тому назадъ, послѣ смерти отца. Послѣдніе годы онъ сталъ раззоряться. Полученныя отъ отца тысячныя стада и табуны, постепенно таютъ. Отчасти его раззоряютъ, говорятъ, китайскіе чиновники въ Улясутаѣ, куда онъ ежегодно обязанъ привозить подати за Урянхайскую землю, и конечно, при этомъ большіе подарки; съ другой стороны молодой нойонъ, говорятъ, помогаетъ многимъ обѣднѣвшимъ урянхамъ, раздавая много скота. Однако и теперь у него еще имѣются большіе стада рогатаго скота и табуны лошадей, далеко превышающіе 2 тысячъ головъ. Довѣрчивый по молодости лѣтъ, нойонъ, кажется, находится въ рукахъ своихъ чиновниковъ.

Только-что мы успѣли пріѣхать въ свой бивакъ и прибрать палатку, какъ явился нойонъ съ отвѣтнымъ визитомъ, въ сопровожденіи всей свиты. Пріемъ въ палаткѣ не отличался отъ перваго пріема Та-нойона на Хамсарѣ. Среди оживленной бесѣды, произошелъ неожиданный и непріятный инциндентъ. Чиновникъ, управляющій канцеляріей, юноша лѣтъ 20, съ желтымъ шарикомъ на шапкѣ, что-то сказалъ нойону. Нойонъ соскочилъ и нѣсколько разъ ударилъ чиновника по щекѣ. Съ большимъ трудомъ удалось намъ унять расходившагося азіатскаго властелина. Оказалось, что причиною возбужденія нойона былъ слѣдующій случай: мы говорили все время на монгольскомъ языкѣ. Полагая, что мы не можемъ проконтролировать ихъ, писарь, по урянхайски, замѣтилъ нойону. „Ты много ему не болтай, а то я донесу на тебя въ Улясутай Цзянь-Цзюню“. Эта фраза и вызвала цѣлую бурю въ нойонѣ.

По убѣдительной просьбѣ нойона, мы снова поѣхали въ его ставку съ неофиціальнымъ дружескимъ визитомъ, гдѣ въ пріемѣ участвовала уже жена нойона. По восточному обычаю, у урянховъ какъ и у другихъ кочевыхъ народовъ, женщина не имѣетъ права присутствовать при офиціальномъ визитѣ. Поэтому, когда мы были съ первымъ визитомъ, она даже и не входила въ юрту, при второмъ визитѣ пришлось и ей привезти подарокъ. Мы произвели нѣсколько фотографиче-

скихъ снимковъ и уѣхали къ себѣ. Спустя часъ нойонъ пріѣхалъ снова съ отвѣтнымъ дружескимъ визитомъ, уже въ простой, неформенной одеждѣ, безъ всякихъ регалій и въ сопровожденіи своей супруги, сына и самыхъ близкихъ изъ его свиты. Онъ привезъ съ собою фотографіи, подаренныя ему усинскимъ пограничнымъ начальникомъ, съ особенною гордостью оттѣнялъ группу, въ которой были сняты онъ, усинскій начальникъ и обѣ свиты. Мы ему подарили при прощаніи свои фотографіи, а Н. А. Топорковъ еще подарилъ фотографіи: юрты нойона, его семьи и свиты, снятыя въ этотъ день. Разстались друзьями.

На завтра мы послали къ нойону урядника съ переводчикомъ съ просьбой дать проводника до Улясутая и помочь нанять трехъ верблюдовъ. Прибывшій чиновникъ засвидѣтельствовалъ почтеніе нойона и передалъ, что нойонъ уже сдѣлалъ распоряженіе по моей просьбѣ и проводникъ съ верблюдами завтра утромъ будетъ присланъ. За верблюдовъ до Улясутая взяли съ насъ, всего 12 ланъ серебра, т. е. 19 рублей 20 коп., а проводникъ съ лошадью назначался отъ нойона, при чемъ платы нойонъ никакой не хотѣлъ брать, а предоставилъ намъ дать проводнику сколько найдемъ нужнымъ по его заслугамъ.

И такъ, завтра оставляемъ Урянхайскую землю и пройдемъ, мимо китайскихъ карауловъ, въ Монголію.

Богатоодаренная природою, оживленная культурною работою случайныхъ русскихъ піонеровъ, Урянхайская земля произвела на насъ самыя лучшія впечатлѣнія; почти дружескія отношенія представителей урянхайскаго правительства, еще болѣе укрѣпляли наше хорошее впечатлѣніе.

Мысленно оглядываясь на Урянхайскую землю какъ то не вѣрилось, что мы около тысячи верстъ проѣхали въ предѣлахъ китайскихъ владѣній: ничто не напоминало намъ, что мы находимся заграницей. Довольно часто встрѣчающіеся русскіе населенные пункты, русскія поля и стада, по всѣмъ

дорогамъ русскій народъ, мирно занимающійся каждый своимъ дѣломъ, кое-гдѣ разбросанныя кочевыя юрты урянховъ, питающихся около русскихъ крестьянъ и коммерсантовъ—все это скорѣе напоминало отдаленную русскую окраину. Мощный хребетъ Танну-ола, сплошною стѣною отдѣляющій Урянхайскую землю отъ Монголіи и въ добавленіе китайскіе караулы, разбросанные вдоль по правымъ притокамъ рѣки Теси, какъ-бы указывали намъ, что только здѣсь, мы вступаемъ въ предѣлы Монголіи.

По Монголіи.

Отъ Танну-ола до Улясутая.

Около 11-ти часовъ утра 7 сентября къ нашему бивaку приведены были три верблюда и двое урянховъ: проводникъ и ямщикъ. Мы уложили на верблюдовъ съ нашихъ таратаекъ имущество и передали нашихъ лошадей, провожавшему насъ, туранскому крестьянину съ порученіемъ доставить ихъ на Енисей господину Черневичу. Послѣ полудня тронулись дальше, спускаясь по южному склону хребта Танну-ола.

Совершенно безлѣсные южные склоны хребта, постепенно понижаясь, спускались къ рѣкѣ Тесъ, образуя широкую долину.

Долина рѣки Теси раскинулась среди горъ ровною степью, и только рѣдкая аллея кустарника обозначала теченіе рѣки.

Десятки тысячъ головъ разнаго скота паслись на этихъ степяхъ. Здѣсь—еще мѣстами встрѣчались урянхайскія юрты возлѣ рѣки Теси, а направо, вдали, виднѣлся ламайскій монастырь (куре) ойнарскаго хошуна. Извивающаяся среди степи лента тополей и березника, обозначала собою теченіе р. Эрсинъ-голъ, самаго крупнаго праваго притока р. Тесь. Перейдя нѣсколько холмовъ, мы спустились къ рѣкѣ Эрсинъ-голъ шириною около 30 саженъ, глубиною до брюха лошади. Перешли рѣку и встрѣтили кочевья эрсинскаго китайскаго караула, состоящаго изъ 20 монголовъ, назначаемыхъ сюда изъ разныхъ внутреннихъ хошуновъ Халхи, кочующихъ по долинѣ Эрсина со своими семьями и стадами.

Экспедиція въ Монголіи.

Привалъ экспедиціи въ монгольской степи.

Томскъ. Цинкографія П. И. Макушина.

Лѣвый берегъ долины р. Теси ограничивался песчанымъ нагорьемъ, усѣяннымъ волнами наноснаго песка. Правый берегъ ограничивался степными отрогами Танну-ола.

Въ южныхъ отрогахъ Танну-ола имѣется нѣсколько горячихъ минеральныхъ ключей. Урянхи и монголы всегда ими пользуются и рѣдкій кочевникъ не побываетъ на ключахъ, чтобы полѣчиться отъ ревматизма и другихъ простудныхъ болѣзней. Разсказываютъ, что по правымъ притокамъ Теси имѣются богатыя золотыя розсыпи.

Дальнѣйшій нашъ путь лежалъ вверхъ по долинѣ рѣки Теси.

Для насъ самое затруднительное было отыскать удобное мѣсто для нашихъ приваловъ и ночлеговъ. Всѣ сколько нибудь значительные луга были усѣяны юртами и стадами монголовъ и частью урянховъ; корму на нихъ рѣшительно не было никакого. Нѣсколько дней мы прошли по долинѣ Теси и ни разу не удалось нашихъ верховыхъ лошадей хорошо выкормить.

10-го сентября спустились къ мѣстечку Дзуръ и здѣсь перешли р. Тесь вбродъ. Рѣка Тесь въ этомъ мѣстѣ шириною около 5 саженъ, глубиною по стремя лошади. По обѣимъ сторонамъ рѣки, въ широкой долинѣ, было раскинуто больше 20 монгольскихъ юртъ. Рѣка Тесь ни разу не была опредѣлена астрономически, поэтому было рѣшено здѣсь сдѣлать дневку и произвести астрономическое опредѣленіе. На берегу рѣки была хорошая стоянка; только, бѣднымъ лошадямъ было плохо,—корму вблизи совершенно не было; пришлось отправить ихъ далеко отъ бивака, но и тамъ немного было лучше. Весь день не переставали насъ посѣщать гости—монголы.

Въ этой части Монголіи замѣчается сравнительно съ урянхами бóльшое благосостояніе. Хотя здѣсь не такъ богаты и привольны степи, природа сравнительно съ долиной В. Енисея очень бѣдна, но юрты встрѣчаются чаще и всегда окру-

жены большими стадами. Монголы одѣты богаче урянховъ, а въ особенности женщины: въ рѣдкой юртѣ вы не увидите монголку, богато украшенную серебромъ. Въ обстановкѣ юрты видно больше достатка, монголы ѣздятъ на своихъ маленькихъ лошадкахъ, засѣдланныхъ сѣдлами, богато украшенными серебромъ. Вообще обиліе серебра, въ обыденной жизни монгола, здѣсь поражаетъ при первомъ взглядѣ. Домашнее хозяйство лежитъ все на рукахъ женщинъ, мужчины являются больше пастухами своихъ стадъ.

Въ долинѣ Теси, русскіе почти совершенно не ведутъ торговли. Изрѣдка сюда заѣзжаютъ изъ Тунки торговцы скотомъ. Вся торговля находится въ рукахъ китайцевъ. Они скупаютъ по преимуществу шкуры. Шерсть не берутъ. Монголы тесингольскіе на зиму запасаются хлѣбомъ, который покупаютъ въ Уланкомѣ и удивляются, отчего русскіе имъ не привозятъ продавать хлѣбъ. Что особенно поражаетъ свѣжаго человѣка, по переходѣ въ Монголію,—это многочисленность ламъ. Чуть не на каждомъ шагу вы встрѣчаете монгола безъ косы, коротко остриженнаго—это наружный признакъ всѣхъ ламъ. Въ одеждѣ ламъ въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ красный или желтый цвѣтъ. Ламы здѣсь всѣ безбрачны. Монголы къ ламаизму относятся гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ Урянхайской землѣ.

Отъ Теси мы начали медленно подниматься на высокое плоскогоріе. Отдѣльныя гряды горъ, въ разныхъ направленіяхъ пересѣкали плоскогоріе, немного разнообразя утомительную картину монгольскихъ степей. По сѣвернымъ склонамъ горъ кое-гдѣ виднѣлись небольшіе перелѣски лиственницы, оживляя скучные ландшафты. Вершины сопокъ были уже покрыты снѣгомъ. Изрѣдка, въ ущельяхъ, тѣснились юрты монголовъ, уже переѣхавшихъ на зимовки; но нѣкоторые монголы еще оставались на осеннихъ кочевьяхъ. Мѣстами встрѣчались огромные табуны лошадей, гурты разнаго скота.

Въ первый день отъ Теси намъ пришлось сдѣлать очень большой переходъ, въ 47 верстъ. На немъ очень чувствовался недостатокъ воды. На всемъ переходѣ не было ни одного ручья и колодца. Дневной привалъ сдѣлали прямо въ безводной степи; чай скипятили изъ взятой съ собою воды, а вмѣсто обѣда поджарили на салѣ баранину. Лошади оставались весь день безъ воды.

Поздно вечеромъ мы прибыли къ урочищу Дамдорхой и остановились на ночлегъ тамъ, гдѣ обыкновенно останавливаются русскіе торгующіе. Воду для питья и варки пищи нашли въ небольшомъ родникѣ, изъ котораго съ большимъ трудомъ было возможно набрать ведро воды. Для лошадей можно было воспользоваться водою въ небольшомъ озеркѣ, но вода была грязная и нехорошаго вкуса. Зато было великолѣпное пастбище. Здѣсь мы рѣшили остановиться для отдыха лошадей и верблюдовъ, послѣ большого и труднаго перехода.

Дальнѣйшій путь шелъ по плоскогорію, то поднимаясь, то спускаясь по холмамъ; на пути встрѣчали нѣсколько монгольскихъ юртъ, ютившихся или около колодца, или около ручья. Ночевали на берегу р. Улакчинъ. Ночью выпалъ снѣгъ, покрывшій не только горы, но и степи. Слѣдующій переходъ въ 40 верстъ мы полагали дойти до монгольской казенной станціи Убуръ-урулакчинъ, но переходъ оказался намъ не подъ силу и мы ночевали на перевалѣ. Воды не было, но зато былъ снѣгъ, мы его растаяли и сварили себѣ пищу. Лошади имѣли хорошій кормъ, а вмѣсто водопоя—снѣгъ.

Почти параллельно колесному пути усинцевъ идетъ, такъ называемая албанная дорога. На ней черезъ каждый переходъ, содержатся казенныя станціи (урте). Такая станція состоитъ, обыкновенно, изъ 10—15 юртъ. Для перевозки пассажировъ и вьюковъ имѣется десятка два-три лошадей и нѣсколько верблюдовъ. Прежде эти станціи выставлялись по наряду изъ отдаленныхъ хошуновъ Халхи. Пришедшіе сюда

монголы другихъ хошуновъ, нынѣ сдѣлались уже почти постоянными жителями своихъ станцій. Станціи теперь содержатся на счетъ хошунныхъ доходовъ и чаще отдаются хошунными правителями съ торговъ. Этими станціями пользуется китайское правительство для казенной почты, но по преимуществу ими пользуются разные монгольскіе чиновники, а главное торгующіе китайцы. Лошади и верблюды берутся, конечно, безплатно. Чиновникъ проѣзжающій по албанной дорогѣ не только получаетъ безплатно лошадей, но и барановъ, числомъ смотря по чину и занимаемой должности. Обыкновенно китайскіе чиновники, а за ними и монгольскіе,—не стѣсняются въ этихъ случаяхъ и берутъ столько, сколько могутъ взять, а, нерѣдко, заѣзжаютъ прямо въ сосѣднее стадо не спрашивая, кому оно принадлежитъ и выбираютъ любого барана и преспокойно увозятъ съ собою.

Изъ долины р. Убур-улакчинъ, мы стали подниматься на крутой хребетъ, заваленный сплошь подвижными песками. Западные вѣтры, унося песокъ изъ песчаныхъ степей окрестностей Киргизъ-норъ, перебрасываютъ его черезъ хребты, наметывая огромные холмы. Эти песчаные дюны, разнообразной формы часто мѣняютъ свое положеніе. На перевалѣ въ глубокой котловинѣ, когда-то было озеро—теперь оно занесено пескомъ и окружено крупными песчаными дюнами. Площадь песковъ въ ширину протягивается всего на 10 верстъ, но на этомъ протяженіи растительность вся погибла. Затѣмъ, песокъ уменьшается и въ сосѣдней долинѣ маленькой рѣчки, принадлежащей къ верховьямъ р. Кунгуй, постепенно переходитъ снова въ степи. Если поднимается вѣтеръ, вся эта масса песку становится подвижной и перебрасывается на новыя мѣста.

Дальше нашъ путь лежалъ по долинѣ р. Херсынъ, впадающей въ р. Богдоголъ, на которомъ стоитъ г. Улясутай. Долина р. Херсынъ сплошь усѣяна кочевками, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка входитъ въ узкую горную долину, на берегу

озера Кок-норъ, расположено русское торговое заведеніе Боброва, состоящее изъ жилого дома, кладовыхъ и надворныхъ построекъ. Послѣдній ночлегъ предъ Улясутаемъ ночевали въ долинѣ одного притока р. Херсынъ.

Горы здѣсь нѣсколько мѣняютъ свой характеръ. Контуры становятся болѣе рѣзкими, долины глубже и у́же. Очевидно здѣсь мы встрѣчаемся съ отрогами горной системы болѣе поздняго геологическаго происхожденія.

Сдѣлавъ небольшой перевалъ, мы спустились въ долину рѣки Дзагистай, праваго притока р. Богдоголъ. Широкая долина р. Дзагистая ограничивается крутыми скатами сосѣднихъ горъ и имѣетъ довольно большое паденіе. Рѣчка Дзагистай, принявъ въ одномъ мѣстѣ сразу два притока, получаетъ ширину около 3 саженъ, глубиною до колѣна лошади. По долинѣ Дзагистая мы встрѣтили большіе обозы, по преимуществу на быкахъ, запряженныхъ въ двуколесныя арбы. Обозы эти были нагружены дровами, которые доставляются въ Улясутай верстъ за 30—40, такъ какъ вблизи Улясутая лѣсу нѣтъ.

Какія бѣдныя и однообразныя картины встрѣчаетъ путешественникъ вообще въ Монгольской степи, а въ особенности, въ окрестностяхъ Улясутая. Голые камни вывѣтрившихся скалъ, лишь на самыхъ верхушкахъ покрытыя отдѣльными лиственницами, производятъ подавляюще-грустное впечатлѣніе, въ особенности, послѣ чудныхъ картинъ, богатой дарами природы долины В. Енисея.

При устьѣ долины Дзагистая расположенъ г. Улясутай. Сдѣлавъ въ этотъ день 30 верстъ, къ 2 часамъ дня мы прибыли въ городъ.

Отъ Енисея до Улясутая 450 верстъ колеснаго пути; мы прошли въ 18 сутокъ, въ томъ числѣ сдѣлали три полныхъ дневки и двѣ полудневки,—всего сдѣлали 14 переходовъ.

Такой форсированный маршъ былъ необходимъ, такъ какъ степи все чаще и чаще покрывались снѣгами, кочевники уходили далеко въ горы, на хребтахъ лежалъ уже глубокій

снѣгъ, температура къ утру падала до—10⁰. Все время приходилось быть въ шубахъ, а намъ предстоялъ еще большой переходъ отъ Улясутая до Иркутска. Суровая степная зима, при отсутствіи по пути кочевниковъ, мало улыбалась намъ. При низкой температурѣ и степныхъ ураганахъ походъ могъ очень осложниться, маршрутную съемку вести было очень трудно, тропы часто заваливались уже снѣгомъ. Зимовать же въ Улясутаѣ со всей экспедиціей не было смысла, да я и не имѣлъ права.

Въ Улясутаѣ. Городъ Улясутай расположенъ въ долинѣ рѣки Богдоголъ, при самомъ впаденіи въ нее р. Дзагистай. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: крѣпости (Сангинъ-хото) и собственно торговой слободы —(Маймачена).

Маймаченъ, или торговая слобода, состоитъ изъ сплошныхъ деревянныхъ построекъ китайскаго типа съ большими дворами, обнесенными тыномъ. Въ Улясутаѣ одна главная улица довольно длинная и нѣсколько второстепенныхъ переулковъ; въ каждомъ домѣ имѣется торговля и весь городъ представляетъ скорѣе рынокъ или ярмарку. Городъ очень оживляется постояннымъ пріѣздомъ массы монголовъ.

Улясутай является административнымъ, военнымъ и торговымъ китайскимъ центромъ Халхи. Я говорю китайскимъ потому, что, собственно для монголовъ Халхи, центромъ служитъ Богдо-курень (Урга), ибо тамъ живетъ самый главный религіозный авторитетъ ламаизма—Богдо-гыгенъ.

Китайскія торговыя фирмы имѣютъ въ Улясутаѣ свои дома и главные склады. Сюда доставляются товары изъ Куку-хото и уже отсюда отправляются въ разные концы Монголіи, въ китайскія торговыя факторіи. Китайскіе товары въ Улясутаѣ, по преимуществу, приспособлены къ условіямъ мѣстнаго рынка; главнѣйшіе товары: кирпичный чай, бумажныя матеріи (далимба), шелкъ и предметы домашней утвари монголовъ. Для русской торговли Улясутай служитъ тоже центромъ; сюда доставляются товары изъ Бійска чуйскимъ трактомъ и

Окрестности г. Улясутая (долина р. Богдо-голъ).

отсюда развозятся по хошунамъ Халхи. Въ сравненіи съ китайцами мы имѣемъ небольшой ввозъ. Бумажныя матеріи русскаго производства не выдерживаютъ конкуренціи, а тѣмъ болѣе шелковыя, чай вывозить мы не можемъ, а потому ввозъ нашъ ограничивается относительно небольшимъ количествомъ товаровъ*).

Въ городѣ есть отдѣленіе русско-китайскаго банка, состоящее изъ трехъ служащихъ: одного китайца и двухъ русскихъ. Банкъ занимается отчасти торговыми операціями, конкурируя съ русскими и китайцами. Продаетъ по преимуществу чай и серебро. Служащій въ банкѣ китаецъ, въ то же время ведетъ и свои торговыя операціи. Банкъ пробовалъ открыть свои филіальныя отдѣленія на р. Кемчикѣ въ Урянхайской землѣ. Но эта попытка свелась къ простой торговлѣ чаемъ черезъ китайскихъ приказчиковъ и почти не имѣла характера банковыхъ операцій. Банкъ даетъ ссуды 12% годовыхъ. Китайцы и русскіе прибѣгаютъ къ помощи банка только въ крайности. Для характеристики операцій этого учрежденія замѣчу, что за переводъ изъ Иркутска въ Улясутай 1000 рублей съ меня взяли 15 рублей.

Жилищемъ китайскихъ торговцевъ служитъ обыкновенно та-же лавка, въ которой ведется торговля; обыкновенно китайцы въ этой лавкѣ принимаютъ своихъ знакомыхъ, угощаютъ чаемъ и въ то же время ведутъ торговлю. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ для жилья отгорожена по сосѣдству отдѣльная комнатка. Торгующіе и всѣ служащіе китайцы своихъ семей не привозятъ въ Монголію. Нѣкоторые торгующіе живутъ здѣсь по много лѣтъ безъ выѣзда. Китайскаго населенія въ Улясутаѣ считаютъ около 1000 человѣкъ.

Среди китайцевъ, кромѣ торгующихъ и служащихъ въ Улясутаѣ, имѣется много ремесленниковъ.

Монголы въ Улясутаѣ не живутъ, но въ окрестностяхъ города много раскидано монгольскихъ юртъ. Пригородные

*) См. подробнѣе въ ст. о Монголіи.

монголы занимаются доставкою въ городъ дровъ, скота и, перевозкою грузовъ.

Жилище нашихъ купцовъ въ Улясутаѣ не затѣйливое: небольшая фанза шириною 2 сажени и длиною 3 сажени, раздѣлена внутри на три комнатки. Такое помѣщеніе, сдѣланное изъ тонкихъ досокъ, не защищаетъ отъ холода и при температурѣ на воздухѣ ниже нуля (5—10°) въ комнатѣ быстро устанавливается почти такая же температура. Устроенныя для отопленія желѣзныя печи нагрѣваютъ на короткое время комнату до высокой температуры и быстро остываютъ. Жить въ такомъ помѣщеніи не безопасно. Кухней русскіе пользуются по преимуществу китайской. Торгующіе обыкновенно нанимаютъ повара-китайца рублей за 7—8 въ мѣсяцъ. Его познанія въ кулинарномъ искусствѣ не велики: мелко нарубленная баранина подается на 10—15 отдѣльныхъ блюдечкахъ, каждое съ какою нибудь особою приправою. Вотъ и все меню нормальнаго обѣда.

Большинство русскихъ пріѣзжаютъ сюда только на лѣто; прибываютъ приблизительно въ началѣ мая и выѣзжаютъ въ концѣ октября. Нѣкоторые пріѣзжаютъ сюда съ семьями. На зиму въ Улясутаѣ изъ русскихъ остается только нѣсколько приказчиковъ. Русская торговля на зиму затихаетъ, а нѣкоторыми фирмами совершенно прекращается. Главный оборотъ нашей торговли падаетъ на пріобрѣтеніе и вывозъ изъ Монголіи шерсти. Въ послѣднее время вывозъ шерсти все увеличивается. Около Улясутая имѣются довольно большія шерстомойки.

По прибытіи въ Улясутай мы остановились у Г. Г. Бодунова, представителя крупной торговой кампаніи въ Монголіи и, на завтра, утромъ, сдѣлали визиты мѣстному торговому русскому старшинѣ, представителю русскихъ интересовъ въ Улясутайскомъ округѣ и нѣкоторымъ изъ купцовъ; попросили старшину предъявить наши документы китайскому правительству и передать визитныя карточки представи-

телямъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить, когда можетъ насъ принять Цзянъ-Цзюнь.

Онъ тотчасъ-же поѣхалъ въ крѣпость съ своимъ переводчикомъ, вернулся лишь поздно вечеромъ и разсказалъ о какихъ-то затрудненiяхъ по вопросу о желанiи представиться Цзянь-Цзюню.

По обычаю, мы должны были получить отъ всѣхъ властей, которымъ послали свои визитныя карточки, въ отвѣтъ ихъ визитныя карточки.

Поздно вечеромъ привезли визитную карточку русскаго дзургана, т. е. китайскаго чиновника, завѣдывающаго сношенiями съ русскими въ Улясутаѣ. Но отъ остальныхъ властей карточки не присылались.

Прошелъ слѣдующiй день—карточекъ не было. Можно было понять, что желали, чтобы мы представились только дзургану, но это было не желательно по многимъ причинамъ. Обыкновенно большинство путешественниковъ представляется Цзянь-Цзюню, а намъ это было даже необходимо. Такое положенiе начинало безпокоить. Нужно было выяснить причину. Пришлось навести разныя справки, при помощи одного торгующаго китайца, близко знакомаго съ Цзянь-Цзюнемъ и выяснить положенiе. Въ 2 часа дня, на третiй день прiѣзда, прибылъ къ намъ дзурганъ, привезъ обычные въ подобныхъ случаяхъ барана и муку и повелъ политику, съ цѣлью отговорить насъ отъ посѣщенiя Цзянь-Цзюня. Обмѣниваясь съ нимъ взаимными любезностями, пришлось настаивать о соблюденiи того порядка прiема въ Улясутаѣ, который обыкновенно въ этихъ случаяхъ существуетъ.

Видя безполезными всѣ старанiя, чиновникъ перемѣнилъ политику и, доставъ визитныя карточки всѣхъ властей, наговорилъ кучу любезностей, будто-бы посылаемыхъ черезъ него. Затѣмъ сказалъ, что Цзянь-Цзюнь очень желаетъ насъ видѣть, проситъ не стѣсняться временемъ и обычаями и руководствоваться европейскими порядками.

Если-бы мы поѣхали къ Цзянь-Цзюню не въ то время, которое онъ самъ назначилъ, то намъ могли бы сказать благовидный предлогъ, что его въ это время нѣтъ дома и что онъ не ожидалъ насъ, т. е. по просту Цзянь Цзюнь уклонился бы отъ визита. Поэтому, опять таки, пришлось настаивать, чтобы Цзянь-Цзюнь назначилъ точно часъ пріема, мотивируя нежеланіемъ нашимъ безпокоить его не во время.

Всѣ эти продолжительные разговоры окончились точнымъ назначеніемъ часа, въ который Цзянь-Цзюнь ждетъ насъ къ себѣ.

Послѣ ухода дзургана немедленно посланы были подарки: Цзянь-Цзюню, обоимъ амбанямъ (его помощникамъ) и дзургану.

На завтра, въ назначенный часъ, пославъ впередъ казака и китайца переводчика съ визитными карточками, въ сопровожденіи Н. А. Топоркова, г. Колотова, хорошо владѣющаго китайскимъ языкомъ, и казаковъ, мы отправились въ крѣпость.

Цзянь-Цзюнь, окруженный большою свитою, въ форменной курмѣ съ соотвѣтствующимъ его положенію мандаринскимъ темнокраснымъ шарикомъ на шапкѣ, встрѣтилъ насъ на дворѣ и, осыпавъ любезностями, провелъ въ гостинную, обставленную частію по европейски, частію по китайски.

Пріемъ наружно былъ самый радушный. Въ оживленной бесѣдѣ мы просидѣли у него сколько слѣдовало для визита и, затѣмъ, распрощавшись очень радушно, отправились къ его старшему помощнику Амбань-манджуръ или какъ его еще называютъ Да-женъ. Онъ точно также встрѣтилъ насъ на дворѣ и ввелъ въ такую же полуевропейскую, полукитайскую гостинную. Точно также и этотъ пріемъ какъ и всѣ послѣдующіе у другихъ чиновниковъ, были очень радушны.

Самое сложное въ этихъ пріемахъ: необходимость отвѣчать на любезности и лесть, подобнымъ же, но по возможности высшаго достоинства.

На завтра послѣдовали отвѣтные визиты. При чемъ выяснилось, что по китайскимъ обычаямъ Цзянь-Цзюнь, какъ лицо по своему чину и положенію выше меня стоящее, будто-бы не можетъ сдѣлать отвѣтнаго визита, но прислалъ въ знакъ особаго уваженія чиновника (русскаго дзургана) въ мое распоряженіе на все время моего пребыванія въ Улясутаѣ. По отзыву старшины, такой чести не удостаивается даже и ургинскій консулъ во время его пребыванія въ Улясутаѣ.

Помощникъ Цзянь-Цзюня и всѣ остальные чиновники сдѣлали намъ визитъ.

При пріемѣ старшаго помощника Цзянь-Цзюня, Да-жена, удалось стать съ нимъ настолько въ хорошія отношенія, что онъ тутъ-же передалъ мнѣ свою фотографію съ сердечною надписью, а потомъ прислалъ еще и фотографію своей семьи, прося меня прислать ему изъ Россіи фотографіи мою и моей семьи, въ знакъ нашей дружбы. Въ бесѣдѣ съ этимъ мандариномъ выяснились всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя предшествовали нашему визиту въ крѣпость. Оказалось, что нѣсколько торгующихъ китайцевъ, живущихъ въ Маймачинѣ Улясутая, старались настроить Цзянь-Цзюня и остальныхъ мандариновъ противъ насъ.

Одного изъ этихъ китайцевъ, наиболѣе вліятельныхъ, Да-Женъ тутъ же у насъ потребовалъ къ себѣ и сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ дурно говорилъ про насъ имъ, при чемъ сейчасъ же объяснилъ, что теперь онъ этому не вѣритъ и что мы съ этого времени будемъ большими друзьями.

22-го сентября (по китайски 15-го числа второго осенняго мѣсяца) у китайцевъ былъ осенній праздникъ. Въ этотъ день раннимъ утромъ они дарили другъ другу и своимъ знакомымъ русскимъ—плоды и печенье, завернутые въ особыя картинки съ изображеніемъ зайца и идоловъ. Въ 12 часовъ дня Цзянь-Цзюнь былъ въ храмѣ и собиралъ туда всѣхъ китайцевъ; совершалось богослуженіе. Въ 2 часа, тремя выстрѣла-

ми изъ крѣпости, было возвѣщено начало спектакля. Спектакль устраивался на открытой сценѣ въ главной улицѣ Улясутая. Представленіе состояло изъ нѣсколькихъ феерій, имѣющихъ сюжетомъ былины изъ древней жизни Китая. Актерами были только мужчины.

Декораціи были для нѣсколькихъ піесъ одни и тѣ-же, обстановка самая примитивная. Представленія феерiи сопровождались разными пиротехническими эффектами, въ видѣ пылающихъ костровъ, фантастическихъ огней, тучи, скрывающей волшебниковъ и прочее. Костюмы и гримировка были тоже самые незатѣйливые. Большинство актеровъ приклеивали длинные черные бороды и усы. На сцену появлялись волшебники, борющіеся съ разными злыми людьми и духами и т. д.

Во время представленія игралъ оркестръ китайцевъ, среди которыхъ, какъ любитель, былъ сынъ Цзянь-Цзюня. Оригинальные звуки китайской музыки, казалось, могли только разстроить нервы; звуки скрипки, смѣшивались со страшно-шумными ударами тарелокъ и бубновъ, какой нибудь мелодіи трудно было уловить.

На представленіи присутствовалъ Цзянь-Цзюнь со всѣми чиновниками и 3 живущія въ Улясутаѣ китайскія дамы: жена Цзянь-Цзюня и двѣ жены Да-жена. Представленіе затянулось до поздняго вечера. Цзянь-Цзюнь и Да-женъ уѣхали съ своими дамами рано.

Вечеромъ въ каждомъ дворѣ у китайцевъ были выставлены плоды: арбузы, дыни, яблоки; передъ плодами висѣли тѣ-же картинки съ изображеніемъ зайца и идоловъ, а на столѣ, по сторонамъ плодовъ, свѣчи. Часовъ въ 7—8 началась иллюминація города. Улицы были освѣщены цвѣтными фонарями, а изъ каждаго двора городъ освѣщался разнообразными ракетами.

Вечеромъ въ зданіи биржи былъ общій обѣдъ всѣхъ торгующихъ китайцевъ. Мы получили на этотъ обѣдъ нѣсколь-

ко приглашеній, но такъ какъ тамъ не было представителей власти: ни Цзянь-Цзюня, ни Да-жена, ни Амбаня, ни дзургановъ, а съ торгующими китайцами оффиціально мы не обмѣнивались визитами, то на обѣдъ мы не пошли.

Праздникъ продолжался три дня. Во всѣ эти дни происходили представленія въ театрѣ, иллюминація и фейерверки. Во всѣ три дня главный улясутайскій храмъ былъ открытъ, въ немъ постоянно приносились жертвы; но китайцевъ въ храмѣ бывало мало.

Второй день праздника пришелся какъ разъ въ день затмѣнія луны. Простые торговцы китайцы убѣждены, что луну долженъ проглотить заяцъ, и необходимо его испугать, тогда заяцъ отпуститъ луну. Съ этою цѣлью во все время, отъ начала затмѣнія до конца, въ каждомъ домѣ, китайцы били въ тазы, мѣдныя тарелки, въ барабаны, стрѣляли, и подняли такой страшный шумъ, что можно было слышать его за нѣсколько верстъ. Я наблюдалъ затмѣніе универсальнымъ инструментомъ и нѣкоторымъ любопытствующимъ китайцамъ объяснялъ причины и значеніе затмѣнія луны, что вызвало у торговцевъ-китайцевъ большой интересъ.

Покончивъ необходимыя работы, мы обратились къ Цзянь-Цзюню, черезъ нашего старшину, съ просьбою снабдить проводникомъ и помочь нанять верблюдовъ до оз. Косогола. Къ сожалѣнію, никто изъ монголовъ и китайцевъ не зналъ дороги на Косоголъ. Путь до Косогола казался имъ настолько труднымъ и длиннымъ, что долгое время не могли найти желающихъ наняться везти наши вьюки на верблюдахъ. Наконецъ, только черезъ два дня, по настоянію старшаго помощника Цзянь-Цзюня,—Да-жена, одинъ монголъ согласился, да и то кажется не безъ принужденія, ѣхать съ нами.

Утромъ, въ день отъѣзда, мы получили визитныя карточки Цзянь-Цзюня, Да-жена и прочихъ чиновниковъ съ пожеланіемъ счастливаго пути, при чемъ Цзянь-Цзюнь и Да женъ прислали съ карточками своихъ чиновниковъ въ па-

радной формѣ. Мы имъ отправили свои визитныя карточки.

...въ Улясутая ...о Косогола.

27 сентября въ 11 часовъ утра, караванъ нашъ, сопровождаемый всей русской колоніей, китайскимъ чиновникомъ (дзургановъ), переводчиками, вышелъ изъ Улясутая вверхъ по долинѣ Дзагистая.

Пройдя верстъ 18, мы сдѣлали привалъ и сердечно простились съ гостепріимными русскими улясутайскими обывателями.

Поздняя осень уже наступила въ Монголіи: рѣчки покрылись льдомъ, кругомъ лежалъ снѣгъ, монгольскія юрты лѣпились около скалъ, среди ущелій. То и дѣло встрѣчались большіе обозы на быкахъ, запряженныхъ въ двухколесныя арбы: везли дрова или шерсть въ Улясутай. Спустившись въ систему р. Эдринъ-гола, мы пошли по долинамъ рѣкъ Загустай и Убуръ-Худжиртъ. Эти рѣки въ своихъ верховьяхъ имѣютъ воду, а затѣмъ ниже вода изчезаетъ. Корму совершенно не было, воду находили лишь въ колодцахъ. Черезъ 2 дня вышли къ самой рѣкѣ Эдринъ-голъ. Здѣсь догналъ насъ проводникъ, назначенный намъ Цзянь-Цзюнемъ. Проводникъ дороги на Косоголъ не зналъ, но былъ снабженъ открытымъ предписаніемъ, которымъ, именемъ Цзянь-Цзюня, приказывалось всѣмъ монгольскимъ властямъ оказывать экспедиціи содѣйствіе, давать проводниковъ и прочее. Расторопный, энергичный проводникъ все время скакалъ въ разныя стороны отъ главнаго направленія, то подготовляя ночлеги, то доставляя проводниковъ и не смотря на мои строгія приказанія не эксплоатировать населеніе, собралъ вокругъ насъ цѣлый штатъ монголовъ. Конечно приходилось всѣхъ ихъ кормить, дарить имъ разныя вещи, но они помогли намъ пройти по направленію до сихъ поръ не пройденному европейскими путешественниками и кратчайшему между Улясутаемъ и Косоголомъ.

Въ долинѣ р. Эдринъ-голъ встрѣчалось много кочевій, Степная долина имѣетъ обширныя пастбища.

Въ верховьяхъ рѣки Эдринъ-голъ имѣется крупный ламайскій монастырь, въ которомъ живетъ почитаемый святой (гыгенъ). Къ сожалѣнію намъ не удалось заѣхать въ этотъ монастырь, такъ какъ онъ былъ далеко въ сторонѣ отъ нашего пути.

Р. Эдринъ-голъ вытекаетъ изъ горной группы, въ которой беретъ начало и р. Богдо-голъ. Горы имѣютъ довольно рѣзкіе контуры и по разсказамъ монголовъ, на нѣкоторыхъ вершинахъ имѣются вѣчные снѣга. Правый берегъ долины р. Эдринъ-голъ ограничивается довольно крупнымъ горнымъ хребтомъ, сѣверный склонъ котораго покрытъ лѣсомъ. Лѣвый берегъ долины представляетъ пологіе скаты хребта, составляющаго водораздѣлъ между системами р.р. Тесь и Эдринъ-голъ. Южные склоны этого водораздѣла открыты и лѣсная растительность встрѣчается очень рѣдко небольшими оазисами. Вдоль по лѣвому берегу р. Эдринъ-голъ идетъ колесная дорога на Ургу. Здѣсь-же имѣется казенный почтовый трактъ со станціями (урте) такого-же типа, какъ и отъ Танну-ола къ Улясутаю:

Пройдя по долинѣ р. Эдринъ-голъ около 40 верстъ, мы отъ оз. Цаганъ-Тологой стали подниматься по южнымъ склонамъ водораздѣльнаго хребта между системами р.р. Тесинъ-голъ и Эдринъ-голъ. Водораздѣльный хребетъ, направляясь съ юго-востока на сѣверо-западъ, отпускаетъ къ югу, къ рѣкѣ Эдринъ голъ, небольшіе отроги съ узкими и глубокими долинами, по которымъ когда-то протекали рѣчки, лѣвые притоки Эдринъ-гола, нынѣ не только всѣ высохшія, но даже и русло ихъ сравнялось съ долиною и поросло растительнымъ покровомъ. Въ долинахъ южнаго склона водораздѣла часто встрѣчаются монгольскіе „али“ (аулы). Но здѣсь большой недостатокъ воды. Жители пользуются колодцами и ключами, а потому намъ приходилось соразмѣрять наши переходы съ ними, проходя иногда, безъ остановокъ 5—7 часовъ до полудневнаго большого привала или позднею ночью при-

ходить на ночлегъ. Кормъ почти вездѣ былъ хорошій, верблюды и лошади шли хорошо и мы подвигались впередъ большими переходами.

Изъ одного кочевья къ намъ присоединилось еще нѣсколько монголовъ, ѣхавшихъ на хатхульскій караулъ къ оз. Косоголу. Такимъ образомъ мы ѣхали въ сопровожденіи порядочной группы монголовъ. Сопровождавшіе насъ монголы были очень услужливые, разсторопные, трудолюбивые и очень любопытные; постоянно распрашивали про Россію, про русскій народъ, но при вопросахъ объ ихъ народѣ, бытѣ и въ особенности объ отношеніяхъ къ китайцамъ,—они обыкновенно уклонялись отъ отвѣтовъ и только черезъ нѣсколько дней общенія съ ними мы пріобрѣли довѣріе ихъ и тогда они стали охотно разсказывать все что ихъ спрашивали. Два монгола ѣхали на хатхульскій караулъ, за 400 верстъ отъ своего кочевья, только для того, чтобы у родственниковъ занять денегъ для уплаты податей. Насколько откровенно было ихъ мнѣніе объ отношеніи монголовъ къ русскимъ сказать, конечно, трудно; но судя по той готовности, съ которою они оказывали намъ мелкія услуги, съ какою гордостью они указывали встрѣчавшимся монголамъ, что они сопровождаютъ русскаго нойона, а также, судя по тому, что во всѣхъ попутныхъ кочевьяхъ насъ встрѣчали съ большимъ радушіемъ и окружали особымъ вниманіемъ и почтеніемъ,—можно допустить, что русское имя въ этой части Монголіи пользуется хорошей репутаціей. Къ нашимъ русскимъ торгующимъ они относятся повидимому очень хорошо. Всякаго торгующаго встрѣчаютъ какъ добраго знакомаго. Приглашаютъ къ себѣ, стараются угостить, конечно, съ намѣреніемъ что нибудь по пути продать или вообще войти въ торговую сдѣлку. Но нужно имѣть въ виду, что при попыткахъ что-нибудь купить у монголовъ требуется большая осторожность, чтобы не переплатить за барана или лошадь въ трое –въ четверо.

Перейдя въ самыхъ верховьяхъ р. Деби-шумылты, лѣвый притокъ р. Эдринъ-голъ, мы стали подниматься на перевалъ черезъ водораздѣлъ и спустились въ долину р. Сагаты.

Перевалъ къ р. Теси потребовалъ суточнаго перехода, самый подъемъ на хребетъ крутой, но вполнѣ удобный и возможный для колесной ѣзды, спускъ къ рѣкѣ Теси пологій и длинный, покрытъ лѣсомъ по преимуществу лиственницей, долины притоковъ широкія и удобныя для пастбищъ. Изъ долины Сагаты мы перешли въ долину Халсытай-адыкъ и спустились къ Теси.

Долина Теси въ этомъ мѣстѣ шириною около 5—8 вер., представляетъ обширную степь, съ юга ограниченную лѣсомъ. Рѣка шириною до 3 саженъ, глубиною по колѣно лошади. 5-го октября рѣка была покрыта льдомъ.

Рѣка Тесь беретъ начало въ горномъ узлѣ, довольно высоко поднимающемся надъ уровнемъ моря. Отъ этого горнаго узла нами замѣчено два отрога: одинъ направляется на сѣверо-западъ (водораздѣлъ между р. Тесь и Эдринъ-голъ), другой почти на сѣверъ и служитъ водораздѣломъ между системой р. Теси и Тельгиръ-муринъ. Оба хребта поднимаются очень не высоко надъ окружающею равниною. Въ долинѣ Теси имѣется двѣ русскія торговыя факторіи.

Отъ долины Теси поднялись снова на степное плоскогоріе, прошли мимо двухъ небольшихъ ручьевъ, и спустились къ озеру Тунемуль. Озеро Тунемуль лежитъ у подножія крутыхъ горъ, покрытыхъ по сѣверному склону лиственницей. Озеро шириною отъ 1—4 верстъ и длиною до 10 верстъ, имѣетъ хорошую воду, кругомъ хорошіе луга и близко лѣсъ, по завѣренію монголовъ оно довольно богато рыбою. Окрестности озера оживлены монгольскими кочевьями и стадами.

Отъ озера Тунемуль шли по плоскогорію, изрѣдка всхолмленному, мимо озеръ Хошунъ-норъ и Шаргынъ-норъ, перешли въ самыхъ верховьяхъ рѣку Шаргынъ,—притокъ рѣки

Тельгиръ-муринъ и стали спускаться по узкому ущелью къ самой р. Тельгиръ-муринъ.

Рѣка Тельгиръ-муринъ глубоко пробила себѣ узкую долину въ обширномъ монгольскомъ плоскогоріи и течетъ среди скалистыхъ береговъ, почти въ ущельи. Она шириною въ 10 саженъ, глубиною до брюха лошади, имѣетъ теченіе спокойное. Когда мы ее переходили она уже покрывалась льдомъ, но мы перешли ее вбродъ. По берегу рѣки рѣдко встрѣчаются мелкіе кусты, но общій видъ долины пустынный и мрачный. Весною глубина рѣки значительная и рѣка вбродъ не переходима. Тогда монголы устраиваютъ переправу на маленькихъ челнахъ.

Около р. Тельгиръ-муринъ встрѣтили довольно большой обозъ на монгольскихъ арбахъ, запряженныхъ быками. Монголы везли шерсть и чай русскимъ торгующимъ въ Улясутай. Изъ долины поднялись очень узкимъ ущельемъ на плоскогоріе, которое было очень оживлено монгольскими кочевьями, съ многочисленными стадами лошадей и рогатаго скота Пройдя верховьемъ р. Бороголъ, мы стали подниматься на перевалъ и здѣсь встрѣтили интересную группу отдѣльныхъ камней, раскинутыхъ на площади, шириною верстъ 5 и длиною верстъ 15—20. Эти отдѣльные скалы-камни высотою до 2—3 саженъ, при основаніи въ нѣсколько десятковъ саженъ, состояли изъ вывѣтрившихся горныхъ породъ и имѣли разныя формы: отдѣльныхъ колоннъ, довольно разнообразныхъ столбовъ и пирамидъ. Всѣ они представляютъ собою рядъ, протянувшійся въ направленіи съ юга на сѣверъ и, по всей вѣроятности остатокъ отъ какого-то хребта; подъ вліяніемъ дѣятельности атмосферныхъ осадковъ, а главное сильныхъ вѣтровъ,—вывѣтриваются. Къ нашему сожалѣнію снимки этихъ камней-скалъ у насъ не удались. Перейдя эту гряду камней (или какъ монголы называютъ „каменный табунъ“), мы спустились съ перевала „каменный табунъ“, перешли два небольшихъ ручья, притоки р. Тельгиръ-муринъ и,

8-го октября, вышли къ соленому озеру Эрхиль-норъ, длиною около 5 верстъ и шириною въ полторы версты. Въ это озеро впадаетъ нѣсколько прѣсныхъ ручьевъ, около которыхъ гнѣздится рядъ монгольскихъ кочевій. На озеро Эрхиль-норъ пріѣзжаютъ окрестные монголы за солью и худжиромъ, иногда верстъ за 40—50. Нѣкоторые, болѣе зажиточные, употребляютъ для перевозки двухколесныя арбы и перевозятъ кладь на быкахъ. Окрестности озера Эрхиль-норъ степныя.

Въ степяхъ между р. Тельгиръ-муринъ и оз. Эрхиль-норъ мы встрѣтили однажды очень большое стадо дзереновъ (головъ 100); при нашемъ появленіи они быстро разбились на нѣсколько группъ. Попытка наша добыть дзерена не удалась. Монголы разсказываютъ, что они охотятся за дзеренами загонами. Охотники располагаются гдѣ нибудь въ узкой долинѣ, а загонщики на лошадяхъ за нѣсколько верстъ объѣзжаютъ ихъ и гонятъ въ эту долину. Только такой способъ даетъ наилучшіе результаты охоты, а единичнымъ охотникамъ рѣдко удается убить дзерена, такъ какъ животное это крайне чуткое и осторожное.

Пространство отъ р. Эдринъ-голъ, мимо верховьевъ Тесинъ-голъ, оз. Тунемулъ, рѣки Тельгиръ-муринъ и оз. Эрхиль-норъ—очень густо населено монголами. Здѣсь кочуютъ нѣсколько хошуновъ: въ долинѣ Эдринъ-гола: хошуны Амбань-беля и Батеръ-гуна, по водораздѣлу къ Тесинъ-голу и ея верховьевъ до оз. Туне-муль: хошуны Апше-гуна и Давана, по нижнему теченію р. Теси—хошунъ Ванъ-гуна, а по системѣ р. Тельгиръ-муринъ—хошунъ На-гуна. Изъ всѣхъ этихъ хошуновъ наиболѣе населенные только Ванъ-гуна (одинъ изъ богатѣйшихъ хошуновъ Халхи) и Амбань-беля. Вся эта часть Сѣверной Монголіи очень богата пастбищами, но имѣетъ очень мало воды. При большой абсолютной высотѣ надъ уровнемъ моря, едва-ли удобна для какой-нибудь культуры, кромѣ скотоводства.

Уже съ водораздѣльнаго Тесинъ-гольскаго хребта намъ открылся на горизонтѣ хребетъ Танну-ола со своими мощными бѣлоснѣжными вершинами, а чѣмъ больше мы подходили къ оз. Эрхиль-норъ, тѣмъ ближе обозначался хребетъ Танну-ола и самое озеро Эрхиль-норъ--находится почти въ предгорьяхъ его.

Послѣ ночлега на Эрхиль-норъ мы спустились въ систему р. Иги и пройдя внизъ по этой системѣ верстъ 15, прибыли въ Хатхульскій караулъ.

Глубокій снѣгъ уже покрывалъ землю, температура иногда падала до—15° и рѣдко держалась въ 2—3°. Тропу изъ подъ снѣга едва было замѣтно. Монголы, служащіе на Хатхульскомъ караулѣ, въ числѣ 40 человѣкъ мужчинъ, живутъ съ семьями, имѣютъ много скота и въ это время всѣ были уже на зимовкахъ. Насъ провели къ старшему на караулѣ, который носитъ бѣлый шарикъ „кунды" и называется „дзангиномъ".

Здѣсь намъ предстояло еще разъ, уже въ послѣдній, переформировать нашъ караванъ. Верблюдовъ мы должны были отпустить, а нанять вьючныхъ лошадей.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и споровъ, съ большимъ трудомъ мы наняли 4 вьючныхъ лошади и двинулись дальше къ озеру Косоголу. Дальнѣйшій нашъ маршрутъ совпадалъ съ маршрутомъ Саянской экспедиціи Н. П. Бобыря и мы только мѣстами, гдѣ считали нужнымъ уклонялись отъ него, чтобы осмотрѣть удобные обходы трудныхъ мѣстъ. Озеро Косоголъ или, какъ его называютъ монголы, Далай-Хабсугулъ (море) лежитъ на 5 т. фут. выше уровня моря, окружено съ западнаго берега величественною системою Дархатскихъ горъ, круто спускающихся къ уровню воды. Восточный берегъ окруженъ горами болѣе мягкихъ линій съ округленными формами и образуетъ широкіе и длинные заливы. Дорога идетъ то возлѣ самого озера, то переваливаетъ черезъ отроги горъ, и пересѣкаетъ 10 рѣчекъ. Горы покрыты лиственницей, березою и, изрѣдка, попадаются сосны.

Ламайскій монастырь.

Монгольское кочевье зимою близь озера Туне-мулъ

Самое озеро протянулось съ сѣвера на югъ почти на 200 верстъ, шириною нѣсколько верстъ, имѣетъ очень чистую прѣсную воду, говорятъ отличается большою глубиной, очень бурное. По срединѣ озера имѣется оригинальный островъ-скала. Въ то-же лѣто, какъ мы проходили черезъ Монголію,—на это озеро пріѣзжала спеціальная экспедиція для его изученія. По восточному берегу оз. Косогола кочуютъ урянхи, а по западному—Дархатскіе монголы.

14-го октября поздно вечеромъ мы перевалили черезъ пограничный хребетъ, окончивъ 2339 верстный походъ со вьюками верхомъ и благополучно прибыли въ дорогую намъ родину.

ОБЛАСТЬ САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СИСТЕМЫ.

Изъ всѣхъ горныхъ странъ,—Саянская горная система до сихъ поръ была менѣе всѣхъ счастлива по числу изслѣдованій.

Систематическаго изслѣдованія ея, собственно, еще не было. Нѣсколько частныхъ развѣдокъ исчерпываютъ весь матеріалъ объ этой интересной странѣ.

Впрочемъ, нѣкоторыми высказываются взгляды ,что страна эта вообще не заслуживаетъ вниманія изслѣдователей? Такой взглядъ нельзя не признать страннымъ....

Русская наука такъ много сдѣлала для географіи Азіи; русскіе изслѣдователи заходили въ самую глубь азіатскаго материка, и въ то же время у себя, въ Россіи, обширная горная система остается малоизслѣдованной, если не сказать болѣе.

Въ цѣль нашего путешествія точно также не входило исключительное изученіе Саянъ. Но, несмотря на трудность путешествія, намъ удалось пройти довольно значительную часть вѣковой тайги, покрывающей Саяны. Кромѣ того, въ 1902 году я сдѣлалъ экскурсію въ восточной части Саянъ.

Позволю себѣ подѣлиться общими развѣдочными свѣдѣніями.

Граница. Именемъ Саянской горной системы можно назвать пространство, ограниченное: на западѣ—рѣкою Енисеемъ, приблизительно отъ верховья до г. Красноярска, на сѣверѣ и востокѣ—линіей по направленію желѣзной дороги до города Иркутска и на югѣ долинами р. В. Енисея и рѣки Иркута.

Орографія.

Въ этихъ предѣлахъ, горную систему Саянъ можно подраздѣлить на четыре части: сѣверныхъ, западныхъ, восточныхъ склоновъ и южнаго отрога Саянъ

Главный горный узелъ системы, надо полагать, достигаетъ 8—9 т. фут. надъ уровнемъ моря и находится приблизительно подъ 54° сѣв. широты и 96° восточной долготы. Онъ никѣмъ еще посѣщенъ не былъ и совершенно не изслѣдованъ. Посѣтить главный узелъ системы и намъ не удалось.

Хотя нашъ маршрутъ довольно близко подходилъ къ этой узловой области Саянъ, но крайне неблагопріятная погода, закрывавшая горы туманомъ и облаками въ продолженіи 40 дней, не позволила намъ сдѣлать достаточнаго числа наблюденій и лишь съ нѣсколькихъ вершинъ сѣверныхъ Саянъ намъ удалось замѣтить, что на горизонтѣ обрисовывались мощные куполы главнаго узла, изъ которыхъ особенно рѣзко обозначались три отдѣльныя вершины, высоко поднимавшіяся надъ окружающей горной страной.

Отъ этого горнаго узла отправляются нѣсколько большихъ массивовъ, образующихъ основные Саянскіе хребты:

Сѣверный склонъ, направляясь почти меридіанально съ небольшимъ уклономъ на сѣверо-западъ, служитъ водораздѣломъ системъ значительныхъ притоковъ р. Енисея: Кана и Кизира.

Вліяніе атмосферы и времени на этотъ хребетъ сказалось въ сильной степени. Онъ не представляетъ собою рѣзко очерченнаго цѣльнаго прямолинейнаго хребта съ глубокими и узкими долинами и отдѣльными пиками вершинъ водораздѣла, какъ напримѣръ хребтъ въ системѣ Алтая. Контуры сгладились. Самый водораздѣлъ представляетъ почти плоскогоріе, съ обширными котловинами, наполненными группами озеръ, служащими истоками водныхъ системъ рѣкъ Кана, Кизира и Маны. Надъ этими котловинами безсистемно разбросаны округлыя вершины, въ большинствѣ имѣющія одинаковый типъ.

Многочисленные отроги, имѣя округленныя вершины, образуютъ довольно широкія рѣчныя долины.

Судя по нашимъ наблюденіямъ, средняя высота сѣвернаго хребта достигаетъ 3600 фут. надъ уровнемъ моря, наивысшія точки до 5660 фут. Предѣлъ лѣсной растительности до 4607 фут.

Водораздѣльная линія не поднимается высоко надъ дномъ долинъ; напримѣръ, высота водораздѣльной линіи хребта надъ верхней долиною р. Маны почти по прямой линіи, приблизительно въ 2000 фут. (перевалъ Б. Кулежа 5450 фут. выше уровня моря, а долина рѣки Маны у устья Сенажеги 3394 ф.).

Протяженіе спуска отъ вершины водораздѣла до рѣки Маны около 25 верстъ, слѣдовательно на версту подъема—80 фут.

Западный склонъ Саянъ направляясь отъ горнаго узла на западъ составляется изъ двухъ хребтовъ: св. Иннокентія (или фигурчатый), служащій водораздѣломъ рѣкъ Кизира и Казыра и юго-западнаго—водораздѣлъ Верхняго Енисея (Бей-кемъ) и Казыра.

Хребетъ св. Иннокентія носитъ на себѣ меньше слѣдовъ атмосфернаго вліянія, чѣмъ сѣверный хребетъ. Его сѣверный склонъ очень крутой, прямолинейный съ рѣзкообозначенными контурами и съ глубокими узкими долинами, а южный болѣе отлогій. Подъемъ на сѣверный склонъ хребта св. Иннокентія отъ р. Кизира занимаетъ всего 15 верстъ. Высота перевала 5246 ф. выше уровня моря, а берегъ р. Кизира 2126 фут. надъ уровнемъ моря, слѣдовательно сѣверный склонъ на 15 верстъ разстоянія поднимается надъ долиной Кизира на 3120 фут. и на каждую версту, почти по прямому направленію, подъема 208 фут. Постепенно понижаясь хребетъ простирается на западъ приблизительно на 250 верстъ.

Перевалъ, по которому мы его пересѣкали безъ лѣса, лежитъ между двумя крупными рѣзкоочерченными вершинами.

Вблизи этого перевала возвышается отдѣльная вершина; она по своей высотѣ далеко превосходитъ всѣ прочія и вѣ-

роятно достигаетъ не менѣе 7 т. фут. надъ уровнемъ моря.

Хребетъ св. Иннокентія открываетъ мало проходовъ и вообще трудно переходимъ. Отроги его коротки и только изрѣдка переходятъ по высотѣ предѣлъ лѣсной растительности. Сѣверный склонъ, покрытъ сплошь почти до водораздѣла, глухою, хвойною тайгой, а на южномъ склонѣ открываются широкія долины съ обширными алпійскими лугами, которые мѣстами растянулись на нѣсколько десятковъ верстъ, вдоль по южному склону хребта. Флора луговъ даетъ мощный ростъ, нерѣдко достигающій до сѣдла всадника. Ниже пояса луговъ вновь начинается хвойная тайга и доходитъ до рѣки Казыра.

Юго-западный хребетъ менѣе всего изслѣдованъ или вѣрнѣе почти никѣмъ не изслѣдованъ.

Онъ имѣетъ общее направленіе на западъ съ постояннымъ уклономъ на юго-западъ, а въ частности, изъ разсказовъ урянховъ, его направленіе обозначается такъ: отъ верховьевъ р. Амыла, къ узлу,—онъ направляется на сѣверъ, верстъ 80, до вершины р. Систикемъ; отсюда поворачиваетъ на востокъ до верховьевъ р. Казыра, около 180 верстъ, затѣмъ немного уклоняется къ югу и снова дѣлаетъ поворотъ на сѣверъ, къ главному узлу. Представляя собою обширный массивъ, шириною около 100 верстъ и протяженіемъ свыше 300 верстъ, онъ, очевидно, имѣетъ нѣсколько второстепенныхъ узловъ со значительными отрогами, образующими водораздѣлы: на югѣ, между правыми притоками верховьевъ Енисея (Бей-Кемъ), а на сѣверѣ между притоками Казыра, Амыла, Уса, Казыръ-сука и другихъ. Горныхъ узловъ и наиболѣе крупныхъ вершинъ Юго-Западнаго хребта намъ посѣтить не удалось и потому, даже приблизительно, нельзя судить о средней высотѣ этого склона Саянъ.

Сѣверный скатъ хребта покрытъ глухою, дѣвственною тайгой, состоитъ изъ ряда параллельныхъ отроговъ, малодоступный; съ глубокими и узкими долинами.

Южный скатъ, постепенно спускаясь къ долинѣ Верхняго Енисея (Бей-кема и Улу-кема), въ предѣлахъ Урянхайской земли, менѣе дикiй, чѣмъ сѣверный (къ долинѣ Казыра). Онъ образуетъ, среди крупныхъ отроговъ, рядъ широкихъ степныхъ долинъ: Систикема, Себи, Ута, Оджи, Уюка и другихъ. Паденіе южнаго склона можно обозначить двумя измѣреніями: перевалъ въ вершинахъ Алгіяка (правый притокъ Систикема) около 4070 ф. выше уровня моря, а устье Систикема 2800 фут. Если принять во вниманіе, что отъ перевала Алгіяка до В. Енисея по Систикему около 100 вер., то паденіе южнаго ската выразится всего въ 1200 фут., слѣдовательно, на версту паденія, приблизительно, приходится всего около 12 футовъ.

Долины правыхъ притоковъ Верхняго Енисея покрыты, по преимуществу, сосною и лиственницею. Хребты покрыты кедромъ. Самый-же водораздѣлъ юго-западнаго хребта, по всей линіи превышаетъ предѣлъ лѣсной растительности и представляетъ голыя вершины, покрытыя часто тундровымъ мхомъ. Между предѣломъ тундровой растительности и кедровою тайгой часто открываются большіе луга. Въ области луговъ встрѣчается много озеръ, служащихъ истоками рѣкъ.

Восточный склонъ Саянской системы, направляясь отъ главнаго горнаго узла на юго-востокъ, по своему типу, ближе подходитъ къ сѣверному склону Саянъ.

Горный массивъ шириною до 300 верстъ, часто превышающій предѣлы лѣсной растительности, служитъ водораздѣломъ Верхняго Енисея и р. Ангары. Отъ горнаго узла онъ, по разсказамъ, направляется прямо на югъ до перевала Сарыкъ-артъ-ова или Тингизъ-ова и протягивается въ этомъ направленіи верстъ на 150. Онъ отпускаетъ на сѣверо-востокъ рядъ крупныхъ отроговъ, съ глубокими и узкими долинами. Эти отроги служатъ водораздѣлами лѣвыхъ притоковъ р. Ангары,—какъ-то: р.р. Уды, Бирюсы, Оки, Китоя и Иркута. На юго-западъ хребетъ, повидимому, отпускаетъ

менѣе крупные отроги, которые, постепенно понижаясь, обращаются въ степное плоскогоріе Верхняго Енисея.

Средняя высота надъ уровнемъ моря той части, которая мною была пройдена въ 1902 году, приблизительно, 3318 ф., наивысшая точка 7000 фут., предѣлъ лѣсной растительности 5900 фут. и низшая точка 1560 футовъ.

Паденіе сѣверо-восточнаго склона можно обозначить, приблизительно, слѣдующими данными: вершина р. Ханъ, правый притокъ Уды, около 7000 ф. выше уровня моря и городъ Нижнеудинскъ, на берегу р. Уды, 1348 футъ; разстояніе приблизительно 250 в., на версту около 23 футовъ.

Водораздѣлъ, по всей линіи, переходитъ предѣлъ лѣсной растительности, покрытъ мѣстами, также какъ и на сѣверномъ склонѣ, мхами и полярными кустарниками, по скату-же на сѣверо-востокъ—раскинулась кедровая тайга, открывающая, лишь мѣстами, луговыя долины. Вообще, по сравненію съ сѣвернымъ и западнымъ склономъ—восточный склонъ менѣе дикій и неприступный.

Въ южной части Саянъ извѣстна крупнѣйшая вершина съ обширнымъ ледникомъ—это Мунко-сардыкъ. Отъ этого узла отдѣляется на сѣверо-западъ довольно мощный отрогъ *южныхъ Саянъ*, составляющій водораздѣлъ между р. В. Енисей (Бей-кемъ) и его притокомъ М. Енисеемъ (Ха-кемомъ). Въ значительной части своего протяженія, вершины его переходятъ предѣлъ лѣсной растительности и особенно выдѣляются семь отдѣльныхъ мощныхъ вершинъ, рѣзкообозначенныхъ на горизонтѣ, называемыхъ Джита Сиби, вблизи д. Себи, на В. Енисеѣ. Хребетъ этотъ тѣсно сжимаетъ долину Верхняго Енисея (Бей-кемъ) между его правыми притоками Утомъ и Оджею, образуя, такъ называемый, Утскій порогъ.

Во всѣхъ истокахъ рѣчныхъ бассейновъ Саянской горной системы, вытекающихъ изъ центральнаго узла Саянъ, какъ-то: Уды, Кизира и Казыра, намъ не пришлось замѣ-

тить того бѣлаго мутнаго цвѣта, который отличаетъ почти всѣ истоки изъ Алтайскихъ ледниковъ.

Гидрографія. Вся горная страна Саянъ служитъ источникомъ одной водной системы,—р. Енисея.

Въ *западныхъ Саянахъ* образуются обширныя три рѣки: Кизиръ, Казыръ и Амылъ съ многочисленными притоками. Эти три рѣки составляютъ р. Ту-бу, впадающую справа въ р. Енисей. Здѣсь-же образуются всѣ правые притоки Верхняго Енисея.

Въ *сѣверныхъ Саянахъ* образуются рѣки Мана и Канъ, впадающія тоже справа, въ Енисей.

Въ *восточныхъ Саянахъ* образуются рѣки: Бирюса, Уда, Ока, Китой, Иркутъ, впадающія слѣва въ р. Ангару и правые притоки Верхняго Енисея: Хамсара, Ія, ~~Носъ~~ Доро-кемъ и другіе.

Въ *южномъ отрогѣ* образуются лѣвые притоки Верхняго Енисея.

Частью по личнымъ наблюденіямъ, частью изъ разспросовъ мѣстныхъ знатоковъ края, намъ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о важнѣйшихъ изъ посѣщенныхъ рѣкъ.

1) *Рѣка Казыръ*, на протяженіи 200 вер. отъ устья, представляетъ большую водную артерію, шириною отъ 75—100 саженъ, очень глубокую, теченіе очень быстрое (8 верстъ въ часъ), течетъ въ широкой долинѣ, покрытой глухою тайгой; мѣстами долина пересѣкается отрогами горныхъ хребтовъ и рѣка стѣсняется въ своемъ теченіи, образуя или каменные перекаты или пороги; изъ послѣднихъ наиболѣе грандіозный порогъ Базыбайскій, въ которомъ теченіе величественной рѣки стѣсняется до 4 саженъ и здѣсь, среди гранита, со страшнымъ шумомъ, вода Казыра прорывается черезъ порогъ, образуя водопадъ. За три—четыре версты до порога, рѣка Казыръ принимаетъ особенно величавое, спокойное теченіе, но въ этомъ самомъ грозномъ спокойствіи таится опасность. Неопытный плавецъ, поддавшійся этому

спокойствію, рискуетъ со страшною быстротою быть унесеннымъ въ пучину водопада и, конечно, безъ всякой надежды на помощь...

Прежде вóды прорывались нѣсколько лѣвѣе современнаго русла и образовали въ гранитномъ руслѣ много очень глубокихъ котловъ; нынѣ это старое русло сухое и вѣроятно заливается только въ половодье. Котлы въ старомъ руслѣ порога глубиною доходятъ до нѣсколькихъ саженъ и наполнены водою.

Рѣка Казыръ, въ своемъ верховьи, по разсказамъ охотниковъ составляется изъ трехъ, почти одинаковыхъ, рѣкъ. Система Казыра богата рыбою, особенно въ большомъ количествѣ ловится: сигъ, хайрюзъ, омуль, ленокъ и таймень.

Правые притоки Казыра берутъ свое начало на хребтѣ св. Иннокентія, они не такъ многочисленны и не особенно многоводны.

Перечислимъ ихъ начиная съ низовьевъ:

Можарка, въ нижнемъ теченіи, по выходѣ изъ тайги, она шириною около 10—15 саж., глубиною до 1 саж., имѣетъ очень тихое теченіе; выше ея впадаетъ въ Казыръ рѣка *Тюхтятъ*, вытекающая изъ озера Тиберъ-куль, при устьѣ своемъ ширина ея не болѣе 5 саженъ, но глубиною выше лошади, теченіе очень спокойное; въ 10 верстахъ выше впадаетъ *Культябъ*, незначительная рѣчка, легко проходимая вбродъ; еще выше р. *Табратъ*—шириною около 15 саженъ, она при устьѣ непроходима вбродъ и имѣетъ довольно быстрое теченіе; выше на 18 верстъ впадаетъ въ Казыръ рѣка *Инбинка*, хотя и довольно узкая, но бурная и трудно проходимая вбродъ. Выше Инбинки впадаютъ р.р. *Бахтатъ, Колодчикъ, Гремучка, Нижній Китатъ, Базыбай, Соболинка, Верхній Китатъ*. Изъ названныхъ рѣкъ наиболѣе крутыя: Нижній и Верхній Китатъ и Базыбай; всѣ три, при устьѣ, вбродъ непроходимы. Теченіе Базыбая и Верхняго Китата очень быстрое, при чемъ послѣдній имѣетъ до четырехъ по-

роговъ. *Верхній Китатъ* составляется изъ трехъ большихъ рѣкъ, неимѣющихъ названія. Выше пороговъ, верстахъ въ 20 отъ устья, Верхній Китатъ имѣетъ ширину до 20 саженъ.

Слѣва р. Казыръ принимаетъ значительно больше притоковъ. Всѣ они берутъ начало съ юго западнаго хребта. Постараемся перечислить ихъ начиная отъ устья: *Курятка, Нижній Тибильзякъ* (12 верстъ отъ Курятки), *Верхній Тибильзякъ: Малый Таятъ, Большой Таятъ, Березовая, Нижняя Тридцатка, Верхняя Тридцатка, Конный Таятъ, Таборъ, Багра, Четь, Березовая, Попкова, Поперечная, Нижняя Сойетка, Бичурина, Вознесенская, Артемьева, Маетка, Верхняя Сойетка* и еще нѣсколько рѣчекъ безъ названія. Изъ перечисленныхъ притоковъ наиболѣе крутые: Маетка, имѣющая, говорятъ, нѣсколько пороговъ и одинъ очень высокій водопадъ; Маетка впадаетъ въ Казыръ выше Верхняго Китата; затѣмъ, Поперечная; эта рѣчка особенно отличается отъ всѣхъ лѣвыхъ притоковъ Казыра. Она имѣетъ очень крутое паденіе и большую быстроту, цвѣтъ воды желтый; она впадаетъ въ Казыръ такъ бурно, что при устьѣ стѣсняетъ теченіе Казыра, несмотря на большую глубину и ширину его и прибиваетъ его чистыя воды къ правому берегу, образуя въ этомъ мѣстѣ огромное волненіе, весьма опасное для плаванія. По своей большой быстротѣ и глубинѣ р. Поперечная имѣетъ видъ горной стремнины и, конечно, вбродъ непроходима. Кромѣ упомянутыхъ двухъ бурныхъ лѣвыхъ притоковъ Казыра, еще можно отмѣтить, изъ названныхъ выше рѣчекъ, трудно проходимыя вбродъ: Конный Таятъ, Четь и Нижнюю Березовую.

2) *Рѣка Кизиръ*, даже въ верховьяхъ, гдѣ мы ее перешли, близъ устья Пооддбу, имѣетъ 45 саж. шириною, глубиною, иногда, до 3 саженъ, течетъ спокойно, но быстро, среди глухой, непроходимой тайги. Она имѣетъ 4 большихъ порога, *„нижній“* въ 12 вер. выше устья р. Нички, еще выше 7 верстъ—перекатъ, еще выше на 15 вер. *„средній“* порогъ

На перевалѣ черезъ хребетъ
св. Иннокентія.

Р. Казыръ выше Базыбаевскаго порога.

и приблизительно, въ 70 верстахъ выше устья Нички *„верхній“* порогъ. Самый большой и опасный, говорятъ, „нижній“, который представляетъ собою водопадъ.

Мы перешли р. Кизиръ выше пороговъ. Система рѣки Кизиръ имѣетъ нѣсколько крупныхъ правыхъ притоковъ, которые берутъ начало на сѣверномъ Саянскомъ хребтѣ, въ большинствѣ случаевъ, вытекая изъ мелкихъ озеръ*). Ближайшій къ устью притокъ, будетъ, *Каспа*, впадающій въ Кизиръ справа, недалеко отъ дер. Бурлукъ; въ 25 верстахъ выше впадаетъ р. *Жепъ*, еще выше, на 15 верстъ, впадаетъ одинъ изъ обширныхъ притоковъ р. *Шинда*; верховья ея мы пересѣкли въ нѣсколькихъ мѣстахъ, рѣка эта въ верховьяхъ составляется изъ многихъ рѣкъ: Шимши, Аянъ-бу, Кирикъ-Джага и другихъ. Далѣе, верстахъ въ 12 выше устья Шинды, впадаетъ въ Кизиръ р. *Ничка*, въ 60 вер. выше устья Нички впадаетъ *Сурнугей*, а въ 17 вер. выше, довольно большой притокъ *Теби-бу* (охотники называютъ Абакумиха), еще на 25 верстъ выше устья Теби-бу впадаетъ р. *Поод-бу* (Козелъ) составляющаяся изъ нѣсколькихъ рѣкъ и принимающая справа значительный притокъ *Пимей-ту;* истокъ Поод-бу находится очень близко отъ истока р. Кана, и, наконецъ, выше Поодбу, въ Кизиръ впадаетъ р. *Кинзаликъ*.

Лѣвые притоки р. Кизира берутъ свое начало на хребтѣ св. Иннокентія. Всѣ они не многоводны, круто спускаются съ хребта и, слѣдовательно, не могутъ быть длинны. Изъ нихъ удалось записать только нѣсколько ближайшихъ къ устью р. Кизира: *Емисъ*, далѣе *Узунарга*, выше его нѣсколько рѣчекъ, носящихъ одно названіе *„Тайги“*, затѣмъ выше ихъ р. *Долгій Ключъ*, еще выше *Березовая* и почти противъ р. Поод-бу впадаетъ р. *Пѣтуховка*, по которой мы поднялись на хребетъ св. Иннокентія. Для характеристики лѣвыхъ притоковъ р. Кизира опишемъ р. Пѣтуховку.

*) При перечисленіи притоковъ р. Кизира я пользовался, исключительно, разсказами нѣсколькихъ охотниковъ по соболю.

Принимая начало на хребтѣ св. Иннокентія, недалеко отъ наибольшей вершины этого хребта, Пѣтуховка очень круто спускается съ перевала, затѣмъ вступаетъ въ область тайги, здѣсь ширина ея 4—5 саженъ, глубиною до стремени сѣдла течетъ спокойно, но, спустя верстъ 10, входитъ въ глубокое и очень узкое ущелье, въ которомъ образуетъ водопады, а затѣмъ выйдя изъ горнаго ущелья пріобрѣтаетъ болѣе спокойное теченіе въ довольно широкой долинѣ. Ширина ея, при устьѣ, около 10 саженъ, глубина по колѣно лошади. Глухая тайга тѣсно обступила рѣку и даже по самому берегу нельзя пройти всаднику. Берега рѣки чаще всего состоятъ изъ конгломерата. Встрѣчаются мелкіе выносные слѣды яшмы. Вся долина р. Пѣтуховки длиною около 15 верстъ.

3) *Р. Амылъ* значительно меньше Казыра и Кизира. Даже при устьѣ своемъ Амылъ не имѣетъ такого грандіознаго вида крупной водной артеріи, какъ Кизиръ и особенно Казыръ. Въ своемъ нижнемъ теченіи р. Амылъ протекаетъ по степи, имѣетъ очень спокойное теченіе, ширина его не больше 30—40 саженъ, даже въ среднемъ своемъ теченіи онъ во многихъ мѣстахъ переходится вбродъ. Протекая среди незначительныхъ отроговъ западнаго пограничнаго хребта Саянъ, онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, образуетъ широкія и очень удобныя для культурной жизни долины и лишь въ одномъ мѣстѣ онъ очень стѣсняется и образуетъ небольшіе перекаты. Изъ болѣе крупныхъ притоковъ его назовемъ, начиная съ верховьевъ, справа: *Кукшинъ, Таловка, Таловка 2-я, Кандатъ, Тиндатъ, Черная, Красная, Санъ* и *Копъ*; слѣва: *Колна, Семирѣчка, Гремучка, Тюхтятъ* и *Шандатъ*. Наиболѣе крупными изъ всѣхъ притоковъ Амыла считаютъ: Шандатъ, Кандатъ, Санъ и Копъ.

4) *Р. Канъ* вытекаетъ изъ небольшого озера Канъ, находящагося на сѣверномъ хребтѣ; истоки рѣки Канъ находятся вблизи отъ истоковъ р. Пood-бу, праваго притока р. Кизира. Спустившись съ хребта, р. Канъ течетъ среди глухой

тайги; долина ея, въ верховьяхъ, по разсказамъ, почти непроходима, но принявъ слѣва значительные притоки она становится болѣе удобною. Долина р. Кана въ верховьяхъ посѣщается иногда охотниками, а въ среднемъ теченіи, довольно густо заселена.

Притоки слѣва: *Калта, Хайдамжа, Туманка, Малминъ, Боло, Пизо, Кулежъ, Шумиха, Ульга, Кирель, Ильбинка, Анжа, Тина, Кура.* Справа: *Ерлашъ, Караганъ, Канганъ, Кунгузъ* и *Агулъ.*

Изъ всѣхъ этихъ притоковъ наиболѣе многоводные: Агулъ, Пизо, Кулежъ и Кирель.

5) *Рѣка Мана* беретъ свое начало тоже изъ небольшого озера на сѣверномъ Саянскомъ хребтѣ. Истоки рѣки Маны находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера М. Пизо, почти на одной высотѣ. Съ хребта р. Мана скатывается очень большимъ паденіемъ, среди глубокой долины, а затѣмъ принимаетъ болѣе спокойное теченіе.

Притоки справа: *Берса, Гусинная, Найжига, Куранжа, Балой, Сенажега, Куроѣдъ, Кунай-бу, Аянъ-жига, Курдезитъ, Аян-булъ, Мимія.* Слѣва: *Халибу, Теаза, Таной, Б. Терзибей, М. Терзибей.*

6) *Рѣка Уда* можетъ быть раздѣлена на три участка: *верхнее теченіе* отъ горнаго узла до впаденія рѣки Хана; *среднее теченіе* до города Нижнеудинска и *нижнее теченіе* до сліянія съ р. Бирюсой.

Въ раіонѣ Саянъ находится верхнее и среднее теченіе рѣки Уды.

Рѣка Уда беретъ начало въ горномъ узлѣ и направляется вдоль по границѣ на юго-востокъ около 120 верстъ, по впаденіи въ нее Ханъ поворачиваетъ почти на сѣверъ. Въ этомъ мѣстѣ она, прорываясь среди отвѣсныхъ скалъ, принимаетъ справа два большихъ притока: *Ханъ* и *Хара-буренъ* и у бывшаго Удинскаго караула (выс. Казармы) становится довольно многоводною. Въ дальнѣйшемъ теченіи р. Уда, пробиваясь среди

скалъ и перескакивая горными водопадами черезъ пороги, имѣетъ крайне извилистое теченіе въ направленіи на сѣверо-востокъ.

Глубина: въ верхней части р. Уды, т. е. до впаденія притока Хара-бурень, въ мелкую воду переходима вбродъ. Отъ бывшаго Удинскаго караула (выселокъ Казармы) глубина увеличивается и достигаетъ отъ 1—2 саженъ и болѣе.

Ширина рѣки: до Удинскаго караула 25—30 саженъ, отъ удинскаго караула саженъ 50—75, а у деревни Порогъ—100—150 саж.

Уровень воды и ширина рѣки непостоянны. Вслѣдствіе частыхъ дождей въ верховьяхъ Саянскаго хребта и крайне большого паденія рѣки Уды и ея притоковъ,—уровень воды иногда въ продолженіи пяти-шести часовъ времени поднимается на сажень и на двѣ, а затѣмъ, черезъ сутки-двои, спадаетъ и становится нормальнымъ. Наибольшій разливъ рѣки бываетъ во время перваго таянія снѣга около 25 мая и до 18—29 іюня. Въ это время уровень воды поднимается на 2—3 сажени.

Судя по этимъ даннымъ, рѣка Уда, по глубинѣ своего фарватера, могла бы быть судоходною, но, въ виду многочисленныхъ пороговъ по всему своему теченію, плыть по ней, даже въ лодкѣ, весьма опасно, не говоря уже о пароходномъ сообщеніи. Но сплавъ лѣса, плотами, вполнѣ возможенъ и существуетъ. Такъ какъ рѣка проходитъ среди глухой дѣвственной тайги съ обширнѣйшимъ запасомъ строевого лѣса и выходитъ на линію желѣзной дороги, то сплавъ лѣса имѣетъ крупное будущее. Теперь-же сплавъ существуетъ на небольшомъ разстояніи, верстъ на 100 отъ Нижнеудинска.

Скорость теченія 5 саженъ въ минуту. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣка прорывается среди скалъ или у пороговъ—теченіе увеличивается почти вдвое.

Замерзаетъ рѣка къ 22 октября, вскрывается въ срединѣ апрѣля, а иногда и въ концѣ апрѣля.

Въ малую воду рѣку можно перейти вбродъ вблизи бывшаго Удинскаго караула и выше впаденія въ Уду рѣки Ханъ. Если же лѣто засушливое, то броды открываются во многихъ мѣстахъ и ниже, такъ напримѣръ, у устья Агнита и, даже, иногда, въ исключительныхъ случаяхъ обмѣленія, у д. Порогъ.

Притоки. На участкѣ средняго теченія рѣки Уды, справа: р. *Ханъ*, ниже 15 верстъ р. *Хара-бурень*, еще ниже на 70 в. *Хайлама*; ниже ея на 15 верстъ—*Кадама*; еще ниже на полторы версты—*Хунга*; на 25 вер.—*Малая Айса*: на 19 вер.—*Большая Айса*; на 6 вер.—*Кирей* и на 5 вер.—р. *Тыгней*; на 30 вер.—*Кагатъ*; на 15 вер.—*Удъ;* у деревни Солонецкой—*Кирей*, у желѣзнодорожнаго моста—*Шумъ*; не доѣзжая 10 в. до Нижнеудинска—р. *Мудъ*.

Слѣва: ниже пос. Казармы, по теченію рѣки Уды, спустя 15 вер.—р. *Джуглымъ*; спустя отъ послѣдней на 25 верстъ—р. *Нерха*; спустя еще 30 верстъ—р. *Меджи*; спустя 60 в.—р. *Агнитъ*, спустя 15 в.—р. *Марня*, еще 10 вер.—р. *Ярма*, спустя 12 вер.—*Ибсидъ*, спустя 50 вер.—*Кундуй*, еще 12 в.—*Чалатъ* и еще 12 вер.—*Рубахина*. Изъ всѣхъ притоковъ наиболѣе многоводны: Агнитъ, Хара-бурень, Хайлама и Джуглымъ. Хотя и они, въ обыкновенное время, легко переходимы вбродъ по всему своему теченію, но при малѣйшемъ подъемѣ уровня, рѣка Агнитъ, въ нижнемъ теченіи, совершенно не переходима.

Рѣка Уда очень богата рыбою. Наиболѣе многочисленные породы: язь, ленокъ, хайрюсъ, рѣже встрѣчаются: таймень, сигъ. Всѣ жители р. Уды занимаются рыбною ловлею и большинство продаютъ ее въ г. Нижнеудинскѣ или на золотопромышленныхъ компаніяхъ*).

Краткія свѣдѣнія о растительномъ покровѣ Саянъ.

Касаясь вопроса о растительномъ покровѣ Саянской горной системы, мы, въ дополненіе уже отмѣченнаго нами при описаніи орографіи, дадимъ здѣсь самый общій очеркъ.

Гребни горныхъ хребтовъ всей Саянской системы, а ра-

*) Остальныя рѣки Саянъ мнѣ посѣтить не удалось.

вно и отдѣльныя вершины второстепенныхъ отроговъ, когда они превышаютъ 4—5 тысячъ фут. представляютъ собою голые камни, покрытые большую часть года снѣгами и лишь на самый короткій промежутокъ, лѣтомъ, освобождаются отъ снѣга; они имѣютъ печальную растительность, въ видѣ тундроваго бѣлаго мха и изрѣдка небольшихъ кустарниковъ полярной березы. Эти пространства у мѣстныхъ подтаежныхъ жителей носятъ названія *бѣлогорья*, вѣроятно потому, что большую часть года они покрыты снѣгами, въ восточныхъ Саянахъ ихъ называютъ „*Гольцами*", а въ западныхъ „*Таскылами*".

Ниже этой высоты горная страна покрыта почти сплошною дѣвственною тайгой, представляющею собою, преимущественно, кедровые лѣса; почва покрыта переплетенными корнями деревьевъ, поросшими въ большинствѣ случаевъ крупнымъ густымъ мхомъ. Лишь береговыя полосы долинъ и, по преимуществу, около устьевъ рѣкъ, открываютъ свободныя луговыя поляны (елани), болѣе пригодныя для культуры. При постепенномъ пониженіи горной системы, такія елани встрѣчаются все чаще и отвоевываютъ себѣ отъ суровой тайги все большія пространства. Дремучіе кедровые лѣса постепенно переходятъ, съ пониженіемъ горъ, въ еловые лѣса, затѣмъ, еще ниже, начинаетъ встрѣчаться осинникъ, за нимъ березнякъ, а потомъ наступаетъ область сибирской лиственницы, переходящей въ сосновые лѣса.

Населенность.

Русское населеніе.

Если при простомъ движеніи, для борьбы съ суровою природою Саянъ требуется отъ человѣка столько силы и труда, сколько положила экспедиція на свое путешествіе, то тѣмъ болѣе труда и настойчивости потребуется отъ человѣка при завоеваніи этой суровой природы для культуры.

Поэтому нельзя удивляться, что описываемая горная страна должна быть признана пустынною. Лишь въ предгорьяхъ, по окраинамъ тайги, имѣется незначительное число русскихъ населенныхъ пунктовъ.

По долинѣ р. *Амыла* русскіе поселки отъ устья поднимаются верстъ на 70, а далѣе лишь изрѣдка встрѣчаются прiисковыя постройки.

По долинѣ р. *Казыра* населенные пункты имѣются отъ устья всего на 40 верстъ и дальше еще верстъ на 40 встрѣчаются отдѣльные хутора.

По долинѣ р. *Кизира* тоже не дальше 40 верстъ, по долинѣ *Маны*—имѣются поселки лишь при устьѣ.

По долинѣ р. Кана русскія селенія поднимаются верстъ на 150 выше желѣзной дороги.

По долинѣ р. Бирюсы и Уды, выше желѣзной дороги, русскіе поселки поднимаются не дальше 25 верстъ, кромѣ того по рѣкѣ Удѣ почти до верховьевъ изрѣдка встрѣчаются хутора, въ которыхъ поселились отдѣльныя семьи крестьянъ, занимающихся охотою и рыбною ловлей и мелкою торговлей среди карагазовъ, а по долинѣ р. Бирюсы имѣются прiисковыя постройки.

По долинѣ р. *Иркута*—русское осѣдлое населеніе продвинулось далеко и доходитъ почти до самыхъ верховьевъ. У подножія водораздѣловъ восточнаго и сѣвернаго склоновъ нами когда то были поставлены пограничные караулы, согласно трактата 1727 года.

Нынѣ этихъ карауловъ уже не существуетъ, но остались отъ нихъ слѣды: въ восточныхъ Саянахъ караулы: Окинскій и Удинскій—теперь тамъ живутъ осѣдло по нѣсколько семействъ бурятъ, а на Окинскомъ караулѣ даже есть миссіонерскій станъ и церковь. Въ сѣверные и западные Саяны русскіе пограничники XVIII столѣтія, конечно, не могли проникнуть глубоко и потому по просту поставили караулы въ Минусинскихъ степяхъ. Надо еще удивлятся отчего китайцы не захватили и всей горной системы Саянъ до нашихъ карауловъ.

При дальнѣйшемъ развитіи населенности Сибири, конечно, придется отвоевывать отъ тайги необходимыя для культуры

площади; наименьшихъ трудовъ потребуютъ низовья рѣкъ, окраины горныхъ хребтовъ, по преимуществу въ области сосновыхъ лѣсовъ и лиственницы.

Попытаемся указать на болѣе удобныя мѣста для культуры.

По системѣ р. Иркута осѣдлыя поселенія могутъ быть доведены до самыхъ верховьевъ. При значительной относительной высотѣ надъ уровнемъ моря верхней части долины, земледѣльческая культура не всегда будетъ удачна. Ранніе заморозки и теперь, въ Тункинской волости, часто даютъ себя чувствовать.

По рѣкѣ Удѣ мнѣ пришлось пройти около 250 верстъ и, по моему мнѣнію, хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, правительственною заботою, но здѣсь можно отвоевать у тайги и теперь много удобнаго пространства. Сплавная рѣка можетъ дать весьма солидный заработокъ для лѣсопромышленности, богатство всякаго звѣря въ тайгѣ и рыбы въ рѣкѣ — послужатъ хорошимъ источникомъ промысловой охоты, а на ряду съ этимъ тучные луга по долинамъ могутъ быть обращены въ поля и пастбища. Кедровые лѣса даютъ много орѣха.

По системѣ р. Кана можно углубиться отъ послѣднихъ русскихъ селеній, по крайней мѣрѣ, еще на 100 верстъ, захватывая широкую полосу правыхъ и лѣвыхъ притоковъ рѣки Кана, почти до самыхъ ихъ верховьевъ. Хорошей земледѣльческой культуры можетъ быть здѣсь будутъ мѣшать глубокіе снѣга на вершинахъ хребта, охлаждающіе климатъ, но недостатокъ земледѣлія можетъ быть восполненъ лѣсными промыслами, охотою, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и кустарною переработкою ихъ и отчасти, скотоводствомъ.

Въ нижнемъ теченіи рѣки Маны я не былъ, но судя по верхнему теченію, долина рѣки Маны даже далеко отъ устья имѣетъ удобныя мѣста для культуры. Не будучи особенно глубокою, долина Маны въ своихъ скатахъ покрыта тайгою лишь на небольшое пространство и открываетъ много хорошихъ луговъ, почти до самаго ея верховья. Разрабатывае-

мыя и заявленныя золотыя россыпи уже и теперь служатъ опорными пунктами для культуры, но отсутствіе всякихъ путей сообщенія не позволяетъ проникнуть сюда населенію, а глубокіе снѣга, покрывающіе большую часть года окрестныя горы и долину, послужатъ и здѣсь препятствіемъ для земледѣльческой культуры.

Долины р.р. Кизира и Казыра, почти всѣ покрыты непроходимою тайгою, лишь на высотѣ 4 т. фут. открываются тучные алпійскіе луга, но для культуры едва-ли они могутъ быть годны, по ихъ значительной высотѣ и глубокимъ снѣгамъ, покрывающимъ ихъ большую часть года. Легче могутъ быть приспособлены низовья обѣихъ рѣкъ, верстъ на 100—150. Здѣсь имѣются строевые лѣса, лѣсные луга, тайга богата звѣрями, а въ глубокихъ рѣкахъ много рыбы. Поземельныя партіи, отыскивая участки для переселенцевъ, постепенно, подходятъ къ этимъ мѣстамъ. Въ настоящее время, по низовью Казыра уже имѣется нѣсколько переселенческихъ поселковъ. Новоселы занимаются земледѣліемъ скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею и сплавомъ лѣса. Но близость суровой тайги даетъ слишкомъ много влаги и создаетъ особенныя условія для земледѣльческой культуры, съ которыми трудно бороться непросвѣщенному хлѣбопашцу.

Долина р. Амыла, еще болѣе чѣмъ рѣки Казыръ и Кизиръ, имѣетъ свободныхъ и вполнѣ удобныхъ мѣстъ для культуры. Бывшіе здѣсь когда-то дремучіе лѣса, уничтоженные на большихъ площадяхъ лѣсными пожарами, уступили мѣсто горнымъ лугамъ. Населеніе здѣсь можетъ быть раскинуто въ верхъ по р. Амылу, съ нѣкоторыми промежутками, верстъ на 120 отъ послѣдней русской деревни Кожубаръ.

Инородческое населеніе въ Саянахъ.

Кромѣ русскаго осѣдлаго населенія въ Саянахъ сохранились небольшія группы инородцевъ.

Остатки *бурятскаго* населенія раскинуты по верхней части р. Иркута и по окраинамъ тайги, въ долинахъ р.р. Китоя, Оки, Іи и Уды. Часть этого населенія уже приняла хри-

стіанство, только въ долинѣ р. Иркута еще можно сказать, господствуетъ ламаизмъ.

Принадлежа прежде къ кочующему племени, буряты постепенно утрачиваютъ свой кочевой образъ жизни и переходятъ къ осѣдлому. Напримѣръ въ долинѣ р. Уды всѣ буряты живутъ осѣдло, деревнями, въ обыкновенныхъ русскаго типа избахъ, отдавая незначительную дань традиціямъ своихъ предковъ, лишь тѣмъ, что лѣтомъ переходятъ на жительство изъ избы въ особую конусообразную деревянную юрту, тутъ же на дворѣ построенную. Въ долинѣ-же р. Иркута буряты ведутъ еще полукочевой образъ жизни; лѣтомъ они живутъ въ особыхъ восьмиугольныхъ деревянныхъ юртахъ, раскинутыхъ среди ихъ полей, а зимою переходятъ въ деревни, гдѣ имѣютъ постройки въ большинствѣ уже русскаго типа.

Буряты по преимуществу занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, но, въ зимнее время, многіе уходятъ въ тайгу и занимаются охотничьимъ промысломъ. Находясь на окраинахъ тайги, нѣкоторые, и въ продолженіи всего года, урываютъ свободное отъ полевыхъ работъ время для охоты.

Карагазы. Въ системахъ р.р. Уды, Бирюсы и Оки кочуетъ, весьма ничтожное по численности, племя карагазовъ, которое надо предположить: или когда-то перешло съ долины Верхняго Енисея (Бейкемъ), или является коренными аборигенами Саянъ и осталось здѣсь отъ урянховъ, когда-то кочевавшихъ въ Саянахъ, такъ какъ по своему типу, быту и языку (тюркскому) они имѣютъ сходство съ Енисейскими урянхами (сойотами). Карагазы потеряли всякое представленіе о своемъ отдаленнѣйшемъ сродствѣ съ урянхами. Составляя особую административную единицу, они управляются однимъ выборнымъ родовымъ старостою, по мѣстному названію шуленьга и раздѣляются на пять родовъ (улусовъ)*): Карагасскій, Удинскій, Сильбигурскій, Кан-

*) Названіе улуса очевидно взято отъ сосѣдей бурятъ Нижнеудинской инородческой землицы, живущихъ по окраинѣ тайги.

гатскій и Манчжурскій. Каждый улусъ управляется улуснымъ старостою подъ именемъ „дарга". Это названіе напоминаетъ о какой-то отдаленной связи карагазовъ съ Монголіей и Урянхайской землей, гдѣ тоже существуетъ должность „тарга". Можно предположить, судя по одинаковой организаціи управленія, что карагазы были однимъ изъ сумыновъ Тоджинскаго хошуна (пятымъ), т. к. ближайшіе ихъ сосѣди урянхи Акъчодскаго и Карачодскаго сумыновъ Тоджинскаго хошуна Урянхайской земли кочуютъ по тому-же Восточному хребту Саянъ, (по западному склону); кочевья карагазовъ и урянховъ соприкасаются; по быту, языку, характеру, жилищу урянхи-оленеводы почти одинаковы съ карагазами. Желательно что-бы будущіе изслѣдователи обратили вниманіе на вопросъ: урянхи-ли перешли изъ Россіи, карагазы-ли перешли изъ Урянхайской земли или, проще, тѣ и другіе постоянно кочевали въ этихъ-же мѣстахъ и только наше опредѣленіе границы, разбило родственные племена и одну и ту-же административную единицу. Весьма возможно допустить, что карагазы и урянхи-оленеводы сохранили во всей первобытности типъ саянскихъ бродячихъ народовъ.

Улусы карагазовъ кочуютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Карагасскій по пріисковой дорогѣ бирюсинской золотопромышленной системы, Удинскій—по рѣкѣ Удѣ, Кангатскій—въ верховьяхъ рѣки Бирюсы, Сильбигурскій и Манчжурскій—въ верховьяхъ рѣкъ Уды и Оки и по рѣкѣ Іи. Всего карагазовъ считаютъ около 100 семействъ во всѣхъ пяти улусахъ, общимъ числомъ, по переписи 1897 года 300 человѣкъ. Всѣ христіане. Большинство говоритъ по русски и по бурятски.

Каждая семья, (мужъ, жена и холостые дѣти) живутъ въ одной юртѣ. Родственныя семьи часто кочуютъ по нѣсколько семей вмѣстѣ, помогая другъ другу. Юрта,—вѣрнѣе шалашъ, дѣлается такъ: нѣсколько тонкихъ жердей длиною до полуторыхъ саженъ составляютъ основу конусообразнаго шалаша, который сверху покрывается древесною корою (по преиму-

ществу съ кедра); зимою, для большаго тепла, сверхъ коры, шалашъ покрывается шкурами; діаметръ шалаша не болѣе полуторыхъ саженъ*).

Главнѣйшимъ средствомъ для жизни является охота и по преимуществу охота на соболя; а средствомъ передвиженія— олень. Поэтому карагазы не имѣютъ постоянныхъ осѣдлыхъ мѣстъ, они ведутъ образъ жизни бродячихъ звѣролововъ. Перекочевки карагазовъ зависятъ отъ болѣе или менѣе хорошихъ пастбищъ для оленя и удобныхъ мѣстъ и условій для охоты; каждый родъ или, вѣрнѣе, каждая семья имѣетъ постоянное мѣсто для охоты по соболю: какую нибудь одну долину изъ многочисленныхъ рѣчекъ—многоводныхъ бассейновъ рѣкъ Уды, Бирюсы и Іи. По установившемуся обычаю, въ этой долинѣ никто кромѣ извѣстной семьи не охотится. Охота на соболя начинается съ конца октября. Числомъ добытаго соболя измѣряется величина годового бюджета карагазской семьи. Средней руки охотникъ, хозяинъ семьи, добываетъ отъ 20—24 штукъ соболей, считая въ среднемъ стоимость въ 10—25 рублей, средній заработокъ карагазской семьи равняется отъ 200—500 рублей; кромѣ того каждый карагазъ имѣетъ въ среднемъ 20—30 оленей, (нѣкоторые имѣютъ до 150 штукъ), которые даютъ семьѣ молоко для пищи, шкуры для обуви, для одежды и жилища. Въ зависимости отъ этихъ двухъ главныхъ экономическихъ данныхъ складывается и весь бытъ карагазовъ. Карагазы платятъ подати русскому правительству по соболю съ юрты**).

Осенью карагазы спускаются съ верховьевъ горъ къ тѣмъ долинамъ и мѣстамъ, гдѣ обыкновенно каждая семья ежегодно охотится на соболя. Оставляя семью перекочевывать по до-

*) Точно такого же типа жилище имѣютъ урянхи оленеводы, а прежде имѣли и бродячіе инородцы сѣверныхъ Саянъ.

**) Между тѣмъ ихъ сородичи и сосѣди,—урянхи-оленеводы Тоджинскаго хошуна платятъ подати китайцамъ по 3 соболя съ юрты, да кромѣ того хошунныя подати и подарки обходятся не менѣ 3—4 соболей. Разница экономическаго положенія очевидна. См. Урянхайская земля.

линѣ съ одного мѣста на другое и пасти стада оленей, всѣ взрослые мужчины отправляются на добычу соболя. По окончаніи сезона охоты на соболя, къ 6-му декабря, ко дню св. Николая Чудотворца, семьи карагазовъ спускаются къ городу Нижнеудинску; здѣсь, не доѣзжая верстъ 20—25, гдѣ нибудь на берегу рѣки, (по преимуществу въ долинѣ рѣки Рубахиной) съѣзжаются на ярмарку (по карагазскому—сугланъ) карагазы всѣхъ улусовъ. Вдоль по рѣкѣ раскидываются два ряда карагазскихъ шалашей, образуя по срединѣ улицу. Сюда съѣзжаются купцы съ разными товарами, здѣсь происходятъ всѣ коммерческіе разсчеты и сдѣлки по продажѣ добытой пушнины. Сюда пріѣзжаетъ Нижнеудинская полиція и собираетъ съ карагазовъ подати. Сюда пріѣзжаетъ священникъ миссіонеръ и совершаетъ всѣ обряды, т. е. креститъ всѣхъ дѣтей, родившихся въ продолженіи года, совершаетъ заочное отпѣваніе умершихъ въ теченіи года, совершаетъ вѣнчаніе, вступающихъ въ бракъ и исполняетъ другіе христіанскіе обряды. Здѣсь, на сугланѣ, послѣ годовой разлуки, встрѣчаются друзья, женихи и невѣсты, выпивается по этому случаю огромное количество водки, устраиваются разнаго рода игры, обычные обряды и прочее. Словомъ, здѣсь, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, карагазъ живетъ сколько нибудь человѣческою жизнью, съ тѣмъ, чтобы снова уйти въ непроходимую, глухую, обширную тайгу и прожить наступающій годъ въ обществѣ своихъ оленей, постоянно борясь за право своего существованія съ необыкновенно суровою, дикою природою, тяжелою жизненною обстановкою; съ медвѣдемъ, волкомъ, кабаномъ, дикою кошкою, лосемъ и прочими дикими обитателями суровой тайги и горной страны.

По окончаніи суглана, въ продолженіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ (декабря, января и февраля) карагазы держатся вблизи населенныхъ пунктовъ, гдѣ нибудь въ глубокихъ закрытыхъ долинахъ, въ глухой тайгѣ, деревья которой покрыты густымъ слоемъ бѣлаго мха.

Охота въ это время очень незначительная, часто совершенно случайная и потому карагазы въ счетъ будущей добычи, забираютъ въ ближайшихъ селеніяхъ у мелкихъ торговцевъ всѣ жизненные припасы и предметы необходимые въ ихъ обиходѣ.

Въ мартѣ, карагазы забираютъ у торговцевъ: порохъ, дробь, хлѣбъ, табакъ, чай и прочіе необходимые припасы и отправляются снова въ свою долину охотиться на соболя и бѣлку. Въ половинѣ апрѣля, расплатившись съ торгующими и забравъ снова всякихъ припасовъ на цѣлое лѣто, карагазъ складываетъ всѣ свои пожитки на оленя и пускается на лѣто кочевать, совершая въ теченіи лѣта путь въ нѣсколько сотъ верстъ; сначала поднимается въ верховья рѣчекъ, охотясь по пути на косулю, марала, лося, медвѣдя, лисицу; въ половинѣ іюня, когда тайга наполняется массою „мошки" и овода, карагазы поднимаются въ голыя вершины Саянскихъ хребтовъ, гдѣ лежитъ еще снѣгъ и гдѣ нѣтъ овода и продолжаетъ охотиться. Добытое охотою мясо употребляется въ пищу, а шкуры продаются по пути на пріиски, кочующимъ охотникамъ бурятамъ, русскимъ торговцамъ и рыбакамъ, постоянно проживающимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по рѣкамъ Уды, Бирюсы и Оки. Въ концѣ августа, когда „мошка" уничтожается, карагазы снова начинаютъ спускаться съ вершинъ къ своимъ охотничьимъ районамъ.

Крайне тяжелая жизненная обстановка, бѣдность, борьба съ природою, а главное крайняя нечистоплотность являются благодарною почвою для развитія болѣзней; оспа, тифъ и сифилисъ уносятъ огромныя жертвы. Старожилы разсказываютъ, что еще лѣтъ 30 тому назадъ племя карагазовъ было многочисленно, но были періоды, что люди вымирали цѣлыми улусами въ недѣлю – въ двѣ; страшная паника охватывала полудикихъ звѣролововъ, больные бросались на съѣденіе звѣрямъ, здоровые или уже заразившіеся, но могущіе еще двигаться, бѣжали за сотни верстъ и еще дальше разносили заразу.

Нынѣ племя карагазовъ быстро вымираетъ и недалеко то время, когда и послѣдніе представители русскихъ саянскихъ кочевниковъ звѣролововъ исчезнутъ съ лица земли.

Сѣверно-саянскіе инородцы.

Еще недавно, (лѣтъ 20 - 25) въ сѣверной Саянской тайгѣ кочевало также племя полудикихъ звѣролововъ. Еще теперь, въ глухой тайгѣ, изрѣдка встрѣчаются остатки отъ ихъ шалашей. Нынѣ отъ этого племени осталось нѣсколько семействъ, которыя осѣли въ преддверіяхъ сѣверныхъ Саянъ и образовали д.д. Ильбинки. Сами себя эти остатки сѣверно-саянскихъ звѣролововъ называютъ колмажинцами*). По типу они напоминаютъ тунгусовъ. По языку колмажинцы не имѣютъ никакого сходства ни съ карагазами, ни съ минусинскими татарами, ни съ урянхами (сойотами).

Я приведу сравнительную таблицу нѣкоторыхъ словъ, записанныхъ въ пути.

Русскіе.	Колмажинцы.	Качинцы.	Урянхи.
одинъ	öб	быръ	бырь
два	шидё	ика	ики
три	нäогор	усь	ушь
четыре	теете	дертъ	тертъ
пять	сумна	бешь	бешь
вода	бу	су	су
собака	мёне	öтъ	адай
женщина	нэ	катъ	катъ
густой лѣсъ	тайга	дже	—
козелъ	пööдд	кюльбусъ	—

Жили сѣверно-саянскіе звѣроловы также родами и управлялись въ прежнія времена князьями, превратившимися впослѣдствіи, подъ давленіемъ русскихъ, въ родовыхъ старостъ. По вѣрованію они принадлежали по преимуществу къ шаманству. Они точно также имѣли стада оленей и занимались охотою. Жилищемъ служили имъ шалаши, покрытые корою

*) Кромѣ колмажинцевъ въ Канскомъ уѣздѣ въ преддверіяхъ той-же сѣверной саянской тайги еще живутъ осѣдло потомки минусинскихъ тюрковъ. Эти остатки тюркскихъ народовъ скорѣе родственны качинцамъ.

или шкурами. Лѣтъ 30 тому назадъ среди колмажинцевъ свирѣпствовала оспа и ихъ погибло очень много. Остатки не могли бороться съ суровою тайгой, вышли на окраину тайги, приняли христіанство и начали новую осѣдлую жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказалъ мнѣ старѣйшіи изъ колмажинцевъ.

Нынѣ они занимаются земледѣліемъ, косятъ сѣно, распахиваютъ огороды, держатъ небольшое число лошадей и рогатаго скота. Но однако не прекращаютъ связи и съ родною тайгою. Раннею весною все мужское населеніе отправляется верхами въ тайгу, охотиться тамъ за козою; затѣмъ ко времени посѣва возвращаются домой,—оканчиваютъ посѣвы и снова—въ тайгу на охоту за мараломъ; къ Петрову дню возвращаются. Окончивъ сѣнокосы, убираютъ хлѣбъ, а къ октябрю снова отправляются въ тайгу на охоту по соболю и въ тайгѣ проводятъ уже почти всю зиму. Въ горы охотникъ отправляется обыкновенно одинъ, рѣдко съ товарищемъ; беретъ съ собою собаку, ружье. Охотникъ беретъ въ тарака на мѣсяцъ сухарей, чаю и соли, да котелокъ. Переходя съ одной рѣки на другую, переваливая черезъ хребты, онъ, какъ вольная птица, въ короткое время переходитъ на своей маленькой лошаденкѣ сотни верстъ; и ни отвѣсныя горы, ни бурныя рѣки, ни глубокіе снѣжные завалы, ни снѣжныя мятели—ему не страшны. За мѣсяцъ бродячей жизни онъ изъѣздитъ значительную часть системы р. Кана, добудетъ 5—6 соболей и тогда возвращается домой.

Въ верховьяхъ р. Китоя, кочуетъ горсть полудикихъ звѣролововъ—урянховъ (сойотовъ), подробностей объ нихъ я не могу привести, т. к. небылъ у нихъ, но слышалъ, что они страшно бѣдны и быстро вымираютъ.

Русскіе звѣроловопромышленники въ Саянской тайгѣ.

Кромѣ этихъ аборигеновъ Саянской горной системы, мрачную, суровую и неприступную тайгу посѣщаютъ и русскіе охотники.

Въ восточныхъ и сѣверныхъ Саянахъ такихъ смѣлыхъ охотниковъ очень мало, въ подтаежныхъ деревняхъ рѣдко,

рѣдко можно встрѣтить одного, много двухъ. Они имѣютъ хорошихъ собакъ, хорошую таежную лошадь и одноствольное ружье, (въ послѣднее время по преимуществу изъ передѣланныхъ бердановскихъ ружей). Но эти охотники далеко въ глубь тайги не уходятъ. Держатся въ 40—50 верстахъ отъ населенныхъ мѣстъ.

Совершенно другое представляютъ охотники въ западныхъ Саянахъ. Главными хозяевами охоты въ западныхъ Саянахъ являются по преимуществу староверы. Подтаежные жители называютъ ихъ „киржаками". Изъ минусинскихъ степей они перешли далеко въ преддверіе тайги, понастроили отдѣльныхъ хуторовъ, а въ 80 верстахъ отъ устья по р. Кизиру создался даже старообрядческій поселокъ изъ 10 домовъ. Это—заимка на устьѣ Коннаго Таята. Глухая и мрачная тайга западныхъ Саянъ лѣтомъ признается непроходимою и потому охотники работаютъ въ тайгѣ только зимою. Осенью, когда воды Кизира и Казыра спадутъ и около береговъ образуются мелкія плесы, охотники берутъ лодку, лошадь, забираютъ нѣсколько мѣшковъ сухарей и сушенаго мяса и поднимаются вверхъ по Казыру или Кизиру далеко въ глубь тайги. Каждый охотникъ облюбовываетъ себѣ удобное мѣсто, гдѣ нибудь на берегу рѣки или по притокамъ и тамъ строитъ себѣ „зимовье". Обыкновенно зимовье состоитъ изъ одной комнаты, печки, двухъ-трехъ маленькихъ оконъ и крытыхъ прочно закрывающихся сѣней. Все дѣлается прочно, чтобы дикій хищникъ тайги не могъ пообидѣть охотника на отдыхѣ. Сюда-то, въ эту станцію въ тайгѣ, и завозитъ охотникъ свои припасы, по обыкновенію, съ разсчетомъ на цѣлую зиму. Завезя осенью въ тайгу припасы, отремонтировавъ свое зимовье, охотникъ возвращается домой и ожидаетъ когда тайга покроется снѣгомъ и рѣки закроются льдомъ; тогда охотникъ беретъ съ собою собаку, нарты (особоустроенные длинные, легкіе сани), лыжи и всѣ принадлежности для охоты и, приблизительно въ половинѣ октября, уходитъ въ тайгу, почти на всю зиму.

Охота ведется каждымъ охотникомъ, по преимуществу, въ своемъ районѣ; переходить въ районъ сосѣда не только не принято, но и опасно; въ глухой и мрачной тайгѣ свидѣтелей нѣтъ и расправа съ нарушителемъ таежной этики очень коротка: одинъ выстрѣлъ и навсегда разсчеты окончены... Не только никто не рѣшится, но и невозможно, отыскивать пропавшаго человѣка; горная страна, на сотни верстъ покрытая непроходимою чащею и болотами, безъ всякихъ тропъ, служитъ надежною могилою для скрытія тайны преступленія.

Охотникъ отъ своего зимовья на лыжахъ дѣлаетъ набѣги за звѣремъ по радіусу въ разныя стороны; а чтобы не заблудиться въ тайгѣ, онъ, отправляясь на охоту, по пути дѣлаетъ на деревьяхъ засѣки, которыя потомъ облегчаютъ ему возвращеніе. Охота ведется, по преимуществу, по соболю. Другого звѣря если и бьютъ, то, такъ сказать, или по пути, или по необходимости: для пищи, или въ борьбѣ, напримѣръ съ медвѣдемъ. Наилучшимъ и самымъ дорогимъ сотрудникомъ промышленника служитъ собака. Порода таежной собаки очень высоко цѣнится въ подтаежныхъ селахъ Минусинскаго уѣзда. Собака не рѣдко оцѣнивается въ 100—150 р. И дѣйствительно безъ хорошей собаки охотникъ ничего не добудетъ. Наиболѣе распространенный способъ охоты такой: охотникъ беретъ ружье, силки, или вѣрнѣе сѣти, и собаку и отправляется въ лѣсъ. Собак чуетъ звѣрка и начинаетъ его преслѣдовать. Звѣрекъ, понимая опасность, стремится скрыться, забираясь на отвѣсныя скалы, въ глухія узкія ущелья, въ дремучую непроходимую чащу деревьевъ, не рѣдко уводитъ за собою собаку, а за ней и охотника на 20—30 верстъ; только полная возможность движенія по тайгѣ одному человѣку на лыжахъ, замѣчательная ловкость и смѣтка, выработанная постоянною борьбою съ суровой природою, даютъ возможность охотнику удачно преслѣдовать хитраго звѣрка. Но вотъ соболь скрылся куда нибудь въ нору, въ

дупло дерева или въ камни. Собака останавливается и сторожитъ. Тогда охотникъ окутываетъ данное мѣсто сѣтью, кругомъ, какъ тѣнетами и ожидаетъ, когда звѣрекъ наконецъ выйдетъ изъ своей засады. Бываютъ случаи, что звѣрекъ продержитъ охотника день—два на одномъ мѣстѣ, бывали случаи, что въ погонѣ за собблемъ проходили недѣли. Но вотъ соболь охваченъ сѣтью, его сторожитъ вѣрный помощникъ охотника, собака. Какъ только соболь выскочилъ изъ своей засады, собака поднимаетъ лай и охотникъ вѣрнымъ выстрѣломъ беретъ себѣ добычу.

Такая система охоты по преимуществу принята большинствомъ лучшихъ молодыхъ и смѣлыхъ охотниковъ. Менѣе сильные, менѣе ловкіе, а главное, неимѣющіе средствъ завести себѣ хорошей собаки, добываютъ соболя болѣе простымъ способомъ: вокругъ своего зимовья, по радіусамъ, на $^1/_2$—1 версту разставляются особыя ловушки, въ нихъ кладется кусокъ конины или другого мяса и голодный соболь забирается самъ въ ловушку. Правда, такой способъ охоты даетъ меньше добычи. Обширная глухая тайга хранитъ въ себѣ много свободной добычи, чтобы соболь могъ пропитаться и безъ коварной помощи человѣка, тѣмъ болѣе, по увѣренію охотниковъ, этотъ дорогой звѣрекъ обладаетъ недюженной хитростью и, слѣдовательно, въ разставленные силки попадается рѣдко.

За передовыми и смѣлыми охотниками, уходящими за своею добычею далеко въ глубь тайги, доходившихъ иногда почти до самыхъ верховьевъ рѣки Кизира или Казыра, т. е. верстъ за 150—200 отъ населенныхъ мѣстъ, исходившихъ почти всѣ притоки,—тянутся ихъ сосѣди, а за ними, въ болѣе близкой тайгѣ, промышляютъ крестьяне изъ минусинскихъ подтаежныхъ деревень. По долинѣ р. Кизира по преимуществу охотятся минусинскіе татары-сагайцы, а иногда и качинцы.

Есть охотники, которые въ зиму добываютъ 20—30 шт. соболей; считая въ среднемъ за соболя 25 рублей, среднiй

заработокъ лучшаго охотника достигаетъ въ зиму 500—700 рублей.

Соболь, убитый въ октябрѣ и въ ноябрѣ, считается еще не высокаго достоинства, т. к. шерсть еще не такъ велика и пушиста, а уже въ концѣ января, въ февралѣ шерсть у соболя сбивается, слѣдовательно наиболѣе цѣнный соболь,—добытый въ декабрѣ и началѣ января.

Какъ только охотники начинаютъ выходить изъ тайги, ихъ уже ждутъ на заимкѣ, у устья Коннаго Таята, скупщики, по преимуществу татары, и скупаютъ пушнину.

Въ тайгѣ человѣкъ больше опасается своего собрата человѣка, чѣмъ звѣря. Охотникъ добывшій десятокъ хорошихъ соболей—представляетъ собою добычу болѣе цѣнную, чѣмъ самородокъ золота на пріискахъ. Часто изъ-за угла другъ друга подстерегаютъ, а, въ особенности, если въ тайгу забрался чужой человѣкъ. Слава о ловкости и жестокости „кержаковъ" облетѣла всѣ Саяны и охраняетъ тайгу отъ излишнихъ охотниковъ.

Кстати не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о жизни въ Саянской тайгѣ нашихъ старообрядцевъ.

Заимка „Конный Таятъ" на берегу р. Казыра служитъ нѣчто въ родѣ скита старообрядцевъ. Въ самой заимкѣ, раскинутой по обоимъ берегамъ Казыра, какъ я уже говорилъ, живетъ до 10 семействъ старообрядцевъ, а въ окрестностяхъ, въ 3—5—10 верстахъ отъ заимки, въ тайгѣ, возлѣ озеръ, раскинуты отдѣльные домики, въ которыхъ спасаются отшельники старовѣры. Всѣ эти отдѣльные „скиты" составляютъ какъ-бы одну общину.

Этой общиной управляетъ начетчикъ. Старообрядцы считаютъ его своимъ архіереемъ. Молодой, энергичный и хитрый, онъ оказывается весьма строгимъ и требовательнымъ къ своимъ единовѣрцамъ, отличается очень высокой набожностью и глубокимъ знаніемъ старообрядческихъ книгъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ съ товарищемъ спасались

(вѣрнѣе скрывались) далеко въ тайгѣ, почти въ верховьяхъ р. Казыра, туда имъ старообрядцы, зимою, по рѣкѣ, завозили хлѣбъ, мясо и испрашивали ихъ совѣтовъ и указаній. Затѣмъ оба они вышли въ скиты Коннаго Таята и одинъ уже куда то скрылся.

Въ этихъ скитахъ проживаютъ по преимуществу старики и старцы.

Въ минусинскихъ селахъ, по низовьямъ Казыра и Кизира, живетъ очень много старообрядцевъ, которые и являются въ Конный Таятъ за совѣтами и молитвою къ подвижникамъ старой вѣры. Эти поклонники и молельщики привозятъ богатыя доброхотныя даянія хлѣбомъ, овощами, мясомъ и деньгами. Лѣтомъ, старообрядцы изъ деревень пріѣзжаютъ сюда, чтобы заготовить для „скита" сѣна на зиму, такъ какъ почти у всѣхъ старушекъ и старичковъ, живущихъ по „скитамъ", имѣются коровы.

Заброшенный далеко въ глубь тайги, соединенный съ русскими селами только таежною тропою, скитъ Коннаго Таята является опорою старообрядчества, по крайней мѣрѣ для Минусинскаго уѣзда. Дальше отъ Коннаго Таята, въ тайгу уже нѣтъ никакихъ путей сообщенія и лѣтомъ съ большими опасностями можно на нѣсколько верстъ подняться по рѣкѣ Казыру на лодкѣ; по берегу же пройти невозможно, если не прорубаться, такъ, какъ прорубались мы, со скоростью 5 верстъ въ сутки, при упорной работѣ 11 человѣкъ топорами. Поэтому, скитъ Коннаго Таята, является удобнымъ убѣжищемъ для всѣхъ, кому нужно скрыться. При появленіи кого-нибудь изъ міра, а, особенно, изъ начальства, такимъ лицамъ легко уйти отъ Коннаго Таята въ тайгу на 10—20 верстъ и никакія ищейки не найдутъ укрывающагося.

Останавливаясь на краткомъ обзорѣ звѣропромышленности въ Саянской тайгѣ. Необходимо еще упомянуть о ежегодныхъ переходахъ урянховъ-звѣролововъ-оленеводовъ въ нашу тайгу, въ верховья р. Казыра, на охоту по соболю.

Отправляясь изъ верховьевъ р. Хамсары и Систикема, урянхи со всѣми своими семьями, со стадами оленей переходятъ такъ называемый пограничный (юго-западный) хребетъ, разбиваютъ свои аулы гдѣ нибудь въ долинахъ лѣвыхъ притоковъ Казыра и правыхъ притоковъ Амыла, въ глухой тайгѣ. Оставивъ семью на бивакѣ, урянхи мужщины, верхомъ на оленѣ, скитаются по тайгѣ въ погонѣ все за тѣмъ же соболемъ.

Въ ноябрѣ или декабрѣ урянхи возвращаются изъ предѣловъ Россіи въ верховья Хамсары или Систикема и тамъ ихъ уже ожидаютъ хошунные правители, собираютъ съ нихъ албанъ (подати), берутъ подарки тѣмъ же соболемъ, и тутъ-же, при помощи тѣхъ-же хошунныхъ правителей, собираютъ соболя у урянховъ и русскіе торговцы за долги, конечно, открывая немедленно имъ широкій кредитъ въ счетъ будущей охоты.

Въ русскую тайгу уходятъ на охоту урянхи слѣдующихъ арбановъ*) Тоджинскаго хошуна: два арбана—колъ-сумо и два арбана Адъ-чоды-сумо.

Всего бываетъ въ нашей тайгѣ, по разсказамъ торгующихъ, около 1000 урянховъ охотниковъ звѣролововъ. Добываютъ въ среднемъ по 10—20 соболей на ружье. Слѣдовательно, ежегодно изъ нашихъ русскихъ владѣній уносится въ Урянхайскую землю около 10000—20000 соболей. Незначительная часть этихъ соболей возвращается въ Россію русскими торгующими, но большая часть уходитъ въ Монголію и, по преимуществу, въ Улясутай, а изъ Улясутая—въ Пекинъ.

Этими соболями урянхи уплачиваютъ албанъ (подати), считая съ каждой души по 4—2 соболя, этими-же соболями одариваются въ Улясутаѣ Цзянь-Цзюнь и китайскіе чиновники. За этихъ соболей урянхайскіе чиновники получаютъ награды: курмы, шарики и перья на шляпу.

Заканчивая статью о положеніи нашей звѣропромышленности въ Саянской тайгѣ, нельзя не высказать сожалѣнія,

*) Арбаномъ называется мелкая административная единица, подобно нашему сельскому обществу или у нашихъ инородцевъ „роду“.

что за нею не имѣется никакого надзора и она ничѣмъ и никѣмъ не урегулирована.

Массовое истребленіе соболя, въ продолженіи почти всего года, а главное въ періодъ „гонки“ соболя можетъ привести къ совершенному уничтоженію этого столь дорогого звѣрька. Если необходимы законы объ охотѣ въ культурныхъ мѣстностяхъ Россіи, то тѣмъ болѣе они необходимы въ тайгѣ, пока еще хранящей въ себѣ милліонныя богатства.

Фауна Саянской тайги.

Въ сѣверныхъ Саянахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ: дикіе маралы, косули, рѣже лисица, ближе къ горному узлу—сѣверный олень, рѣдко встрѣчается лось (по мѣстному названію „сохатый“), но главное богатство сѣверныхъ Саянъ—бѣлка и рѣже соболь. Конечно, постояннымъ хозяиномъ тайги считается медвѣдь.

Въ восточныхъ Саянахъ встрѣчаются тѣ-же породы звѣрей, но кромѣ того мнѣ приходилось встрѣчать большіе табуны кабановъ, есть рыси; соболя и бѣлки въ этомъ склонѣ значительно больше. Здѣсь встрѣчается крупный черный медвѣдь.

Въ западныхъ Саянахъ, въ глухой тайгѣ, больше охотятся, какъ уже я говорилъ, по соболю и бѣлкѣ, но часто встрѣчается медвѣдь и маралъ.

Пути сообщенія.

Собственно въ самыхъ Саянахъ можно сказать нѣтъ путей сообщенія, есть тропы, да и то весьма въ ограниченномъ числѣ. Укажемъ наиболѣе извѣстныя и важныя, начиная съ востока, отъ долины Иркута.

1) Отъ Мондинскаго миссіонерскаго стана, вдоль по хребту, верховьями р.р. Иркута, Оки, Хара-бурени (притокъ Уды) до бывшаго Удинскаго пограничнаго караула и отъ него на Бирюсинскіе пріиска,—очень хорошая и удобная тропа.

2) Отъ русскихъ подтаежныхъ селеній, на бывшемъ Московскомъ, трактѣ къ границѣ:

a) Въ верхъ по р. Китою, съ большимъ трудомъ и опасностями, при хорошихъ проводникахъ, можно дойти до графитоваго пріиска Алибера, а отъ него на Окинскій караулъ.

б) По рѣкѣ Окѣ въ верхъ до Окинскаго караула.

в) Отъ г. Нижнеудинска къ верховьямъ Уды и Бирюсы имѣется двѣ тропы: одна, *казачья*, по которой прежде ходили казаки на Удинскій караулъ, а другая, *пріисковая*—въ верховья р. Бирюсы, на Бирюсинскіе пріиски, отъ которыхъ имѣется двѣ тропы: одна черезъ восточные Саяны въ верховья рѣки Хамсары, другая по верховьямъ р. Агула, въ Канскій уѣздъ.

г) Со стороны Канска есть тропы къ верховьямъ р. Кана, Маны и Агула, но дальше верховьевъ этихъ рѣкъ, въ систему р. Кизира, тропъ не имѣется.

3) Отъ с. Агинскаго есть тропа черезъ среднее теченіе р. Маны, до Минусинской степи.

4) По рѣкѣ Кизиру и Казыру, уже я упоминалъ, что тропы вдаются въ тайгу не далеко, не больше 100—150 верстъ, а дальше, въ глубь тайги, можно подняться только зимою по рѣкамъ, да по снѣгамъ—на лыжахъ.

5) Изъ Минусинскихъ степей, по Амылу, до самыхъ его верховьевъ, въ предѣлы Урянхайской земли—хорошая вьючная тропа, пріисковая.

6) Наконецъ, двѣ тропы на с. Усинское, изъ которыхъ одна отъ д. Григорьевки, по М. Кебежу, черезъ верховья р. Казыръ-сукъ, Ои, до с. Усинское; содержится въ порядкѣ, но открыта только съ мая по октябрь, а другая ближе къ Енисею, черезъ нижнее теченіе Казыръ-сука, она и лѣтомъ почти непроходима; на ней погибъ лѣтомъ 1903 года Генеральнаго Штаба Подполковникъ Верещагинъ.

Всѣ тропы—вьючныя, горныя, таежныя, съ глубокими и опасными бродами черезъ бурныя рѣки, съ крутыми подъемами и спусками.

Во всей разсматриваемой области имѣется только одна *колесная дорога*, это по долинѣ р. Иркута, до Мондинскаго стана и далѣе черезъ Мондинскій перевалъ до озера Косогола, отъ котораго по восточному берегу можно на легкомъ экипажѣ проѣхать въ Монголію.

УРЯНХАЙСКАЯ ЗЕМЛЯ.

(Засаянскій край).

Границы. На сѣверѣ: Юго-Западный хребетъ Саянской горной системы, на востокѣ—юго-восточный хребетъ той-же системы, на югѣ—южный берегъ озера Косогола и южные отроги хребта Танну-ола, на западѣ—горный узелъ Кузнецкаго Алатау.

Поверхность. Урянхайская земля занимаетъ собою всю систему р. Верхняго Енисея.

Горные отроги Саянъ и Танну-ола заполняютъ собою всю площадь бассейна р. Верхняго Енисея, образуя горную страну, при этомъ склоны западныхъ Саянъ, постепенно спускаясь, подходятъ къ самому руслу Верхняго Енисея, образуя правый, высокій, нагорный берегъ Енисея съ широкими боковыми долинами.

Изъ отроговъ этого склона наиболѣе крупными являются водораздѣлы между р.р. Хамсарой и Систикемомъ, между Систикемомъ и Себи и между р. Утъ и Оджа. Причемъ послѣдніе два водораздѣла подходятъ къ самому Енисею, образуя крупныя отвѣсныя скалы на берегу р. Енисея. Водораздѣлъ между р. Оджа и Тураномъ хотя и высоко поднимается надъ долинами, но протянулся на югъ недалеко и постепенно переходитъ въ холмистую степь. Но особенно сложную систему представляютъ отроги Саянъ, на пространствѣ между туранскою степью и долиною р. Уса.

Отъ южнаго горнаго узла Саянской системы, Мунко-сардыкъ, отходитъ мощный хребетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, съ вѣчно-бѣлѣющими вершинами, переходя предѣлы лѣсной растительности; этотъ хребетъ составляетъ водораз-

дѣлъ между р. Енисеемъ и его лѣвымъ притокомъ Хакемомъ.

Хребетъ Танну-ола, по соединенію съ отрогами горнаго узла Алатау, направляется съ запада на востокъ, сначала образуетъ широкую долину р. Кемчика, затѣмъ отпускаетъ на сѣверъ два широкихъ отрога, изъ коихъ, первымъ стѣсняетъ теченіе Енисея и заставляетъ его, около устья Чакуля, повернуть на сѣверъ, а вторымъ стѣсняетъ теченіе р. Хакемъ, близко подходя къ южному отрогу Саянъ.

Какъ южные отроги западныхъ Саянъ, такъ и хребетъ между Хакемомъ и Енисеемъ, а въ особенности Танну-ола въ его западной части, хотя и создаютъ горную страну, но она не отличается той дикой, хотя и мощной, пустынностью и неприступностью какъ Саянская горная страна; наоборотъ въ Урянхайской землѣ горы открываютъ много долинъ съ обширными степями, страна покрыта богатыми лѣсами и самыя горы не отличаются непроходимостью. Урянхайская земля съ сѣвера и востока закрыта Саянскою горною страною съ юга —хребтомъ Танну-ола и Монгольскимъ высокимъ плоскогоріемъ, съ запада—отрогами кузнецкаго Алатау съ горнымъ узломъ верховьевъ Чуи, и представляетъ собою скорѣе котловину съ покатостью на сѣверо-западъ, по теченію рѣки Енисея.

истема р. Верхняго Енисея.

Этимъ именемъ можно назвать теченіе р. Енисея отъ его истоковъ до предѣловъ Усинскаго края, въ предѣлахъ Урянхайской земли.

Въ нашей литературѣ и, даже, на картахъ, усвоено названіе этой рѣки: Пиг-кемъ, Бей-кемъ, Улу-кемъ. Эти названія естественно слышать въ устахъ урянховъ, но не отъ русскихъ, а тѣмъ болѣе не въ русской литературѣ и картахъ: Енисей великая, русская рѣка, и намъ, русскимъ, слѣдовалобы называть ее этимъ именемъ на всемъ теченіи. Даже урянхи и тѣ теперь привыкли называть Енисеемъ. Странно былобы намъ, даже въ литературѣ, поддерживать чуждыя намъ названія и вводить нѣсколько названій одной и той-же рѣкѣ.

Онъ беретъ начало изъ горнаго узла южной части Саянъ и Дархатской горной системы, протекаетъ сначала въ сѣверо-западномъ направленіи до впаденія Хамсары, затѣмъ подъ давленіемъ южныхъ отроговъ западныхъ Саянъ поворачиваетъ на западъ—юго-западъ, пройдя въ этомъ направленіи около 300 верстъ, встрѣчаетъ отрогъ Танну-ола; подъ давленіемъ котораго поворачиваетъ на сѣверъ и, прорвавшись среди отроговъ Саянъ, входитъ въ Минусинскій уѣздъ, принимая общее направленіе на сѣверъ. Уже отъ впаденія р. Хамсары, Енисей пріобрѣтаетъ типъ крупной водной артеріи. Шириною, мѣстами, до 100 саженъ, глубиною не менѣе сажени, при скорости теченія 7 верстъ въ часъ, а принявъ слѣва р. Малый Енисей (Хакемъ), Енисей становится еще шире и глубже, еще величественнѣе. Почти отъ самыхъ верховьевъ рѣка сплавная; по ней ежегодно прогоняется много плотовъ, на которыхъ сплавляется въ Россію рыба, а въ послѣднее время, пытаются сплавлять и монгольское сырье. Спускъ на плотахъ возможенъ только съ хорошими опытными лоцманами, такъ какъ при неопытности нельзя, безъ серьезнаго риска, пройти черезъ Утскій и другіе пороги и перекаты, изъ которыхъ особенно опасенъ такъ называемый „*Большой*“ (Казыръ-сукскій) порогъ, уже въ предѣлахъ Минусинскаго уѣзда. Плоты дѣлаются очень длинные изъ крупнаго лѣса, особенно прочно скрѣпляются; при проходѣ черезъ пороги плотъ нерѣдко заливается весь водою; но малѣйшая оплошность можетъ быть гибельной.

Наиболѣе значительный изъ правыхъ притоковъ Енисея р. *Хамсара.* При устьи р. Хамсара достигаетъ до 50—70 с. шириною, очень глубокая и быстрая. Она принимаетъ справа: *Нижн. Узя, Джабашъ, Кадросъ, Верхн. Узя, Коже-Кемъ, Посъ-Кемъ* и слѣва р. *Бал-терганъ.*

Изъ этихъ притоковъ Хамсары крупнѣйшій Джабашъ, въ свою очередь составляется изъ притоковъ, справа: *Казылъхоя, Джагма-кемъ, Малый Кадросъ* и слѣва: *Казасъ* и *Арчелъ.*

Вторымъ по величинѣ изъ правыхъ притоковъ Енисея будетъ р. *Систикемъ,* впадающій въ Енисей въ 27 верстахъ ниже Хамсары, шириною до 20 саженъ, глубиною на бродахъ по сѣдло лошади; длиною отъ верховьевъ до устья около 150 верстъ.

Онъ принимаетъ справа: *Блязикъ, Алгіякъ, Сикемъ, Корганъ, Залтыкъ, Кугеръ.* Слѣва: *Чентанъ, Айна, Чапса* (съ большимъ озеромъ въ верховьяхъ, *Биллихъ-куль,* до 20 вер. длиною), *Джабарташъ, Иргитъ-кемъ, Таркатъ-кемъ, Акъ-сукъ, Тозанъ.*

Какъ Хамсара, такъ и Систикемъ рѣки сплавныя, богаты рыбою. Большая часть изъ притоковъ беретъ начало изъ озеръ. Особенно богата озерами система Хамсары.

Ниже Систикема по теченію, впадаютъ въ Енисей справа: р.р. *Тузъ, Дшаты-кемъ, Карагашъ, Тонгоръ-пажъ, Балгашъ-кезикъ, Себи, Утъ* съ *Манасомъ, Кунюкъ, Оджа, Казыкъ-Чадыръ, Уюкъ* съ *Тураномъ, Бегре, Мугенъ, Систерликъ, В. Баенголъ, Ербекъ, Н. Баенголъ, Иджимъ, Темиръ-сукъ, Или-кемъ, Кули-кемъ, Чинга, Ургутъ.*

Всѣ эти правые притоки не такъ значительны, въ большинствѣ не превосходятъ 4—5 саженъ шириною и всѣ проходимы вбродъ.

Слѣва: въ рѣку Верхній Енисей впадаютъ начиная съ верховьевъ: *Туруксукъ, Хелискаленъ, Хоростъ, Хемюсъ, Ирджикъ, Красная, О-кемъ, Таловка, Большой Бусъ, Малый Бусъ, Тапса, М. Енисей (Ха-кемъ), Элегестъ, Байрыкъ, Сенекъ, Баенъголъ, Чата, Шаганаръ, Чакуль* и *Кемчикъ.*

Наиболѣе крупные изъ лѣвыхъ притоковъ Верхняго Енисея *М. Енисей (Ха-кемъ)* и *Кемчикъ.*

Рѣка Малый Енисей (или Ха-кемъ) и Кемчикъ имѣютъ многочисленные притоки. *М. Енисей* (Ха-кемъ) *справа,* начиная отъ устья: Босъ, Бейсикъ, Хобто, Чемъ, Мергенъ, Терзимъ Додзикъ, Хамсаръ, Билимъ, Тынгызъ, Хангерей, Урей. *Слѣва:* Брень, Кара-Муринъ, Сидзикемъ, Сарлыкъ, Шишкинъ, Сарахъ, Улу.

Кемчикъ: справа, начиная отъ устья: Джаданъ, Сели-сукъ, Шеми, Джергакъ, Оянъ-гоя, Барлыкъ, Чуя. Слѣва: Шумшимъ, Теликъ, Ишкимъ, Аксукъ, Алачинъ, Кунделенъ.

Вся обширная водная система Енисея богата рыбою, здѣсь встрѣчаются: таймень, бываетъ иногда вѣсомъ отъ 1—2 пудовъ, ленокъ отъ 30 ф. до $1^1/_2$ пуда, сигъ отъ 5—20 ф., хайрюсъ и разные виды бѣлорыбицы; въ верховьяхъ нѣкоторыхъ притоковъ Хамсары и Систикема встрѣчаются бобры и выдры; прежде говорятъ бобровъ было много, но теперь уже во многихъ мѣстахъ исчезли.

По мнѣнію большинства спускавшихся по Енисею на плотахъ, онъ на всемъ протяженіи отъ Минусинска до впаденія въ него р. Хамсары судоходенъ, если убрать камни и разчистить его русло.

Долина рѣки В. Енисея. Участокъ отъ истоковъ р. Енисея до впаденія р. Хамсары, по разсказамъ, представляетъ собою холмистую степь, раскинутую по обоимъ берегамъ Енисея, съ особеннымъ развитіемъ по нижнему теченію р.р. Дорокемъ и Іи. Эта степь, по разсказамъ русскихъ торгующихъ, поросла хорошими кормовыми травами: кипецъ, ковыль и др., она защищена горами со всѣхъ сторонъ, очень удобна для культуры и въ особенности для скотоводства.

Отъ устья рѣки Хамсары до устья М. Енисея (Ха-кема) долина В. Енисея стѣснена отрогами западныхъ и южныхъ Саянъ: но, на пространствѣ между устьями Хамсары и Систикема, долина шириною около 5—8 верстъ, представляетъ отличные боровые луга, съ черноземною почвою, очень удобна для культуры и скотоводства.

Отъ устья Систикема долина сначала стѣсняется отвѣсными скалами, а затѣмъ, открывается прибрежная широкая степь длиною верстъ на 15—20, которая почти сливается съ степною долиною Карагаша.

Отъ Карагаша до Себи справа долина ограничивается почти отвѣсными горами, а лѣвый берегъ пологій и широкій.

Между Себи и М. Енисеемъ (Ха-кемомъ), Енисей течетъ среди скалъ. Далѣе отъ устья М. Енисея (Ха-кема) почти до р. Байрыкъ, слѣва, раскинулась обширная холмистая степь: съ сѣвера на югъ около 150 в. и почти столько-же съ запада на востокъ; справа долина Енисея стѣсняется южными отрогами западнаго Саяна, постепенно понижающимися и близко подходящими къ рѣкѣ, оставляя лишь небольшія береговыя полоски. Приблизительно отъ устья Чакуля,— долина стѣснена горами: слѣва, отрогами Танну-ола и справа—Саянами и затѣмъ, между отрогами Саянъ и Кузнецкаго Алатау, протекаетъ, почти до Минусинска, среди горныхъ береговъ.

Долины правыхъ притоковъ Енисея: Долина р. Хамсары при устьѣ расширяется верстъ на 15—20; удобна для культуры, а выше уже стѣсняется горами: въ верховьяхъ системы имѣются, говорятъ, довольно большіе горные луга.

Долина р. Систикема, почти на всемъ протяженіи, около 150 верстъ, рѣдко стѣсняется горами, имѣетъ луговой характеръ, пересѣкаемый площадями хорошаго сосноваго, лиственичнаго и березоваго лѣса. Вся долина шириною отъ 5—20 верстъ, удобна для культуры.

Между р. Систикемомъ и Карагашемъ по склонамъ горъ открываются долины съ широкими лѣсными лугами, лѣсъ рѣдкій, мѣстность удобная для культуры.

Р. Карагашъ—при устьѣ образуетъ долину шириною въ 5—7 верстъ, длиною верстъ 15—20, съ черноземною почвою, покрыта высокими травами лѣсной флоры, окружена строевыми лѣсами, вполнѣ удобна для культуры. Рѣчка небольшая, но удобная для рыбной ловли. Перевалъ отъ Карагаша къ Себи имѣетъ нѣсколько удобныхъ для культуры небольшихъ долинъ и горныхъ скатовъ.

Рѣка Себи образуетъ степную долину длиною верстъ на 25—30, шириною въ 10—15 вер. и, черезъ небольшой лѣсной перевалъ, соединяется съ еще болѣе широкою степною долиною р. Ута. Утская и Себинская долины вмѣстѣ представляютъ

Р. Верхній Енисей (Бей-кемъ) при впаденіи р. Систикемъ.

Хребетъ Танну-Ола (сѣверный склонъ).

собою степь шириною около 50 в. и длиною 30—40 в., на которой имѣются прекрасные луга, пастбища и боровыя площади.

Перевалъ отъ Ута къ Оджѣ крутой, высокій и покрытъ на небольшомъ пространствѣ по обоимъ скатамъ труднопроходимымъ болотистымъ лѣсомъ.

Степная долина р. Оджи, сжатая въ верховьяхъ двумя горными кряжами, имѣетъ ширину только 5—8 верстъ, но ниже образуетъ обширную степь верстъ на 20 шириною и черезъ небольшой лѣсной перевалъ соединяется съ степною долиною р. Турана и Уюка. Непосредственно съ долиною Оджи сливаются широкія степныя долины ея нѣсколькихъ притоковъ. Вмѣстѣ двѣ долины Оджи, Турана съ Уюкомъ образуютъ степную площадь шириною верстъ на 40—50 и длиною 50—70.

Долина р. Бегряды образуетъ довольно широкую степную площадь при устьѣ, верстъ на 15—20 длиною и 8—12 верстъ шириною.

Долины рѣкъ Систерлика и Баенгола образуютъ, въ своихъ верховьяхъ, почти сплошныя степи, а въ нижнемъ теченіи, хотя и не широкія, но удобныя для культуры площади. Такимъ образомъ почти всѣ южныя склоны западныхъ Саянъ вообще вполнѣ удобны для культуры.

Изъ *лѣвыхъ притоковъ В. Енисея* образуютъ удобныя для культуры долины р. Тапса, а затѣмъ, по лѣвому берегу Енисея (Улу-кема), раскинулась указанная выше обширная степь отъ р. Брени до р. Байракъ. Но она орошается недостаточно. Незначительныя воды этой степи: рѣка Элегестъ и другія постепенно усыхаютъ; культурная обработка степи возможна съ большими затратами на орошеніе; лишь по верхнимъ истокамъ р. Брени, (и ея притока Шурмака), по рѣкамъ Элегесту и Байрыку и вдоль у подножія сѣвернаго склона хребта Танну-ола возможно и теперь раскинуть на большомъ пространствѣ культурное населеніе; гдѣ имѣется достаточно влаги и близость отличнаго строевого лѣса (хребетъ Танну-

ола покрытъ сибирскою лиственницей). На всей степи возможно процвѣтаніе хорошей скотоводческой культуры.

Рѣка Кемчикъ, въ верхнемъ своемъ теченіи, образуетъ еще болѣе обширную степь, чѣмъ только-что описанная. Закрытая со всѣхъ сторонъ горами, кемчикская степь обладаетъ, по разсказамъ торгующихъ, мягкимъ климатомъ; по этому, урянхи, первобытными земледѣльческими орудіями, воздѣлываютъ пшеницу и не только питаются сами, но даже продаютъ пшеницу. Въ 1902 году, разсказываютъ, было снято около 100 тысячъ пудовъ хлѣба, изъ нихъ вывезено русскими около 10 тысячъ пудовъ и сплавлено Енисеемъ, даже, въ Россію.

Долина рѣки М. Енисея слѣва, отъ устья до Брени степная, а затѣмъ, стѣснена горами и открываетъ лишь небольшія луговыя мѣста. Справа-же долина стѣснена отъ самаго устья южнымъ отрогомъ Саянъ.

Климатъ. Восточная часть Урянхайской земли по М. Енисею (Хакему) и Верхнему Енисею (Бей-кему) относительно имѣетъ много влаги; съ постепеннымъ приближеніемъ на западъ—влаги падаетъ все меньше и меньше; но въ общемъ, сравнительно съ монгольскимъ плоскогоріемъ, Урянхайская земля имѣетъ больше влаги, а въ сравненіи съ Саянами—несоразмѣрно меньше. Снѣгъ начинаетъ падать въ половинѣ августа. Зимою—глубокіе снѣга выпадаютъ по правымъ притокамъ Енисея и на водораздѣлѣ между М. Енисеемъ (Ха-кемомъ) и В. Енисеемъ; по лѣвой сторонѣ Енисея, степной,—большихъ снѣговъ не бываетъ; т. к. сильные вѣтры сдуваютъ и уносятъ снѣгъ со степей. Весна наступаетъ раньше, чѣмъ въ Саянахъ и Монголіи, къ началу Мая растительность уже порядочно поднимается. Закрытая Саянами, отъ холодныхъ вѣтровъ съ сѣвера, а хребтомъ Танну-ола съ юга, отъ сухихъ вѣтровъ—Урянхайская земля имѣетъ умѣренный климатъ, который смягчается еще богатствомъ лѣсовъ и водныхъ пространствъ. Но тѣмъ не менѣе климатъ суровѣе Минусинскихъ степей.

Растительность. Степи долинъ правыхъ притоковъ Енисея ограничены по преимуществу лиственницей и частью сосною; эти деревья покрываютъ и отроги южнаго склона Саянъ и весь хребетъ Танну-ола, но съ повышеніемъ мѣстности надъ уровнемъ моря, въ Саянахъ преобладаетъ сосна, а около водораздѣловъ иногда и самые водораздѣлы покрыты кедромъ. Степи и склоны горъ покрыты хорошими кормовыми травами.

Фауна. Южныя склоны западныхъ Саянъ богаты соболемъ, бѣлкою, маралами, оленями, косулями, лосемъ и медвѣдемъ. Степи оживлены сурками. Всѣ эти животные служатъ богатымъ источникомъ охотничьяго промысла.

Золотоносные районы. Долина р. Систикема съ ея притоками, Сикемъ, Айна, Джаборташъ и прочіе правые притоки, а равно притоки р. Хамсары, верховья р.р. Себи, Ута и Оджи, устье Уюка и многія долины прочихъ правыхъ притоковъ Енисея богаты руднымъ и разсыпнымъ золотомъ. Русскіе здѣсь произвели много развѣдокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производятъ разработку. Водораздѣлъ между М. Енисеемъ (Ха-кемомъ) и В. Енисеемъ образуетъ рядъ узкихъ горныхъ долинъ, отличающихся также содержаніемъ золотоносной руды, а на р. Тапсѣ начинается уже разработка; въ лѣвыхъ притокахъ Ха-кема, говорятъ, даже урянхи при помощи чайныхъ чашекъ, промываютъ песокъ и получаютъ первобытными способами золото.

Населеніе *въ Этнографическомъ отношеніи.* Жители Урянхайской земли сами себя называютъ Туба-улусъ или урянхи, монголы называютъ ихъ урянхи, русскіе сойоты; они представляютъ собою большое разнообразіе этнографическихъ типовъ, начиная отъ чисто монгольскаго, переходя къ тюркскому и достигая почти до славянскаго. Встрѣчаются даже типы, похожіе на тунгусовъ и якутовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ почтенныхъ стариковъ урянховъ, туба-улусъ или урянхи пришли сюда изъ Россіи и раньше принадлежали Россіи.

По языку. Всѣ урянхи говорятъ на одномъ языкѣ и несомнѣнно принадлежатъ къ группѣ тюркскихъ народовъ; родственны

нашимъ саянскимъ инородцамъ: сагаямъ, качинцамъ и карагазамъ, но нарѣчіе западныхъ урянховъ очень серьезно отличается отъ нарѣчія восточныхъ урянховъ, а урянхи, кочующіе по Танну-ола, имѣютъ много словъ монгольскихъ. Словомъ, нѣтъ сомнѣній, что здѣсь встрѣчается такое-же разнообразіе рѣчи, какъ и типа. Однако, почти всѣ урянхи, понимаютъ рѣчь нашихъ семипалатинскихъ киргизовъ и минусинскихъ татаръ.

По образу жизни. Всѣ урянхи принадлежатъ къ кочующимъ народамъ, но урянхи системы р. Хамсары и Систикема, по преимуществу, оленеводы-звѣроловы. Всѣ-же остальные-скотоводы.

Жилище. У оленеводовъ жилищемъ служитъ конусообразный шалашъ, составленный изъ нѣсколькихъ тонкихъ жердей, въ основаніи кругъ, діаметромъ 2 сажени, высотою до $2^1/_2$ саж., покрытый берестянною или другою какою-нибудь корою, а у болѣе зажиточныхъ—оленьими и другими шкурами*). У скотоводовъ жилищемъ служитъ войлочная юрта, въ видѣ усѣченнаго конуса, вполнѣ схожая по устройству съ юртами другихъ кочующихъ народовъ Азіи.

Обыкновенно юрта (или аль) урянха по срединѣ имѣетъ очагъ, огороженный желѣзною рѣшеткою; надъ очагомъ отверстіе для выхода дыма. Юрта устилается кошмами, впереди противъ входа на шкафахъ разные идолы и жертвоприношенія, на право и на лѣво, вдоль стѣнъ, шкафы съ имуществомъ, у нѣкоторыхъ, на право, постели; утварь хранится на право у двери. Урянхи, какъ и монголы, сидятъ прямо на кошмахъ, для почетныхъ гостей подстилается коверъ. Обыкновенно почетнаго гостя усаживаютъ противъ двери, между очагомъ и шкафами съ идолами. Передъ каждымъ гостемъ ставятъ маленькія скамейки, замѣняющія собою столъ. Первое угощеніе нюхательный табакъ, а затѣмъ чай.

Пища. Пищу урянховъ составляютъ чай и молоко, у оленеводовъ оленье, а у скотоводовъ—скотское и конское. Хлѣбъ

*) Подобно жилищу карагазовъ. См. выше Област. Саян. Горн. Сист.

составляетъ принадлежность только богатыхъ урянховъ, да жителей кемчикской долины. У большинства же хлѣбъ замѣняется сушенымъ квашенымъ молокомъ и корнями растенiй. Какъ молоко, такъ и корни растенiй съ лѣта, особымъ образомъ, приготовляются женщинами на всю зиму. Тѣ урянхи, которые близко живутъ около русскихъ хуторовъ и деревень, берутъ хлѣбъ у русскихъ въ счетъ работы, скота или пушнины. Мясо употребляется въ пищу только богатыми скотоводами, да и то въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, а у большинства бѣдноты только является счастливымъ исключенiемъ. Оленеводы лакомятся иногда кониною, да тѣмъ, что удается убить на охотѣ.

Средства къ жизни.

Бюджетъ урянховъ-оленеводовъ, по преимуществу, зиждется на звѣропромышленности. Всего охотниковъ 800—1000 человѣкъ. Съ начала сентября урянхи-оленеводы системы Хамсары и Систикема забираютъ своихъ оленей и покупаютъ у русскихъ торгующихъ всякаго рода запасы, пороху, дроби, а иногда и хлѣба и уходятъ въ горы западныхъ Саянъ, переходятъ русскую границу и здѣсь въ предѣлахъ Россiи, въ вершинахъ р.р. Казыра, Кизира, Хамсары, Систикема и Амыла, въ глухой русской тайгѣ, охотятся за соболемъ и бѣлкою, добывая въ среднемъ по 10—20 штукъ соболя и по нѣсколько десятковъ бѣлокъ на человѣка. Въ половинѣ октября они возвращаются въ Урянхайскую землю съ добычею и здѣсь, при выходѣ изъ горъ, ихъ сторожатъ русскiе торговцы и урянхайское начальство и получаютъ изъ добычи долги и подати; часто урянхи остаются снова безъ наличныхъ средствъ, но имъ открывается извѣстный кредитъ, которымъ и живетъ оленеводъ до новой добычи. Въ теченiи зимы, весны и лѣта урянхи охотятся за мѣстнымъ звѣремъ: мараломъ, лосемъ, медвѣдемъ, козою, сбывая тотчасъ же шкуры мѣстнымъ русскимъ торговцамъ за долгъ, а мясо употребляютъ въ пищу, или увозятъ за 100 и болѣе верстъ, на русскiе золотопромышленные заведенiя.

Оленеводы большую часть года кочуютъ въ горахъ и среди лѣсовъ, ежедневно перемѣняя свои кочевки, такъ какъ олень не стоитъ на одномъ пастбищѣ, а постоянно переходитъ. Поэтому районъ кочевій каждой семьи урянха-оленевода бываетъ очень обширенъ. Зимою и весною держатся больше въ лѣсныхъ долинахъ, осенью на охотѣ по соболю въ казырской и саянской тайгѣ, а лѣтомъ по вершинамъ хребтовъ, выше предѣловъ лѣсной растительности.

Скотоводы кочуютъ со своими стадами по степямъ и только на короткій промежутокъ отлучаются въ горы для охоты за соболемъ и бѣлкою, добывая себѣ вспомогательныя средства этою охотою.

Въ прежнее время урянхи считались одними изъ богатѣйшихъ скотоводовъ въ сѣверной Монголіи, скотъ крупной породы, лошади бойкія, сильныя и крупнѣе монгольскихъ. Послѣдніе годы скотоводство падаетъ въ сильной степени. Кто виноватъ въ этомъ печальномъ явленіи сказать трудно. Г. Яковлевъ*) напримѣръ, значительную долю этой вины относитъ къ хищническому способу русской торговли. Мнѣ ни разу не пришлось отъ урянховъ слышать жалобы на русскихъ въ этомъ смыслѣ. Наоборотъ, даже чиновники и тѣ говорятъ, что русскіе имѣютъ хорошее вліяніе на благосостояніе ихъ народа, но, заявляли неоднократно что раззореніе урянховъ есть слѣдствіе дурной административной системы управленія. Въ настоящее время, количество скота на юрту можно выразить приблизительными средними цифрами въ Ойнарскомъ хошунѣ: 30 лошадей, 50 головъ рогатаго скота и до 100 барановъ. Наиболѣе крупные скотоводы имѣютъ до 3000 головъ рогатаго скота. Амбаньнойонъ имѣетъ 2000 головъ рогатаго скота, 700 лошадей, 50 верблюдовъ. Въ Салджакскомъ хошунѣ богатѣйшіе скотоводы имѣютъ до 1000 лошадей, 500 рогатаго скота, 1500 барановъ. Стоимость скота приблизительно: быкъ—15 ланъ

*) См. Этнографическій обзоръ инор. нас. дол. Южн. Енисея стр. 62.

Урянхаецъ Тоджинскаго хошуна.

Урянхайская женщина.

Томскъ. Цинкографія П. И. Макушина.

серебра, верблюдъ —30 ланъ, баранъ—2 лана, лошадь—15 ланъ.

Жители Кемчикской долины и нѣсколькихъ правыхъ притоковъ Енисея изрѣдка занимаются хлѣбопашествомъ, обрабатывая небольшіе клочки земли первобытными средствами; но на ряду съ русскими пашнями уюкской и туранской долины, это земледѣліе является скорѣе опытомъ земледѣльческой культуры, чѣмъ серьезнымъ промысломъ.

Нравственность. Племя урянховъ находится на низкой степени развитія; урянхи по характеру: скрытные, любопытные, очень подвижные, но трусливые и забитые тяжелою экономическою борьбою.

По разсказамъ старожиловъ урянхайской земли, кража лошадей вошла въ обычай народа. Чѣмъ смѣлѣе, чѣмъ крупнѣе кражи лошадей, тѣмъ большимъ вниманіемъ сосѣдей пользуется джигитъ. Еще недавно было время, когда дѣвушка отдавала предпочтеніе тому джигиту, который болѣе извѣстенъ какъ конокрадъ. Послѣдніе годы, подъ давленіемъ русскихъ, кражи лошадей строго преслѣдуются. За воровство обыкновенно судитъ сумынной, а иногда и хошунный судъ. За первую кражу приговариваютъ къ платежу двойной стоимости украденнаго, а если онъ не можетъ заплатить,—за него платитъ общество; кромѣ денежнаго взысканія, за первую кражу полагается наказаніе палками. За повтореніе кражи полагаются разныя наказанія: отмораживаніе кистей рукъ, или засыпаніе глазъ конскимъ мелкоизрубленнымъ волосомъ и др. Отмораживаніе кисти руки дѣлается такъ: кисть перетягивается ремнемъ и выставляется на морозъ, пораженная часть постепенно отбаливаетъ. При несознаніи, виновные подвергаются пыткѣ: бьютъ кожей по щекамъ, ставятъ голыми колѣнями на горячія камни, подвѣшиваютъ за руки. За убійство полагается смертная казнь,—виновные отправляются въ Улясутай. Несмотря на такія ужасныя наказанія, кража лошадей продолжается и понынѣ. Чтобы избѣжать потери лошади путешественнику приходится сдавать лошадей на

ночь пасти урянху-же, тогда можно спать спокойно. Самимъ-же лошадей не уберечь. Кромѣ кражи лошадей урянхами практикуется кража и другихъ предметовъ. Напримѣръ во время торжественнаго и оффиціальнаго пріема амбань-нойна, у насъ въ палаткѣ, нѣкоторые изъ его свиты успѣли утащить кое-какія мелкія вещи и только казаки подмѣтили кражу и отобрали. Убійство бываетъ очень рѣдко, въ большинствѣ только случайно. Отношенія между полами, говорятъ, не признаются нарушеніемъ нравственности и въ этомъ смыслѣ нѣтъ преступленій.

Религія. Религія у всѣхъ урянховъ одна—ламайская, но съ большою примѣсью шаманства. Каждая административная единица имѣетъ свой ламайскій храмъ и при немъ монастырь; ламы, какъ болѣе культурные, составляютъ умственную интеллигенцію края. На ряду съ этимъ всѣ жители, не исключая и ламъ, почитаютъ извѣстныхъ шамановъ и безъ ихъ участія не проходитъ никакое событіе въ жизни урянха.

Число ламъ въ нѣкоторыхъ хошунныхъ куре (монастыряхъ) достигаетъ до 50. Содержатся они на счетъ хошуна. На тѣ-же общественныя суммы строятся самые монастыри, и выписываются богослужебныя книги изъ Тибета. Въ одинъ изъ монастырей, говорятъ, въ 1900 г. было выписано около 1000 книгъ. Ламы увеличиваютъ свои средства богослуженіями, обрядами и церемоніями; наиболѣе извѣстное богослуженіе: „хурюмы"—богослуженіе на высокихъ горныхъ сопкахъ, около разныхъ „обо". На этомъ праздникѣ убиваютъ быка или барановъ, привозятъ вино (араку), молоко и послѣ богослуженія устраивается пиръ, состязанья борцовъ, лошадей и прочее. Праздникъ „Юмъ"—это нѣчто въ родѣ нашихъ крестныхъ ходовъ вокругъ населенныхъ мѣстъ.—За эти обряды ламы получаютъ приношенія: скотомъ, пушниною, а иногда и серебромъ.

Умершіе хоронятся гдѣ нибудь вблизи кочевки, въ лѣсу или на горѣ. Богатые обыкновенно устраиваютъ срубы и

забрасываютъ трупъ деревьями; бѣдные — часто бросаютъ умершихъ тутъ-же, гдѣ стояла юрта, а сами перекочевываютъ на новыя мѣста. Надъ умершимъ совершается ламами заупокойное моленіе, за которое ламы получаютъ ту лошадь, или оленя, на которомъ ѣздилъ покойный, а также и его вещи.

Если урянхъ заболѣлъ, обыкновенно приглашается лама или шаманъ, которые молятся о выздоровленіи и за это получаютъ иногда крупное вознагражденіе.

При рожденіи ребенка происходитъ тоже моленіе. Ламы читаютъ молитвы, и совершаютъ обряды. Однимъ изъ обрядовъ при крещеніи служитъ обмываніе новорожденнаго супомъ и затѣмъ водою.

Урянхи, вообще, оказываются не особенно горячими послѣдователями ламаизма. Такъ, напримѣръ, даже многіе ламы, несмотря на лежащее въ основѣ ихъ вѣрованія безбрачіе, женаты. Если въ Монголіи нельзя проѣхать трехъ верстъ, чтобы не встрѣтить двухъ-трехъ ламъ, то въ Урянхайской землѣ мы проѣхали болѣе 1000 верстъ и встрѣтили всего нѣсколько человѣкъ ламъ.

Однако намъ пришлось встрѣтить довольно большой караванъ урянховъ, возвращавшихся изъ гор. Урги, куда болѣе религіозные урянхи ѣздятъ на поклоненіе Богдо-гыгену. Эти поломники ламаизма, конечно, отправляясь за тысячу верстъ въ Ургу, тратятъ порядочныя средства на путешествіе и приношенія. Не рѣдко и изъ Урги, отъ Богдо-гыгена, пріѣзжаютъ въ Урянхайскую землю ламы за жертвоприношеніями. Такимъ образомъ связь съ центромъ ламаизма сѣверной Монголіи поддерживается.

Административное устройство.

Урянхайская земля въ административномъ отношеніи до сихъ поръ представляла изъ себя одно цѣлое. Во главѣ управленія стоялъ Амбань-нойонъ, родовой князь, имѣвшій при себѣ канцелярію и непосредственно подчиненный Улясутайскому Цзянь-Цзюню.

Вся Урянхайская земля раздѣлена на 6 хошуновъ: Ойнарскій, Сальджакскій, Кемчикскій, Бесь, Тоджинскій, Хазутскій. Каждый хошунъ раздѣленъ на сумыны.

Ойнарскій:

Ойнаръ-сумо,—по системѣ рѣки Элегестъ отъ Теси черезъ Танну-ола до Енисея.

Иргитъ-сумо,—по южному склону Танну-ола, до р. Теси между р. Самгалтай и Сальджаръ.

Сойонъ-сумо,—по лѣвому берегу р. Теси.

Убыръ-чодо-сумо,—по южному склону Танну-ола, западнѣе р. Самгалтай.

Сальджакскій:

Куль-сумо,—въ верховьяхъ р. Ха-кемъ.

Сальджакъ-сумо,—отъ Танну-ола до рѣки Ха-кемъ и по его устью.

Байгаръ сумо,—по правому берегу р. Енисея,—по системамъ р. Байгоу и Баенголъ.

Киргизъ-сумо,—по южному склону Танну-ола между рѣкой Ерсинъ-голъ и Нарымъ до р. Теси.

Кемческій:

Мунгушъ сумо, Кара-мунгушъ-сумо, Ондаръ-сумо, Соя-сумо, Комушко-сумо, Оржанъ-сумо, Иргитъ-сумо, Коль-сумо.

Бесь:

Сатъ-сумо, Тоганъ-сумо, Тулюмъ-сумо, Кыргызъ-сумо, Карасалъ-сумо, Кучесетъ-сумо, Куударъ-сумо, Сарыхъ-гларъ-сумо, Сальфесакъ-сойонъ-сумо, Хертекъ сойонъ-сумо, Сарыхъ-тангакъ-сумо, Туматъ-Сумо.

Точнаго разграниченія между хошунами Бесь и Кемческій и между сумынами не имѣется.

Тоджинскій:

Коль-сумо,—въ верховьяхъ р. Енисея и по низовьямъ правыхъ притоковъ.

Караджеды-сумо,—по верховьямъ правыхъ притоковъ Хамсары и лѣвыхъ Систикема.

Акъ-джеды-сумо,—по верховьямъ р. Іи-сукъ, Посъ-кемъ и лѣвыхъ притоковъ Хамсары.

Сойонъ-сумо,—по южному склону южнаго отрога Саянъ и по верховьямъ лѣвыхъ притоковъ р. Ха-кема.

Хазутскій изъ двухъ сумо,—по восточному берегу озера Косоголъ.

Кромѣ того нѣсколько отдѣльныхъ родовъ: Мадинскій, Чады, Адыкъ-тюлюшъ, подчиненныхъ хошуннымъ нойонамъ сѣверной Монголіи: Ванъ-гуну, Сартулу и другимъ. Кочуютъ по правымъ притокамъ Енисея: Себи, Утъ, Оджи, Уюкъ, Бегряда и Систерликъ.

Каждымъ хошуномъ управляетъ нойонъ (по мѣстному названію „огурда" или „ухерида").

У хошуна Бесь нѣтъ особаго нойона; онъ подчиненъ одному изъ монгольскихъ нойоновъ, живущему по ту сторону хребта Танну-ола. Для завѣдыванія хошуномъ изъ Монголіи присылается особый чиновникъ.

Выборъ и утвержденіе въ должности, а равно и права нойоновъ (огурды) такіе-же какъ и хошунныхъ нойоновъ Монголіи*). При нойонѣ имѣется канцелярія; дѣлопроизводство ведется на монгольскомъ языкѣ.

Въ послѣдніе годы нойоны Кемчикскій и Хазутскій добились у китайцевъ самостоятельности и теперь независимы отъ Амбань-нойона. Въ настоящее время Амбань-нойону подчинены только ойнарскій, сальджакскій и тоджинскій хошуны, но и то сальджакскій и тоджинскій нойоны добиваются самостоятельности, такимъ образомъ, скоро у Амбань-нойона останется только одинъ его родовой, ойнарскій, хошунъ.

Сумыномъ управляетъ Дзангинъ, какъ и въ Монголіи, но у мѣстныхъ жителей званіе его исковеркано въ „чангу".

Китайское вліяніе.

Урянхайская земля, находясь за предѣлами монгольскихъ карауловъ, поставленныхъ согласно русско-китайскому до-

*) См. ст. „Монголія".

говору 1727 года, вдоль по южному склону хребта Танну-ола, вмѣстѣ съ тѣмъ находится и за предѣлами Монголіи.

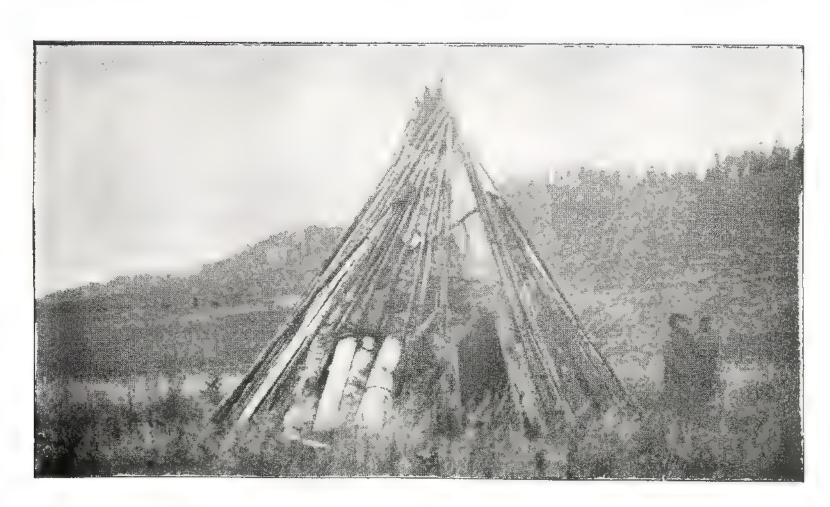
До нынѣшняго года существовалъ строгій законъ, которымъ запрещалось урянхамъ выѣзжать въ Монголію, а монголамъ и китайцамъ въ Урянхайскую землю. Въ случаѣ-же настоятельной служебной необходимости проѣхать по Монголіи, урянхи должны были получать особые заграничные документы, которые визировались на пограничныхъ караулахъ, а для китайцевъ и монголовъ—документы выдавало улясутайское правительство и таковые обязательно предъявлялись урянхайскому Амбань-нойону. Такимъ образомъ, Урянхайская земля фактически китайцами, очевидно, не считалась своею страною. Китайскіе правители прежде никогда не бывали въ Урянхайской землѣ, да и нынѣшній Цзянь-Цзюнь тамъ тоже не бывалъ и, судя по разговору, онъ имѣетъ слишкомъ смутное представленіе объ Урянхайской землѣ. Такъ что связывающимъ звѣномъ китайскихъ правителей въ Монголіи съ Урянхайской землею служила лишь ежегодная дань (албанъ, подати), которая привозилась въ Улясутай самимъ урянхайскимъ амбань-нойономъ, въ сопровожденіи всѣхъ хошунныхъ нойоновъ. Что творилось въ Урянхайской землѣ до послѣднихъ лѣтъ улясутайскому правительству было очевидно не особенно интересно.

Послѣдніе три года стали проникать слухи къ Цзянь-Цзюню, что тамъ, въ Урянхайской землѣ, много золота и интересъ къ этой странѣ началъ возрастать. Китайцы за послѣдніе годы повели свою обыкновенную политику: начали играть на честолюбіи полудикихъ кочевниковъ.

Хошунные нойоны стали получать китайскіе награды: Тоджинскій Та-нойонъ получилъ курму, Салджакскій—красный шарикъ, а затѣмъ еще и перо на шапку, но особенно благопріятно сложилась обстановка въ Кемчикскомъ хошунѣ. Тамъ, при прежнемъ нойонѣ, весьма расположенномъ къ русскимъ, положеніе русскихъ было очень благопріятно. Рус-

Амбань-нойонъ, главный начальникъ
Урянхайской земли.

Въ долинѣ В. Енисея. Типъ жилища урянховъ-оленеводовъ
Тоджинскаго хошуна.

скіе строили тамъ дома, разводили свои стада, распахивали пашни, и не имѣли никакихъ конкурентовъ въ своей торговлѣ. Начали создаваться русскіе поселки. Но вотъ, два года тому назадъ явился на сцену административной жизни честолюбивый урянхаецъ и, сознавая, что русскіе не могутъ удовлетворить его честолюбію, началъ добиваться вниманія китайцевъ; вскорѣ около его кочевья появился китаецъ торгующій, а затѣмъ въ 1901 году, онъ, простой урянхаецъ, былъ сдѣланъ нойономъ. Получивъ власть, новый нойонъ круто повернулъ отношенія къ русскимъ. Отнынѣ все, что ни дѣлалось русскими, подлежало контролю нойона, начались стѣсненія русскихъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ, запрещалось возводить постройки, разрабатывать землю, косить сѣно и т. д. Появилось сразу пять китайскихъ фирмъ, ставшихъ со своими англійскими товарами и съ сильною поддержкою правительства серьезными конкурентами русскихъ торгующихъ. Дѣло дошло до того, что нѣкоторыя русскія фирмы начинаютъ ликвидировать тамъ свои дѣла. Однако честолюбивому нойону было мало того вліянія, котораго онъ достигъ. Онъ сталъ добиваться самостоятельности и независимости отъ главнаго начальника урянхайскаго народа, Амбань-нойона. Въ Улясутаѣ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе. До сихъ поръ амбань-нойоны, соприкасаясь постоянно съ русскимъ, были благожелательны къ русскимъ, такое положеніе вещей не могло быть пріятнымъ нынѣшнему Цзянь-Цзюню, столь заинтересованному золотомъ Урянхайской земли, а новый преданный Кемчикскій нойонъ при этомъ не скупился на подарки и въ два года свезъ въ Улясутай на 60 тысячъ ланъ серебра только однихъ подарковъ, помимо албана и,—въ результатѣ, нынѣшній годъ, онъ получилъ красный шарикъ, перо и желаемую самостоятельность и независимость отъ Амбань-нойона. Отнынѣ онъ непосредственно подчиненъ Цзянь-Цзюню. Теперь его замыслы должны еще болѣе увеличится. Нынѣшнее лѣто онъ всякими средствами разыски-

валъ свѣдѣнія, гдѣ имѣется золото въ Урянхайской землѣ, чтобы этимъ услужить Цзянь-Цзюню, и кажется добивается подчиненія себѣ другихъ нойоновъ.

Главный начальникъ урянховъ, молодой амбань-нойонъ, ведетъ какъ разъ обратную политику: на всѣ вопросы Цзянь-Цзюня о золотѣ отвѣчаетъ, что золота въ Урянхайской землѣ нѣтъ, а въ то-же время на вопросъ младшихъ начальниковъ: какъ поступать съ русскими новоселами, самовольно занимающими хорошія мѣста и строющими деревни, онъ отвѣчаетъ, что чѣмъ больше будетъ русскихъ, тѣмъ урянхи будутъ меньше голодать. Такая политика не можетъ понравиться Цзянь-Цзюню и китайскимъ властямъ и, слѣдовательно, въ самомъ скоромъ времени, не смотря на родовые права, амбань-нойонъ вѣроятно будетъ устраненъ, а на его мѣсто будетъ назначенъ кемчикскій огурда (нойонъ) и тогда Урянхайская земля широко откроетъ двери китайцамъ и закроетъ ихъ передъ русскими. Что тогда будетъ съ нашими поселками, деревнями и помѣстьями, что будетъ съ русскою золотопромышленностью, благополучно существовавшею болѣе сорока лѣтъ и особенно интенсивно начинающей развиваться теперь.....

Нынѣшній годъ,* приказомъ Улясутайскаго Цзянь-Цзюня, разрѣшено всѣхъ китайцевъ пропускать въ Урянхайскую землю безъ всякихъ документовъ; урянхи получили тоже право свободнаго выѣзда въ Монголію, и наконецъ, разрѣшено китайцамъ открыть торговыя факторіи на М. Енисеѣ (Ха-кемѣ), на „Булукѣ“ (при устьѣ Ха-кема) и на Элегестѣ, т. е. тамъ, гдѣ русскіе имѣли преобладающее значеніе.

Подати. Урянхи-оленеводы уплачиваютъ подати китайскому правительству соболемъ, по 3 соболя съ юрты. Считая соболя по 15—20 руб., въ среднемъ уплачивается 45—60 рублей въ годъ, между тѣмъ весь бюджетъ оленевода едва достигаетъ 150—200 рублей. Урянхи скотоводы платятъ подати подобно монголамъ, которая далеко превышаетъ одной трети годо-

* 1903 г.

вого бюджета*). Принимая во вниманіе, что помимо китайскихъ налоговъ, еще имѣются крупные хошунные налоги, можно представить себѣ, въ какомъ экономическомъ положеніи они находятся. Между тѣмъ Китай не принимаетъ, да и никогда не будетъ принимать какихъ-нибудь мѣръ къ поднятію благосостоянія этого народа.

Русскіе интересы въ Урянхайской землѣ.

Въ настоящее время въ Урянхайской землѣ русскіе интересы нужно признать болѣе чѣмъ серьезными.

Въ Кемчикской долинѣ имѣется 24 русскихъ хутора, въ видѣ отдѣльныхъ торговыхъ заведеній со складами товаровъ, пашнями, скотоводствомъ; русскіе здѣсь живутъ постоянно и даже со всѣми своими семьями.

Въ долинѣ лѣваго берега рѣки Енисея имѣются русскіе хутора: при устьяхъ Чакуля—нѣсколько хуторовъ, при рѣкѣ Шиганарѣ 4 хутора. Почти на устьѣ Элегеста, на берегу Енисея, хуторъ Сафьянова (Солданъ); при устьѣ М. Енисея (Ха-кема) —хуторъ и склады усинскихъ торгующихъ (Булукъ). Каждый такой хуторъ состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ жилыхъ домовъ, хорошей постройки, съ хорошими службами, складами, а въ окружающихъ степяхъ пасутся табуны русскихъ лошадей и рогатаго скота. Напримѣръ, на хуторѣ Георгія Сафьянова, у устья Элегеста, имѣется нѣсколько сотъ лошадей, до тысячи рогатаго скота, и овецъ. Обѣднѣвшіе урянхи служатъ у русскихъ пастухами, при крупныхъ стадахъ; большинство урянховъ берутъ русскій скотъ себѣ, съ условіемъ пасти его весь годъ и за это получаютъ отъ русскихъ право пользоваться молокомъ дойныхъ коровъ и небольшую плату. Такимъ образомъ, русскій скотъ разбросанъ теперь по всей Урянхайской землѣ.

На *лѣвомъ берегу М. Енисея (Ха-кема)*, въ 15 верстахъ отъ устья, находится хозяйство дворянина Черневича; онъ приступилъ къ постройкѣ обширной экономіи, полагаетъ провести на 15 верстъ водооросительный каналъ, оросить степь и

---

*) См. ст. Монголія.

начать правильное сельское хозяйство, съ постановкою правильныхъ сѣвооборотовъ и разведеніемъ скота. На это дѣло г-нъ Черневичъ предполагаетъ затратить солидный капиталъ.

Выше г-на Черневича имѣется большой хуторъ купца Шепелина, въ которомъ, помимо торговли, распахивается нѣсколько десятинъ пашни и пасется нѣсколько сотъ рогатаго скота и около тысячи лошадей. Еще выше, по Ха-кему, нынѣшній годъ, прибыло четыре семьи русскихъ переселенцевъ и полагаютъ образовать здѣсь русскій поселокъ.

Но особенно отрадную картину представляютъ собою долины Уюка и Турана. При устьѣ р. Уюка, въ 10 верстахъ отъ Енисея, красуется обширный деревянный домъ, окруженный новыми крѣпкими деревянными службами, кругомъ дома виднѣются распаханныя и хорошо воздѣланныя поля со скирдами хлѣба, на далекое пространство раскинулись громадные стога сѣна. Здѣсь живетъ Минусинскій купецъ Андрей Сафьяновъ. Онъ имѣетъ до 2000 лошадей, около 1000 головъ рогатаго скота и нѣсколько сотъ овецъ. Онъ живетъ здѣсь съ семьею, окруженъ урянхами, которые являются у него вѣрными слугами и хранителями его стадъ. Немного выше Сафьянова, въ 10 верстахъ, стоитъ на берегу р. Уюка поселокъ Уюкскій—29 домовъ. Еще выше на 14 в., при устьѣ р. Турана, впадающей въ Уюкъ, раскинулась деревня Туранъ.

Туранскій поселокъ образовался уже больше 20 лѣтъ, онъ состоитъ изъ 55 дворовъ, имѣетъ 300 человѣкъ жителей. Постройки крупныя, основательныя, строются даже двухъэтажные дома, при каждомъ хозяйствѣ хорошіе огороды, а кругомъ на нѣсколько верстъ раскинулись хорошо воздѣланныя поля, усѣянныя кучами сжатаго хлѣба; чистые луга съ крупными стогами сѣна и обширныя пастбища съ большими стадами скота; все свидѣтельствуетъ о значительной зажиточности жителей. Нынѣшній годъ въ Туранскомъ поселкѣ было засѣяно 100 десятинъ пшеницы, 120 десятинъ

ржи и 130 десятинъ фуража, распахано земли для будущихъ посѣвовъ 206 десятинъ. У туранскихъ жителей имѣется скота: лошадей 319, рогатаго скота 560, овецъ 600, мараловъ 62.

Выше по р. Уюку находится около 10 русскихъ хуторовъ. Вавилина, Медвѣдева, Шепелина, Ведерникова, Черноусова, Хабарова, Бякова и другихъ. Въ Уюкской и Туранской степяхъ пасется русскаго скота: около 5000 лошадей, до 4000 рогатаго скота, до 1000 овецъ и нѣсколько десятковъ домашнихъ мараловъ.

Всѣ эти русскіе піонеры, занимаясь немного торговлей, основаніемъ своего благосостоянія ставятъ скотоводство и земледѣліе.

Такое положеніе создалось само собою. Крайне обѣднѣвшіе урянхи, почти уже не имѣютъ достаточно скота для того, чтобы удовлетворить на него спросъ, а между тѣмъ съ давнихъ поръ русскіе выгоняли изъ Урянхайской земли, черезъ Дархаты, по нѣсколько тысячъ головъ разнаго скота въ г. Иркутскъ и Иркутскую губернію, поэтому остается одно — разводить свой скотъ. Обширныя пастбища къ услугамъ русскихъ, дешевыхъ пастуховъ всегда имѣютъ въ урянхахъ и потому, всѣ русскіе торгующіе, постепенно переходятъ къ новому типу веденія своихъ дѣлъ: къ укрѣпленію и расширенію своихъ собственныхъ хозяйствъ и разведенію обширнаго скотоводства.

Выше по Енисею пока русское вліяніе возрастаетъ относительно тихо:

При устьѣ р. Себи, на берегу Енисея, раскинулась русская деревня въ 23 дома, здѣсь живетъ 120 душъ обоего пола, имѣются распаханныя поля, встрѣчаются стога сѣна, довольно большія стада лошадей и рогатаго скота, но общій характеръ жилищъ и хозяйства временный. Нынѣшній годъ хлѣба́ прихватило ранними заморозками, да и не удивительно, когда яровые хлѣба были посѣяны лишь къ Петрову дню (29 іюня), т. е. тогда, когда они должны были уже почти отцвѣ-

тать. Сортъ сѣмянъ приспособленный къ внутренней Россіи, а между тѣмъ здѣсь короткое лѣто и требуются раннія скороспѣлыя сѣмена. Русскіе новоселы, чувствуя себя здѣсь въ гостяхъ, не умѣя ладить съ хозяевами—урянхами, не приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ, вновь возникающей земледѣльческой культуры, безъ всякой помощи опытныхъ и подготовленныхъ спеціалистовъ и безъ защиты правительства—не могутъ прочно устроиться и начинаютъ кочевать. Деревня Себи похожа на какой-то вѣчно перемѣняющій обывателей—постоялый дворъ; жители то волною прибываютъ, то убываютъ, а между тѣмъ деревня существуетъ около 10 лѣтъ.

Черезъ 25 верстъ выше, возникаетъ другой русскій поселокъ „Карагашъ“, пока изъ 5 домовъ. Маленькія наскоро построенныя избушки, кое какъ загороженные жердочками дворы, безъ всякихъ прочныхъ построекъ, указываютъ, что люди и здѣсь не предполагаютъ устраиваться прочно навсегда. Немного распаханныхъ полей, мѣстами виднѣются небольшіе стожки сѣна, среди обширнѣйшихъ и тучныхъ луговъ, и наскоро раздѣланные огороды. Эти пять семействъ, въ обширной долинѣ, среди богатой дарами природы—ни какъ не могутъ ужиться дружно. Между обывателями идутъ постоянныя ссоры, каждый другъ другу старается испортить хозяйство. Удивительны русскіе люди... Казалось-бы, дѣлить-то нечего—всего вдоволь не для 5 семействъ, а для 500!?. На вопросъ, почему-же на такомъ привольи, такъ плохо поставлены хозяйства, жители жалуются, что здѣсь на чужой землѣ, боятся прочно устроиться, ну а все сдѣланное наскоро не прочно и, конечно, не даетъ хорошихъ результатовъ. Поздно посѣянные хлѣба и овощи захватываютъ ранніе инеи. Незначительное количество приготовленнаго сѣна не хватаетъ на зиму даже тѣмъ жалкимъ животнымъ, которыя имѣются у новоселовъ. А между тѣмъ казалось, чего только нѣтъ къ услугамъ новоселовъ. Прекрасныя пастбища, обширные луга, хорошіе лѣса, обильные соболемъ, бѣлкою,

маралами, въ Енисеѣ—крупная рыба; тучная почва, при разумномъ трудѣ, можетъ дать хорошіе урожаи. Эти избушки служатъ какимъ-то временнымъ пристанищемъ переходному, въ своемъ родѣ кочующему, элементу русскихъ переселенцевъ, вѣчно ищущихъ медовыхъ рѣкъ съ кисельными берегами.

Еще черезъ 25 верстъ, стоитъ хуторъ братьевъ Скобѣевыхъ съ отличными надворными постройками и складами. Но Скобѣевы, пока имѣютъ немного скота: сотню-двѣ рогатаго, **20—30** лошадей. Занимаются главнымъ образомъ торговлею и скупаютъ пушнину, которой вывезли нынѣшній годъ на **20** тысячъ рублей. Тутъ же рядомъ съ хуторомъ Скобѣевыхъ поселились нѣсколько семействъ рыбаковъ.

Еще черезъ 27 верстъ выше, по Енисею, при устьѣ Хамсары—хуторъ купца Мозголевскаго. Молодой, очень дѣятельный, Мозголевскій преслѣдуетъ въ Урянхайской землѣ, говорятъ, широкія русскія цѣли. Онъ помогаетъ крестьянамъ переселенцамъ расширять запашки, заводить скотъ, имѣетъ свои порядочные стада. Ведетъ торговлю на пушнину, участвуетъ въ разработкѣ руднаго золота въ верховьяхъ р. Систикема, устраиваетъ рыбную ловлю и отправляетъ рыбу въ Минусинскъ по Енисею, сплавляя вмѣстѣ съ тѣмъ туда же и строевой лѣсъ.

Черезъ 35 верстъ выше, при устьѣ р. Іи, строится новый русскій хуторъ компаніи русскихъ рыбаковъ.

Еще черезъ 40 верстъ второе заведеніе бр. Скобѣевыхъ. Здѣсь, въ степяхъ разводятся болѣе крупные стада рогатаго скота, пытаются заняться хлѣбопашествомъ, торгуютъ и скупаютъ пушнину, занимаются рыбною ловлей.

Еще въ 15 вер.—хуторъ Сафьянова спеціально для пушной торговли и рыбной ловли, но предполагается и здѣсь развести стада рогатаго скота и лошадей и, еще въ 10 вер. выше—хуторъ Скаковскаго, постоянно здѣсь живущаго и занимающагося торговлею, рыбною ловлею и скотоводствомъ.

15 русскихъ артелей занимаются рыболовствомъ по Верхнему Енисею и его притокамъ, добывая до 3000 пуд. крупной рыбы.

По одному изъ правыхъ притоковъ Верхняго Енисея, Систикему имѣется: у устья Алгіяка 3 русскихъ дома и 15 человѣкъ жителей, у устья Джабарташа недавно возникъ поселокъ тоже изъ трехъ жилыхъ домовъ (до 20 коровъ, 10 лошадей, ставятъ сѣно, ловятъ рыбу). Въ верховьяхъ рѣки Систикема разрабатываются на р. Алгіякѣ и Сикемѣ золотые пріиски. Наиболѣе крупные пріиски намываютъ золота въ годъ до 3 пудовъ при 40 рабочихъ.

На рѣчкѣ Казыкъ-чадыръ открыто богатѣйшее рудное золото, перепродано какой-то бельгійской компаніи.

Мозголевскій, Скобѣевы, Сафьяновы, Шепелины, Вавилины и много русскихъ, постоянно живущихъ въ Урянхайской землѣ и выс. Усинскомъ, ждутъ возможности получить разрѣшенія отъ русскаго правительства на разработку золота въ другихъ мѣстахъ и кажется теперь получили разрѣшеніе разрабатывать золото въ долинахъ Оджи, Ута, Тапсы и другихъ, по обоимъ берегамъ Енисея.

Наши торговые обороты собственно въ Урянхайской землѣ заключаются въ *привозѣ* въ Урянхайскую землю:

Мануфактуры на сумму	42 т. руб.
Кожъ на сумму около	12 т. руб.
Чаю на сумму около	25 т. руб.
Хлѣба на сумму около	7 т. руб.
Мелкихъ товаровъ на сумму	15 т. руб.
Мѣховъ на сумму	12 т. руб.
Серебра на сумму	$8^1/_2$т. руб.

Мы *вывозимъ* изъ Урянхайской земли:

Скота до 6 т. головъ на сумму около . .	180 т. руб.
Пушнины на сумму около	100 т. руб.
Рыбы около 3000 п. на сумму около . .	10 т. руб.
Маральихъ роговъ 50 п. на сумму около .	30 т. руб.

Русская дер. Туранъ въ долинѣ Уюка
(праваго притока В. Енисея).

Въ долинѣ В Енисея. Типъ русской торговой факторіи.
(Заведеніе Скобѣевыхъ).

Золото, лѣсъ и прочіе товары. Весь торговый оборотъ достигаетъ до 500000 рублей.

Въ частности мы *привозимъ* слѣдующіе товары: *мануфактурные:* бязь, миткали, манчестеру, киргизинъ, плисъ черный, ситцы пунцовые, гарусныя матеріи, шелковыя матеріи, сукно цвѣтное, даба кубовая, платки, шали, парча, чисуча, тикъ, шивіотъ. Наибольшій привозъ падаетъ на бязь, миткаль и плисъ. *Желѣзныя издѣлія:* ковши, топоры, лопаты, чаши азіатскія, желѣзо, немного стали, пилы, серпы, ножи, иглы, капканы, котлы. *Мѣдныя:* тазы, чайники, самовары, колокольцы, эмалированная посуда. *Кожевенныя:* юфтъ, дубленая кожа, сапоги, бродни. *Мелочныя:* табакъ русскій и китайскій (на 3000 рублей), посуда, стекло, сундуки и проч. *Хлѣбъ* по преимуществу ржаной. *Мѣховые:* рысьи шкуры, выдровыя, собольи и бѣличьи. *Вывозные* товары: не выдѣланныя *шкурки:* соболя, лисицы, бѣлки, волчьи, мерлушки, *шкуры:* конскія, скотскія, козьи, овечьи, медвѣжьи, *волосъ.*

Наши урянхайскіе торгующіе, главное усинцы, ведутъ торговлю съ Улясутаемъ: отвозятъ туда: маральи рога и пушнину и вывозятъ изъ Улясутая въ Урянхайскую землю чай кирпичный, зеленый, черный и байховый, китайскій табакъ далимбу, чисучу (китайская матерія).

Такимъ образомъ, мы, русскіе, въ Урянхайской землѣ хотя и имѣемъ: золотые пріиски, розыскали богатыя мѣсторожденія, завели обширное скотоводство, хорошее хлѣбопашество, наши переселенцы раскинулись и прочно устроились по Урянхайской землѣ, мы вывозимъ отсюда въ Россію на сотню тысячъ рублей соболя и другой пушнины, выгоняемъ отсюда тысячами головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ, но, при богатствѣ страны, съ крупнѣйшею водною артеріею черезъ весь край, при возможности пароходнаго сообщенія—такія успѣхи наши нужно признать весьма скромными, въ сравненіи съ тѣми, какіе могли бы быть при су-

ществующей обстановкѣ, если-бы былъ водный путь, или по крайней мѣрѣ колесная дорога въ Россію.

Пути сообщенія.

Внутри Урянхайской земли сообщенія можно сказать повсюду удовлетворительны; какихъ нибудь серьезныхъ затратъ на улучшеніе путей для колеснаго сообщенія не требуется. Къ Верхнему Енисею подходитъ хорошая колесная дорога изъ Улясутая, связывая всю сѣверную Монголію съ Енисеемъ; но... изъ Урянхайской земли въ Россію путей сообщенія нѣтъ? Нельзя-же считать за дорогу—вьючную тропу, черезъ крутыя перевалы, изъ с. Григорьевки на с. Усинское, которая, кромѣ того, открыта для движенія лишь съ конца мая до октября, а съ октября до конца декабря—Россія съ Урянхайской землей и даже съ нашими Усинскимъ и Туранскимъ деревнями—совершенно отрѣзана; съ декабря по мартъ можно сообщаться по льду Енисея, а съ марта по конецъ мая—снова никакого сообщенія не существуетъ.

Мною была подана записка въ комитетъ по постройкѣ Сибирской дороги о необходимости устройства колеснаго пути между г. Минусинскомъ и Урянхайской землей и о необходимости изслѣдовать рѣку Енисей, въ смыслѣ возможности приспособленія его къ пароходству. Мысль эту поддержали Командующій войсками Сибирскаго округа Генералъ Сухотинъ и Иркутскій Генералъ Губернаторъ Графъ Кутайсовъ,—будемъ надѣяться на счастливое разрѣшеніе вопроса, могущаго имѣть важнѣйшее значеніе...

Пограничный вопросъ.

Въ настоящее время среди жителей Урянхайской земли особенно популярно мнѣніе, что Урянхайская земля никогда не принадлежала Китаю и лишь самовольно имъ захвачена. Что граница должна проходить по хребту Танну-ола. Мотивами такого мнѣнія служатъ для русскихъ, что великая русская рѣка Енисей, почти своей половиной, не можетъ принадлежать никому кромѣ Россіи. Что нашъ „родной“ Енисей, нельзя раздѣлить между нами и китайцами. Урянхи свое мнѣніе о принадлежности своей страны—Россіи, основываютъ

на томъ, что установленіе монгольскихъ карауловъ по южному склону хребта Танну-ола и строгихъ пограничныхъ законовъ для сношеній между урянхами и Монголіей указываетъ, что китайцы признавали своею границею хребетъ Танну-ола. По мнѣнію нѣкоторыхъ урянховъ, близко принимающихъ къ сердцу этотъ вопросъ, русскіе казаки сами поставили знаки на Саянскомъ хребтѣ по незнанію мѣстности (географіи), такъ какъ знаки поставлены именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ урянхи вели мѣновую торговлю съ русскими казаками.

Монголы относятся къ урянхамъ, какъ къ народу ничего общаго съ ними не имѣющему; китайское правительство до сихъ поръ ограничивалось, какъ я раньше указывалъ, только пріемомъ разъ въ годъ чиновниковъ Урянхайской земли, привозившихъ подати.

Попробуемъ сколько нибудь разобраться съ этимъ вопросомъ.

Вопросъ о разграниченіи предѣловъ Россіи и Китая въ этой части былъ впервые поднятъ въ 1727 г. договоромъ 20 августа и трактатомъ 21 октября того-же года, заключеннымъ въ Кяхтѣ.

Со стороны Китая пограничными коммисарами были командированы важные китайскіе чиновники: Чабина, Тегутъ и Тулишенъ. Со стороны Россіи графъ Разумовскій и Полковникъ Калачевъ.

Въ нихъ говорится: „въ правую сторону отъ перваго кяхтинскаго знака границу опредѣлить: по *вершинѣ хребтовъ* и за границу причесть между *ими поперегъ*, какіе хребты и рѣки прилегали, хребты и рѣки пополамъ пересѣчь и равномѣрно раздѣлить такимъ образомъ, что *сѣверная сторона Россійскому государству да будетъ*, а *полуденная сторона Китайскому государству*".

Мы видимъ, что такое опредѣленіе границы, хотя и нельзя признать особенно яснымъ, но тѣмъ не менѣе можно вывести, что граница идетъ по водораздѣлу между водами сѣвернаго и южнаго бассейновъ.

Затѣмъ тутъ же указаны рядъ монгольскихъ названій горъ и горныхъ проходовъ.

Но всѣ эти названія могутъ-ли служить точнымъ указателемъ географическихъ мѣстностей. Въ Монголіи и нынѣ едва-ли не каждый монголъ даетъ свое названіе всякой горѣ и потому, одна и та же гора часто носитъ нѣсколько наименованій. Достаточно монголу убить на горѣ какого нибудь звѣря и онъ гору будетъ называть именемъ этого звѣря. А сколько событій въ горной странѣ могло пройти за 200 лѣтъ и сколько названій могла перемѣнить каждая гора, трудно и сказать. Я смѣю думать, что при самыхъ тщательныхъ розыскахъ, трудно будетъ отыскать именно тѣ вершины и проходы, которые имѣлись въ виду при включеніи ихъ въ трактатъ 1727 года. Возьмемъ примѣръ. Мы на нашихъ картахъ почему то Ергикъ-таргакъ-тайга назвали истоки р.р. Казыра, Бирюсы, Уды и Хамсары, ни русскіе охотники, ни мѣстные урянхи въ этой мѣстности такой горы не знаютъ. Названіе Ергикъ общее многимъ горамъ и рѣкамъ; южные урянхи „Ергикъ-тайга“ называютъ, напримѣръ, горы въ верховьяхъ р. Кемчика. Затѣмъ, у насъ на картахъ указанъ проходъ въ вершинахъ рѣки Уды (притокъ Ханъ или Канъ) и названъ Торосъ-даба, и тамъ нашими пограничниками наложена куча камней, въ которую вставленъ столбъ. Между тѣмъ въ 1902 году я былъ въ этомъ проходѣ и не смотря на тщательные разспросы нашихъ карагазовъ, кочующихъ по рѣкѣ Удѣ, а нынѣ, урянховъ, кочующихъ въ верховьяхъ Хамсары, такого названія никто не знаетъ; урянхи этотъ проходъ называютъ Бидийсукъ, а китайцы приказали называть его Посъ-кемъ, но ни того ни другого названія въ трактатѣ не имѣется.

Въ виду этого при разрѣшеніи нашихъ границъ основываться на монгольскихъ названіяхъ горъ, поименованныхъ въ трактатѣ 200 лѣтъ тому назадъ, невозможно, тѣмъ болѣе, что нынѣ признаваемый пограничнымъ хребетъ Саянской

системы никогда монголамъ не принадлежалъ и монгольскихъ названій имѣть, конечно, не могъ. Ближе всего эти названія дѣйствительно могли быть на хребтѣ Танну-ола, или гдѣ-нибудь въ Хангайской горной странѣ, какъ находившихся въ предѣлахъ возможнаго вліянія монголовъ.

По тексту же опредѣлявшему границу—она должна проходить по вершинамъ хребтовъ, т. е. по водораздѣлу, который идетъ очевидно въ направленіи съ востока на западъ, такъ какъ по трактату „сѣверная сторона должна принадлежать Россіи, а южная—Китаю"; между тѣмъ современный пограничный хребетъ имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ, а отъ горнаго узла на юго-западъ. Кромѣ того Саянская горная система имѣетъ нѣсколько водораздѣловъ. По любому изъ нихъ текутъ истоки на сѣверъ и на югъ, но всѣ въ концѣ концовъ сходятся, въ одну систему р. Енисея; который-же изъ нихъ считать пограничнымъ? Хребетъ-же Танну-ола направляется съ запада на востокъ, имѣетъ дѣйствительно сѣверный и полуденный склонъ и служитъ водораздѣломъ двухъ различныхъ бассейновъ, внутренняго—оз. Убса и сѣвернаго—Енисея.

Система горныхъ кряжей вблизи оз. Косогола настолько сложна, что и теперь, безъ спеціальнаго изученія, въ ней нельзя разобраться; возможно-ли было ожидать, чтобы пограничные коммисары, 200 лѣтъ тому назадъ, отправляясь отъ Косогола въ горную страну, не запутались, когда о географіи Азіи, а въ особенности этой страны, нельзя было и говорить. Весьма возможно предположить, что *русскіе* коммисары, не знакомые съ географіей сложной, суровой и почти непроходимой и понынѣ, горной системы Саянъ, взяли неправильное направленіе и вмѣсто хребта Танну-ола направились по хребту Саянскому. А *китайскіе* коммисары *Чабина*, *Тегутъ* и *Тулишенъ*, упоминаемые въ Кяхтинскомъ трактатѣ 1727 года прошли болѣе правильно, по ближнему къ нимъ хребту Танну-ола и здѣсь установили русскую границу, поставивъ пограничные караулы.

Такое предположеніе имѣетъ свои вѣскія доказательства въ китайской литературѣ. Въ книгѣ „Суй-фу-цзи-ліо“ („Записки о покореніи инородцевъ“) по этому вопросу говорится слѣдующее*):

„Китайскій Императоръ Юнъ-чженъ,—по вступленіи на престолъ, въ виду того, что Россія прилегаетъ къ Халхѣ, нашелъ нужнымъ опредѣлить съ нею границы, какъ для пресѣченія споровъ, такъ и для удобства надзора за пограничною торговлею. Для этой цѣли въ 1727 году по Высочайшему повелѣнію были командированы: *Чабина*, *Тэгутъ* и *Тулишенъ*, которыми учреждено было 59 карауловъ; изъ нихъ на крайнемъ востокѣ 12 съ подчиненіемъ ихъ ближайшему вѣдѣнію Хэйлунъ-цзянскаго Цзянь-Цзюня, съ перемѣннымъ назначеніемъ для караульной службы Солоновъ, а къ западу 47 карауловъ съ назначеніемъ на каждый изъ нихъ для гарнизонной службы изъ монголовъ четырехъ аймаковъ, сообразуясь съ разстояніемъ по одному офицеру съ необходимою командою съ семьями. Напротивъ этихъ карауловъ Россіею также учреждены были пикеты“.

Въ Буринскомъ договорѣ 20 августа 1727 года, между прочимъ сказано:

„*Ежели близъ Мунгальскихъ карауловъ и маяковъ какія сопки, хребты и рѣки есть, и оные также за границу причесть*“.

Такимъ образомъ внѣ всякихъ сомнѣній, что граница Россіи и Китая проходила вдоль по карауламъ, которые и по нынѣ существуютъ и расположены по южному склону хребта Танну-ола, а такъ какъ близъ этихъ *мунгальскихъ карауловъ* проходятъ хребты и сопки *Танну-ола*, то очевидно онъ и есть граница. Русскіе же, заблудившись въ сложной и суровой Саянской системѣ, поставили караулы не вдоль по сѣверному склону хребта Танну-ола, какъ было нужно, а въ Саянахъ, слѣдовательно не тамъ, гдѣ слѣдовало.

*) Цитировано изъ книги. П. Попова „Записки о Монгольскихъ кочевьяхъ“ стр. 355.

Позже слабые сѣверные Урянхи, брошенные Россіей на произволъ, переходили изъ рукъ въ руки къ разнымъ монгольскимъ князьямъ*), а въ 1842 году въ китайской географіи уже появляется указаніе, что урянхи подчинены Улясутайскому Цзянь-Цзюню.

Затѣмъ въ томъ же договорѣ упоминаются, что урянхи, платившіе по 5 соболей остаются въ подданствѣ того государства, которому они принадлежатъ. А такъ какъ часть урянховъ и по нынѣ кочуютъ по долинѣ р. Теси и до оз. Убса, то очевидно здѣсь, имѣлось въ виду, что урянхи къ сѣверу отъ Танну-ола принадлежатъ къ Россіи, а къ югу въ долинѣ Теси къ Китаю. Между тѣмъ къ намъ въ подданство не перешелъ ни одинъ урянхаецъ.

Суммируя сказанное можно пожалуй согласиться съ мнѣніемъ урянховъ о принадлежности ихъ къ Россіи и урянхайскихъ русскихъ, что *хребетъ Танну-ола слѣдуетъ признавать за русскую границу,* а обширную и богатѣйшую область Верхняго Енисея—*русскою землею.*

*) Доказательствомъ служитъ, что нѣкоторые роды урянховъ и теперь принадлежатъ ближайшимъ монгольскимъ князьямъ.

СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ МОНГОЛІЯ.

Географическое положеніе.

Занимая почти сѣверо-западную окраину центральнаго азіатскаго плоскогорія—сѣверо-западная Монголія, ограничивается на сѣверѣ хребтомъ Танну-ола, на западѣ хребтомъ Сайлюгемъ, на югѣ Монгольскимъ Алтаемъ и степью Гоби и на востокѣ системою р. Селенги.

Въ этихъ предѣлахъ она представляетъ собою горную страну перерѣзанную горными отрогами Алтая и системою Хангая. Въ предшествующіе экспедиціи было опредѣлено нѣсколько астрономическихъ пунктовъ въ самой Монголіи. Хотя этихъ пунктовъ нельзя считать вполнѣ достаточными, однако они даютъ нѣкоторый матеріалъ для составленія географической сѣти этой страны. Но имѣется цѣлый рядъ маршрутовъ: Матусовскаго, Пѣвцова, Орлова, Рафаилова (эксп. Потанина), Козлова, Бобыря и нашей экспедиціи, которые даютъ довольно богатый матеріалъ для нанесенія подробностей. Гипсометрическія измѣренія высотъ прежнихъ экспедицій и довольно много пунктовъ нашей экспедиціи могутъ дать хорошій матеріалъ для опредѣленія орографіи страны. Тѣмъ не менѣе для описанія орографіи и гидрографіи этой обширной страны еще не наступило время. Есть пространства, еще не посѣщенныя совершенно путешественниками, какъ напримѣръ хребетъ Ханъ-хухей и др.

Правильныхъ данныхъ для опредѣленія климатическихъ условій совсѣмъ мало. Случайныя свѣдѣнія, добытыя метеорологическими наблюденіями прежнихъ и нашей экспедицій

трудно признать вполнѣ достаточными. Необходимо учрежденіе мѣстныхъ, постоянныхъ метеорологическихъ станцій. Для чего, казалось-бы, можно воспользоваться любезнымъ содѣйствіемъ русскихъ купцовъ, разбросанныхъ по Монголіи, а при извѣстныхъ дружескихъ отношеніяхъ и монголами (въ особенности ламайскими монастырями).

Въ отношеніи статистическихъ матеріаловъ положеніе еще менѣе благопріятно. Прежнія экспедиціи или вовсе не удѣляли своего вниманія этому вопросу, или слишкомъ мало. Сборъ свѣдѣній черезъ торгующихъ до сихъ поръ не былъ организованъ. Наша экспедиція прошла нынѣ все таки небольшую часть Монголіи, а если принять во вниманіе трудность добычи статистическихъ матеріаловъ вообще, даже въ культурныхъ странахъ, то еще тяжелѣе получить ихъ отъ монголовъ. Статистики они боятся больше всего. Требуется много времени и ловкости, чтобы добыть разспросомъ самые ничтожные матеріалы отъ монголовъ, но и на эти матеріалы трудно вполнѣ положиться, такъ какъ простые монголы съ ними мало знакомы, а монгольскіе правители, считаютъ ихъ государственною тайною. Личнымъ наблюденіемъ посѣщенныхъ кочевокъ мнѣ удалось добыть нѣкоторыя данныя для общихъ выводовъ, но я надѣюсь ихъ провѣрить болѣе разносторонними матеріалами, добытыми черезъ русскихъ торгующихъ, столь любезно изъявившихъ свою готовность помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Чтобы помочь имъ я составилъ особую программу*). Этихъ книжекъ я роздалъ значительное количество, пользуясь особенною готовностью многихъ русскихъ, а главнымъ образомъ А. Г. Бадунова,**) принявшаго на себя роль, въ нѣкоторомъ родѣ, корреспондента. Поэтому вопросъ о населеніи сѣверной Монголіи пока оставляю безъ описанія; по полученіи отвѣтовъ на программы можно будетъ при-

*) Про семъ прилагаемую.

**) Пользуюсь случаемъ принести А. Г. искреннюю признательность за помощь, оказанную намъ во многихъ случаяхъ.

ступить къ обработкѣ статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ какъ лично, такъ и черезъ торгующихъ.

Государственная граница.

Границами сѣверной Монголіи служатъ: отъ верховьевъ Амура до Байкальскихъ (Даурскихъ) горъ государственная условная граница Россіи, отъ Байкальскихъ горъ условная граница по отрогамъ южной оконечности восточныхъ Саянъ къ южному берегу оз. Косогола и, затѣмъ, водораздѣлъ между бассейномъ Енисея и внутреннихъ водъ Монголіи—хребетъ Танну-ола; на западѣ хребетъ Сайлюгемъ (сѣверный отрогъ Алтая). Вдоль по этой границѣ расположены монгольскіе внѣшніе караулы.

Административное устройство.

По свѣдѣніямъ, добытымъ летучею развѣдкою нашей экспедиціи, административное устройство сѣверной Монголіи рисуется въ слѣдующихъ чертахъ:

Сѣверная Монголія, представляя собою одну изъ отдаленныхъ провинцій Китая, раздѣляется на шесть административныхъ частей: четыре аймака Монголіи: Цецеинъ-хана, Тушету-хана, Сайнъ-нойона, Джасакту-хана, Кобдосскій округъ и внѣ линіи карауловъ—Урянхайская земля.

Каждая изъ этихъ частей раздѣляется въ свою очередь на хошуны.

Цецеинъ-хана на 20 хошуновъ.

Тушету-хана на 22 хошуна.

Сайнъ-нойона на 32 хошуна.

Джасакту-хана на 22 хошуна.

Урянхайская земля на 6 хошуновъ.

Кобдовскій округъ на 20 хошуновъ.

Каждый хошунъ дѣлится на нѣсколько сумыновъ. Сумынъ дѣлится на арбаны.

Китайское управленіе.

Во главѣ управленія провинціей стоитъ мандаринъ 1-й степени—Цзянь-Цзюнь, имѣющій постоянное мѣстопребываніе въ городѣ Улясутаѣ. При Цзянь-Цзюнѣ имѣется особое управленіе (ямынъ), состоящее изъ нѣсколькихъ китайскихъ чиновниковъ. Все дѣлопроизводство ведется на китайскомъ

языкѣ. Главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ Цзянь-Цзюня, по Улясутайскому округу, является мандаринъ подъ именемъ Амбань-манджуръ, проживающій также въ Улясутаѣ.

Распорядительная часть и управленіе канцеляріей (ямыномъ) лежитъ на обязанности китайскаго чиновника подъ названіемъ монголъ-дзургана. Кромѣ того, при Цзянь-Цзюнѣ имѣется особая канцелярія, завѣдующая сношеніями съ русскими; управленіе этими дѣлами поручено особому чиновнику, второму дзургану, обыкновенно называемому „русскимъ дзургномъ“.

Управленіе западной частью Монголіи, Ургинскимъ округомъ, сосредоточивается въ г. Ургѣ, въ лицѣ ургинскаго амбаня, который по дѣламъ управленія городомъ Ургою и внѣшнихъ сношеній, имѣетъ прямыя сношенія съ Пекиномъ.

Управленіе Кобдосскимъ округомъ сосредоточивается въ рукахъ особаго мандарина подъ именемъ кобдосскаго амбаня, который по всѣмъ дѣламъ непосредственно подчиненъ улясутайскому Цзянь-Цзюню.

Управленіе Урянхайской землею до сихъ поръ сосредоточивалось въ рукахъ родоваго урянхайскаго князя подъ названіемъ Амбань-нойона*).

Монгольское управленіе.

Во главѣ управленія, собственно монгольскимъ населеніемъ Халхи, находится въ городѣ Улясутаѣ особый монгольскій чиновникъ, подъ названіемъ Амбань-нойонъ-монголъ. Это лицо, непосредственно подчиненное Цзянь-Цзюню, является главнымъ помощникомъ Цзянь-Цзюня по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ Монголіи. Онъ избирается Цзянь-Цзюнемъ изъ хошунныхъ нойоновъ (дзасаковъ) всѣхъ четырехъ аймаковъ Халхи и назначается амбанемъ на три года, но, по усмотрѣнію Цзянь-Цзюня, можетъ быть оставленъ и на продолжительный срокъ; подчиняется непосредственно Цзянь-Цзюню. При амбань-нойонѣ имѣется особое управленіе (ямынъ), расположенное вблизи города Улясутая, въ долинѣ Богдо-гола, выше крѣ-

---

*) См. выше: Урянхайская земля.

пости въ 5 верстахъ, которое имѣетъ нѣсколько монгольскихъ чиновниковъ.

Все дѣлопроизводство ведется на монгольскомъ языкѣ.

Всѣ распоряженія китайскихъ властей, касающіяся внутренняго управленія Монголіей, передаются отъ Цзянь-Цзюня Монголъ-Амбань нойону, а отъ него идутъ: или аймачнымъ ханамъ четырехъ аймаковъ Халхи, или, въ случаѣ нетерпящихъ отлагательства, непосредственно по хошунамъ.

Каждымъ *аймакомъ* управляетъ аймачный родовой князь, имѣющій при себѣ особую канцелярію изъ нѣсколькихъ чиновниковъ монголовъ.

Каждымъ *хошуномъ* управляетъ *нойонъ* (или дзасакъ). Нойонъ въ большинствѣ случаевъ получаетъ власть по наслѣдству, но всегда избирается съѣздомъ всѣхъ монголовъ хошуна изъ дѣтей умершаго нойона, смотря по тому, который изъ дѣтей окажется болѣе способнымъ къ управленію. Если-бы дѣтей у бывшаго нойона не осталось или почему-нибудь они не соотвѣтствовали предстоящему имъ назначенію, народъ избираетъ нойона изъ другихъ родственниковъ бывшаго правителя, а иногда изъ другихъ чиновниковъ хошуна. Выбранное лицо представляется Цзянь-Цзюню въ Улясутай, одариваетъ его подарками и отправляется при бумагѣ въ Пекинъ, куда везетъ также подарки. Обыкновенно утвержденіе въ званіи нойона обходится хошуну очень дорого. На подарки иногда уходитъ все состояніе избраннаго лица и значительные спеціальные по этому случаю налоги съ хошуна. Нойонъ, или дзасакъ, имѣетъ по своей должности красный шарикъ на шапкѣ, затѣмъ, смотря по заслугамъ, или, вѣрнѣе, по суммѣ ежегодныхъ подарковъ Цзянь-Цзюню и въ Пекинъ, получаетъ постепенно курму, а затѣмъ перо на шапку и разныя названія: цинъ-вана, цзюнь-вана, бейлэ, бейсэ и тушетъ-гуна.

Нойонъ есть главный начальникъ и правитель хошуна, въ немъ сосредоточивается судебная, административная и военная власть.

Ближайшимъ ему помощникомъ назначается чиновникъ монголъ „туслакчи“. *Туслакчи* избирается также хошуномъ, затѣмъ отправляется въ Улясутай, одариваетъ Цзянь-Цзюня и послѣднимъ при бумагѣ, представляется въ Пекинъ. Утверждается Пекинскимъ правительствомъ приблизительно съ такими-же расходами какъ для него, такъ и для хошуна. Являясь ближайшимъ совѣтникомъ нойона (дзасака), онъ заступаетъ его мѣсто въ случаяхъ его отсутствія, смерти или несовершеннолѣтія. Имѣетъ по своему званію на шапкѣ шарикъ красный. Въ большихъ хошунахъ иногда имѣется два туслакчи.

Меріинъ (по Баторскому мэйрэни)*) исполняетъ обязанности старшаго чиновника для порученій и совѣтника нойона, выбирается хошуномъ, утверждается улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ, въ Пекинъ уже не представляется, имѣетъ на шапкѣ шарикъ синяго цвѣта и отъ шарика синюю стеклянную трубочку длиною съ вершокъ, знакъ состоящаго для порученій.

Дзахаракчи—чиновникъ, исполняющій обязанности слѣдователя и судьи по мелкимъ преступленіямъ. Выбирается нойономъ, утверждается Цзянь-Цзюнемъ, имѣетъ шарикъ красный.

Дзаланъ; это званіе**) дается улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ за личныя заслуги, или за большія подарки; обыкновенно нойонъ держитъ нѣсколько дзалановъ при своемъ управленіи, какъ совѣтниковъ, и даетъ имъ разныя порученія, остальные—кочуютъ въ своихъ кочевныхъ районахъ и особыхъ обязанностей не несутъ, кромѣ какихъ-нибудь случайныхъ мѣстныхъ порученій отъ нойона. Дзаланъ имѣетъ синій ша-

---

*) См. Баторскій. Монголія. Военно-статистическій очеркъ.

Примѣчаніе. Мои свѣдѣнія вообще нѣсколько расходятся съ описаннымъ г. Баторскимъ; но я излагаю ихъ такъ, какъ онѣ мнѣ представлялись, по личнымъ впечатлѣніямъ и разспросамъ Монголовъ.

**) Нѣчто въ родѣ монгольскаго дворянства.

рикъ. Предназначается, въ случаѣ призыва милиціи, къ роли офицеровъ милиціи.

Дзангинъ—начальникъ сумына, назначается властью Цзянь-Цзюня. Выбирается хошуннымъ нойономъ (дзасакомъ), иногда обязанности переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, съ утвержденіемъ Цзянь-Цзюня. Но въ случаѣ непорядковъ или несоотвѣтствія своему назначенію, дзангинъ смѣняется Цзянь-Цзюнемъ. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ власть надъ сумыномъ административную и судебную. Въ каждомъ хошунѣ число дзангиновъ соотвѣтствуетъ числу сумыновъ. Имѣетъ на шапкѣ бѣлый шарикъ.

Кундынъ, ближайшій помощникъ и совѣтникъ дзангина, выбирается и утверждается хошуннымъ нойономъ, съ вѣдома Цзянь-Цзюня. Имѣетъ на шапкѣ желтый шарикъ.

Дарга.—Выбирается дзангиномъ на три года и утверждается нойономъ. Завѣдуетъ 10-ю юртами и является самою низшею административною инстанціей, въ большинствѣ исполняетъ только полицейскія обязанности. Шарика не имѣетъ.

Бошокъ. На каждый сумынъ назначается одинъ для сбора податей. Выбирается дзангиномъ, утверждается нойономъ, шарика не имѣетъ.

Экономическое положеніе монголовъ.

Благосостояніе монголовъ основывается исключительно на скотоводствѣ. Другихъ какихъ-нибудь побочныхъ заработковъ большинство монголовъ не имѣетъ. Многіе охотятся за суркомъ, мясо котораго монголы ѣдятъ, а шкуру продаютъ русскимъ купцамъ, но заработокъ этотъ столь незначительный, что нельзя его считать серьезнымъ подспорьемъ въ бюджетѣ монгола. Часть около-улясутайскихъ монголовъ занимается перевозкою тяжестей изъ Улясутая на югъ въ Китай, или на западъ въ Кошъ-Агачъ, но этимъ дѣломъ занята самая незначительная часть монголовъ. Транспортированіе кладей находится въ рукахъ корыстолюбивыхъ китайцевъ, оставляющихъ себѣ львиную долю заработка отъ перевозки грузовъ.

Типы монголовъ.

Монголы средняго достатка.

Семья зажиточныхъ монголовъ.

Томскъ. Цинкографія П. И. Макушина.

По существующей системѣ обложенія албаномъ (податями) китайцы наложили руки именно на самый основный источникъ монгольскаго благосостоянія. Разверстка албана (податей) дѣлается по числу головъ скота.

Размѣръ обложенія скотоводовъ не имѣетъ точно опредѣленной нормы, а устанавляется ежегодно китайскими властями въ Монголіи.

Монголъ хошуна Джасакту-хана, имѣя 200 барановъ 60 лошадей и 20 штукъ рогатаго скота, платитъ въ годъ 50 ланъ серебра, считая курсъ серебра отъ 1 р. 35 к. до 2 руб. за ланъ на наши деньги, подать монгола ниже средняго достатка равняется отъ 67 р. 50 к. до 100 р. въ годъ.

Если считать, что въ продажу идетъ только пятигодовалый баранъ, то монголъ можетъ продать только 40 барановъ въ годъ, считая по 2 лана за барана, монголъ получитъ отъ 160 до 100 руб. Чтобы не подорвать стада, лошадь продается на 7 году, слѣдовательно монголъ можетъ продать только 8—9 лошадей; считая лошадь въ среднемъ по 11 ланъ, за нихъ онъ можетъ получить отъ 119 до 176 руб. Такимъ образомъ предѣльный бюджетъ этого монгола, съ разсчетомъ не увеличивать стадо, а понижать его размноженіе, въ годъ отъ 336 до 219 руб.; при увеличивающемся въ послѣднее время вывозѣ шерсти, бюджетъ монголовъ нѣсколько увеличивается. Мы видимъ, что изъ этой суммы всего своего бюджета онъ принужденъ заплатить почти одну треть въ подати.

Другой примѣръ.

Монголъ Амбань-белевскаго*) хошуна, имѣя 50 барановъ, 10 лошадей и 10 коровъ, платитъ албану (податей) 30 ланъ въ годъ, т. е. отъ 40 до 60 руб. Примѣняя вышеизложенный разсчетъ, предѣльный бюджетъ этого монгола равняется 92—62 рублямъ. Слѣдовательно размѣръ албана доходитъ до половины всего бюджета.

---

*) Нойонъ этого хошуна нынѣ въ Улясутаѣ монголъ-амбанемъ и исходатайствовалъ для своего хошуна уменьшеніе податей.

Въ хошунѣ Ериньба-гыгена на 1903 годъ обложеніе албаномъ было по 5 ланъ съ 10 головъ. Богатѣйшій монголъ этого хошуна имѣетъ 200 барановъ, 600 лошадей, 300 коровъ. Такимъ образомъ долженъ былъ заплатить албану около 500 ланъ, т. е. по нынѣшнему курсу серебра въ 1 руб. 35 коп. 675 рублей. Считая его предѣльный бюджетъ самое большее около 2000 рублей, онъ уплачиваетъ податей одну треть своего бюджета.

Съ маленькой Дархатской земли ежегодно собирается податей до 6 тыс. барановъ, до 3 тыс. головъ крупнаго рогатаго скота, что по средней стоимости достигаетъ до 97 тысячъ рублей.

Можно было-бы привести еще нѣсколько примѣровъ, которые дали-бы тотъ-же матеріалъ для вывода. Если принять во вниманіе, что у монголовъ имѣются еще и свои хошунные расходы, что имущество монгола не обезпечено никакими законами; каждый монголъ, не говоря уже про китайца, командированный китайскимъ правительствомъ, можетъ брать сколько ему требуется барановъ для довольствія и лошадей, для себя, свиты и проводниковъ, не уплачивая за это ни одной копейки, то становится весьма понятнымъ, какой страшный гнетъ лежитъ на монгольскомъ народѣ.

Не всякій хозяинъ можетъ выпутаться ежегодно изъ столь тяжелой обстановки. Остаются ежегодные албанные долги, на которые китайское правительство насчитываетъ львиные проценты. Въ заключеніе монголъ принужденъ продавать свой скотъ прежде, чѣмъ онъ выростаетъ, оставляя племянными животными подростковъ, что глубоко отзывается на благосостояніи всей Монголіи; скотъ мельчаетъ, приростъ скота уменьшается, а ежегодный перерасходъ скота все увеличивается. Въ результатѣ богатѣйшіе скотоводы, имѣвшіе тысячи головъ рогатаго скота, теперь имѣютъ едва сотню-двѣ головъ, а бѣдняки по одной, по двѣ скотины.

Русскіе торгово-экономическіе интересы.

Монгольскія степи съ ихъ многомилліоннымъ населеніемъ близко соприкасаются съ великою по размѣрамъ Азіатскою Россіею и могутъ быть очень тѣсно связаны экономически съ русскимъ населеніемъ, такъ какъ монголы, не имѣя рѣшительно никакой промышленности, нуждаются въ самыхъ насущныхъ предметахъ первѣйшей жизненной необходимости и могли бы получать ихъ отъ русскихъ или черезъ русскихъ.

Съ другой стороны Монголія обширная страна скотоводства, она могла бы давать колоссальныя цифры скота и сырья; и теперь, китайцы, черезъ Гоби за 2000 съ лишнимъ верстъ, на верблюдахъ, ведутъ съ Монголіей крупную торговлю, цифры которой далеко превосходятъ нашу торговлю и, по самымъ приблизительнымъ вычисленіямъ, превышаютъ десятокъ милліоновъ рублей, а мы находимся рядомъ съ Монголіей и не раздѣлены пустынями и слѣдовательно въ болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Сибирь получаетъ изъ Монголіи и Урянхайской земли черезъ долину Иркута на Иркутскъ всего до 30000 головъ разнаго скота, между тѣмъ изъ Монголіи въ Китай однихъ барановъ выгоняется сотни тысячъ головъ и много другого скота.

Не смотря на близость монгольскаго рынка, богатство его сырьемъ и полное отсутствіе въ немъ промышленности, наша торговля съ Монголіей возрастаетъ крайне тихо.

Прослѣдимъ краткую исторію развитія нашихъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеній съ Монголіей:

Окончательное укрѣпленіе сѣверо-западной Монголіи за Китайской Имперіей можно отнести къ первой половинѣ 18-го столѣтія, когда по повелѣнію императора Цзянь-Луня, въ 1731 году былъ построенъ городъ Кобдо, а въ 1734 году городъ Улясутай, при чемъ послѣдній былъ сдѣланъ мѣстопребываніемъ Цзянь-Цзюня для всей Монголіи. Приблизительно въ то же время (а именно въ 1727 году) между

Монголіей и Сибирью были разставлены у горныхъ проходовъ, въ верховьяхъ рѣкъ Бухтармы и Иртыша и у хребта Танну-ола существующіе и нынѣ, китайскіе караулы, не мало затруднившіе взаимное сношеніе жителей сосѣднихъ странъ.

Наши торговыя сношенія съ Китайской имперіей въ продолженіи всего 18-го столѣтія велись только въ сѣверо-восточной Монголіи, черезъ городъ Кяхту, и, лишь въ самомъ концѣ 18-го столѣтія, русское правительство обратило свое вниманіе на возможность установленія нашей торговли съ западнымъ Китаемъ.

Въ 1797 году послѣдовалъ указъ Императора Павла I-го объ открытіи торговли съ Китайской имперіей въ Бухтарминской крѣпости на рѣкѣ Иртышѣ. Въ 1803 году для этой цѣли въ Бухтармѣ была открыта таможня.

Послѣ этого слѣдуетъ цѣлый рядъ попытокъ завязать нашу торговлю уже за границею, внутри западнаго Китая, но оказавшихся большею частью неудачными. Только по занятіи нами Семирѣчья оказалось возможнымъ, въ 1851 году въ Кульджинскомъ трактатѣ, добиться разрѣшенія нашей заграничной торговли, въ городахъ Кульджѣ и Чугучакѣ.

Тянь-цзинскій трактатъ 1858 года, хотя распространилъ на Россію всѣ торговыя права, какими пользовались въ Китаѣ прочія государства, но не имѣлъ вліянія на торговлю въ сѣверо-западной Монголіи.

Пекинскій трактатъ 1860 года, установивъ окончательно нашу границу со стороны Алтая съ сѣверо-западной Монголіей и расширивъ вообще наши торговыя права, разрѣшилъ намъ торговать въ западномъ Китаѣ, кромѣ Чугучака и Кульджи, еще и въ Кашгарѣ.

Особымъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ въ Пекинѣ 20 февраля 1862 года, было наконецъ, разрѣшено русскимъ купцамъ вести торговлю по всей Монголіи.

Въ 1869 году эти права были еще болѣе расширены и допущена безпошлинная торговля въ Монгольскихъ кочевьяхъ и, наконецъ, 12 февраля 1881 года 10-й статьей Петербургскаго трактата, Россійскому правительству было предоставлено право назначать въ западномъ Китаѣ и Монголіи консуловъ, по мѣрѣ развитія русской торговли въ городахъ: Кобдо, Улясутаѣ, Урумчи, Хами и Гученѣ.

Такъ обстояло дѣло развитія нашихъ юридическихъ правъ на торговлю въ западномъ Китаѣ и Монголіи. Нашему правительству потребовалось почти 70 лѣтъ, чтобы добиться у инертныхъ сосѣдей лишь право вести эту торговлю.

Какъ же мы воспользовались этимъ, такъ дорого доставшимся намъ правомъ?

Въ Чуйской степи, въ урочищѣ Кошъ-агачъ, еще въ концѣ 18-го столѣтія, безъ всякой заботы правительства и, даже негласно, возникла мѣновая торговля между русскими бійскими купцами и монгольскими караулами и къ концу 50-хъ годовъ здѣсь торговые обороты достигли нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей.

Послѣ торговаго договора съ Китаемъ 1862 года, правительство обратило вниманіе на эту торговлю и въ 1864 году уже въ самую Монголію, въ г. Кобдо, былъ командированъ съ торговымъ караваномъ бійскихъ купцовъ Капитанъ Генеральнаго Штаба Принцъ и намъ удалось завязать торговыя операціи *въ Кобдо*, которыя быстро стали возрастать и въ концѣ 60 годовъ достигли до 200 тысячъ рублей. Но вскорѣ вспыхнуло дунганское возстаніе и сильно задержало развитіе бійской торговли въ сѣверо-западной Монголіи, такъ что въ 1879 году наши торговые обороты по чуйскому трактату едва достигли 340,360 руб.*). Въ 1893 году, т. е. черезъ 15 лѣтъ, обороты едва достигли 400000 рублей и лишь не-

---

*) Пѣвцовъ. „Очеркъ путешествія по Монголіи“.

много лучше дѣла пошли за послѣдніе годы*), какъ это видно изъ прилагаемой таблицы.

Время.	Привозъ изъ Монголіи.	Ввозъ въ Монголію.	Общая сумма оборота.
Въ 1879 году	188860	151500	340360
„ 1891 „	145685	83482	229167
„ 1892 „	200258	174638	375896
„ 1893 „	189288	214677	403965
„ 1894 „	270954	261855	532809
„ 1895 „	414793	346060	760853
„ 1896 „	604209	560566	1164775
„ 1897 „	641430	561856	1203286
„ 1898 „	505678	491746	994424
„ 1899 „	595946	462017	1027963
„ 1900 „	554231	423238	977766
„ 1901 „	914350	810230	1724590
„ 1902 „	—	—	2500000

Изъ этихъ цифръ видимъ, что ведя торговыя сношенія почти цѣлое столѣтіе, а юридически, полустолѣтіе, т. е. съ 1862 г., мы развивали нашу торговлю съ Монголіей не особенно быстро. Посмотримъ, что мы вывозимъ въ Монголію и что привозимъ въ Россію.

Мы *вывезли* въ 1900 году изъ Монголіи:

Шкуры сурка на . . . . . . 133 т. руб.
Шерсти бараньей на . . . . . 243 т. руб.
Шерсти верблюжьей на . . . . . 66 т. руб.
Козьихъ шкуръ на . . . . . . 34 т. руб.
Шкуръ бараньихъ, коровьихъ и конскихъ . 8 т. руб.

*) „Сибирскій Наблюдатель" 1902 г. книги 5, 6 и 7.

Пушнины: лисицъ, куницъ, хорька и медвѣдя	12	т. руб.
Чаю на	29	т. руб.
Прочихъ товаровъ на	25	т. руб.
А всего на .	553	т. руб.

Въ 1903 г. вывозъ сырья увеличился значительно; только изъ Улясутая и Улясутайскаго округа вывезено въ Россію шерсти бараньей на 286 т. р., шерсти верблюжьей на 40 т. р., сурка на 185 т. р, хорька и проч. пушнины на 7 тыс. руб., чаю на 14 т. руб., конской гривы на 7 т. р.. скота рогатаго крупнаго на 75 т. руб. А всего изъ Улясутая вывезено на 615 т. руб. Если принять во вниманіе, что еше изъ Кобдо вывезено приблизительно столько-же, то мы увидимъ, что вывозъ собственно изъ Монголіи за послѣдніе три года почти удвоился и главное увеличеніе падаетъ на вывозъ сырья, по преимуществу шерсти и шкурокъ сурка.

Мы *ввозимъ:*

Въ 1900 году привезено въ Монголію изъ Россіи.

Бумажныхъ тканей на	13	т. руб.
Кожи выдѣланной (юфть) на	89	т. руб.
Сукна на	22	т. руб.
Роговъ маральихъ на	36	т. руб.
Желѣзныхъ издѣлій на	18	т. руб.
Галантерейныхъ товаровъ на	18	т. руб.
Чугунныхъ издѣлій на	16	т. руб.
Мѣдныхъ издѣлій на	3	т. руб.
Табаку на	3	т. руб.
Лошадей на	6	т. руб.
Холста на	5	т. руб.
Затѣмъ конфектъ, посуды, обуви и прочей мелочи на	125	т. руб.
Итого на . .	354	т. руб.

Почти такой-же вывозъ былъ и въ 1903 году. При чемъ въ 1900 году мы вывозили еще серебро, а въ 1903 году и

серебро покупали въ Монголіи, слѣдовательно все сырье почти на полтора милліона рублей покупали на наличныя деньги.

Между тѣмъ китайцы изъ Монголіи еще въ 1885 г. *вывозили* только въ города *Куку-Хото* и *Баотау:* верблюжьей шерсти на 200 т. руб., бараньей шерсти на 100 тыс. руб., козьяго пуху на 36 тыс. руб., овчинъ бараньихъ на 64 т. р., овчинъ козьихъ на 110 т. руб., кожъ скотскихъ на 90 т. р., мерлушки на 80 т. руб. А всего вывозили на 680 тыс. руб.*) То же сырье китайцами вывозится и на другіе рынки. Что касается *привоза*, то главные предметы первѣйшей необходимости у монголовъ чай и далимба (бумажная матерія) привозятся исключительно изъ Китая. Одного чаю, только изъ Куку-хото, въ Монголію было вывезено, въ 1885 г., приблизительно на милліонъ рублей; не говоря о другихъ необходимыхъ предметахъ привоза. Наши-же общіе обороты тогда едва достигали 200 т. руб., т. е. почти въ пять разъ меньше. Если обороты китайцевъ, за послѣдующее время, также пропорціонально возвысились какъ наши, то легко прійти къ заключенію, что мы ведемъ въ Монголіи, сравнительно съ китайцами, весьма незначительную торговлю. Между тѣмъ для доставки товаровъ изъ Куку-хото до Улясутая на верблюдахъ требуется 60 дней ѣзды, а до Кобдо—80 дней ѣзды. Мы-же, вывозя сырье на Култукъ, могли-бы привозить изъ Улясутая на 25—30 день, а если-бы приспособить р. Енисей къ пароходству, то на желѣзную дорогу изъ Улясутая, можно привезти въ 15—18 дней.

Мы видимъ, что, несмотря на благопріятныя условія, наша торговля до сихъ поръ не можетъ конкурировать съ китайской и развивается довольно тихо. Чѣмъ-же объяснить? Попробуемъ указать на тѣ терніи, которые тормозятъ дѣло.

1) Монголы не знакомы почти ни съ какими предметами европейскаго производства, кромѣ своего самаго скромнаго

---

*) Подсчетъ сдѣланъ приблизительно. См. „Труды русскихъ торговыхъ людей въ Монголіи“. Зап. Вост.-Сиб. Отд. Императорскаго Русск. Геогр. Общ.

обихода. Хотя впечатлительный умъ монголовъ приходитъ въ восторгъ отъ каждой мелочи и, когда въ его юрту появляется европеецъ, то предметомъ поразительнаго вниманія служитъ все, начиная отъ бѣлья до всякой незначительной вещи обстановки; у монгола появляется желаніе ихъ пріобрѣсти; но, съ другой стороны, монголы религіозны и глубоко консервативны въ своей жизни и нравственномъ складѣ и быстро отвертываются отъ всего, что не согласуется съ ихъ понятіями и убѣжденіями, а между тѣмъ, наша торговля не можетъ до сихъ поръ угодить подборомъ товаровъ, а главное, наша промышленность не можетъ удовлетворить рынка. Вотъ почему послѣдніе годы русскіе бросаютъ ввозить русскіе товары въ Монголію. Находятъ болѣе выгоднымъ покупать сырье на русскіе деньги или на серебро, а, въ крайности, покупаютъ товары у китайцевъ, какъ-то: чай, далимбу и пр. Штука далимбы (бумажной матеріи, служащей главнымъ матеріаломъ для одежды монголовъ), англійскаго производства, стоитъ въ Улясутаѣ 1 р. 20 к., а наша московская далимба, гораздо худшаго достоинства, стоитъ только въ Москвѣ 2 р. и такъ многое другое...

2) Русскіе люди, ведущіе свои дѣла въ Монголіи, не больше знаютъ о Монголіи, чѣмъ монголы о Россіи. Они не только не знакомы съ географіей страны, но до сихъ поръ (за 40 л.) не могутъ разобраться даже въ какомъ направленіи имъ выгоднѣе вести торговыя сношенія; такъ, шерсть, покупаемая гдѣ нибудь около Косогола, въ 400 верстахъ отъ Иркутска, везется не прямымъ путемъ на Иркутскъ, а черезъ Улясутай, Кошъ-Агачъ, Бійскъ и на ст. Обь Сибирской дороги; дѣлается кружный путь въ 2000 верстъ и уплачивается за провозъ, вмѣсто рубля, три рубля и болѣе.

Мы уже нѣсколько лѣтъ строимъ чуйскій колесный путь изъ Бійска черезъ Кошъ-Агачъ, борясь съ суровою природою, взрываемъ десятки скалъ строимъ дорогіе мосты черезъ бурныя горныя рѣки Алтая, затрачиваемъ почти сотню

тысячъ рублей, чтобы открыть путь для монгольскихъ сношеній и, когда этотъ путь будетъ готовъ, то провозъ по нему товаровъ изъ Улясутая все равно потребуетъ гужевого и вьючнаго движенія на 1600 верстъ, съ провозною платою до желѣзной дороги не менѣе 2-хъ рублей съ пуда, а между тѣмъ, отъ Иркутска до Улясутая всего 700—800 верстъ; колесная дорога и нынѣ имѣется не хуже будущей чуйской и пока безъ всякихъ расходовъ отъ казны, а провозъ будетъ стоить не болѣе 1 рубля....

Рѣка Енисей широкою лентою связываетъ Монгольскія степи съ Сибирской желѣзной дорогою, но по ней не вывозится ни одного пуда монгольскаго сырья. А между тѣмъ, открытіе воднаго пути по Енисею не только уменьшило-бы до минимума провозную плату товаровъ изъ Улясутайскаго округа и Урянхайской земли, но, главное, ускорило-бы оборотъ капитала.

Въ бытность въ Улясутаѣ я интересовался узнать, почему купцы не пользуются Енисеемъ для вывоза монгольскаго сырья, сплавляя его изъ Урянхайской земли лѣтомъ хотя-бы на плотахъ, а зимою по нему-же на саняхъ. Но наши торгующіе полагаютъ, что такое сообщеніе весьма опасно, такъ какъ проходъ плотовъ черезъ Енисейскіе пороги не всегда бываетъ удаченъ, да и зимою рѣка Енисей въ порогахъ не всегда останавливается достаточно прочно, а главное, русскіе торгующіе въ Монголіи, по преимуществу бійцы, и совершенно не знакомы съ направленіемъ на Минусинскъ и Иркутскъ, да при томъ, большіе патріоты своего Бійска и глубокіе консерваторы въ своемъ дѣлѣ.

Если-же были-бы сорваны пороги по Енисею и установлено пароходство изъ Монголіи до г. Красноярска, то купцы полагаютъ, что тогда все сырье будетъ, конечно, отправляться по р. Енисею и стоимость провоза вмѣсто 2 р. 80 к. съ пуда можетъ уменьшиться до 85 коп. При такихъ условіяхъ, конечно, можно было-бы надѣяться на улучшеніе печальнаго положенія нашей торговли въ Монголіи.

Устройство пароходства по Верхнему Енисею не моглобы составить слишкомъ большихъ затрудненій, такъ какъ главнымъ препятствіемъ для судоходства является, говорятъ, порогъ при устьѣ Казыръ-сука, называемый Большимъ. По разсказамъ опытнаго лоцмана, прогнавшаго черезъ него уже больше сотни плотовъ съ грузомъ, крестьянина Казанцева, занимающагося сплавомъ рыбы и лѣса по Енисею изъ Урянхайской земли, около 30 лѣтъ, порогъ этотъ представляетъ собою лишь узкую щель между скалами, сковывающими въ узкую рамку широкій и многоводный Енисей, сильно увеличивая такимъ образомъ быстроту теченія рѣки въ этомъ мѣстѣ и образуетъ большое волненіе, вслѣдствіе большой глубины. Но въ самой тѣснинѣ камней нѣтъ, а имѣется одинъ камень по срединѣ рѣки ниже тѣснины, миновать который очень трудно, благодаря страшной быстротѣ теченія въ этомъ мѣстѣ. Прочіе пороги представляютъ собою лишь перекаты, требующіе меньшей разработки.

Установленіе пароходства по Верхнему Енисею, открывъ удобный водный путь изъ Монголіи къ желѣзной дорогѣ, помимо улучшенія нашей торговли, благопріятно вліяло-бы на развитіе нашей золотопромышленности въ западныхъ Саянахъ, на увеличеніе нашего скотоводства и скототорговли въ степяхъ Урянхайской земли и Монголіи и имѣло бы важное политическое значеніе.

3) Недостатокъ консульскаго надзора въ сѣверо-западной Монголіи (ургинскій консулъ одинъ на всю сѣверную Монголію), тяжело отзывается на нашихъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ Улясутаѣ, Кобдо, въ Урянхайской землѣ имѣются русскіе представители изъ торгующихъ купцовъ (купеческіе старшины), занятые своими дѣлами, не имѣющіе никакой соотвѣтствующей обстановки они не могутъ имѣть серьезнаго вліянія. Въ большинствѣ всякихъ недоразумѣній и споровъ китайскія и монгольскія власти принимаютъ сторону монголовъ и китайцевъ и наши старшины, конечно, безсиль-

ны прійти на помощь русскимъ интересамъ, съ надлежащимъ авторитетомъ.

4) Отсутствіе телеграфнаго и даже почтоваго сообщенія затрудняетъ всякія сношенія; не полученіемъ своевременно нужныхъ свѣдѣній создаются иногда такія путаницы, что не рѣдко подрываютъ очень серьезно бюджеты торговыхъ домовъ*).

5) Русскіе торгующіе въ Улясутаѣ и Кобдо не имѣютъ права строить своихъ домовъ и складовъ; разбросанные по всему городу, они беззащитны, въ случаѣ какихъ нибудь безпорядковъ въ Монголіи. Разрѣшеніе русскимъ имѣть собственныя постройки дастъ имъ прочное положеніе въ Монголіи и безопасность.

6) Провозъ товаровъ иностраннаго производства по Сибирской дорогѣ и воднымъ путемъ (Енисеемъ), могъ-бы намъ стоить, надо думать, дешевле, чѣмъ китайцамъ; куда товары идутъ почти кругомъ свѣта во Внутренній Китай, а изъ Китая въ Монголію черезъ пустыни. Но торгующіе говорятъ, что наши пошлины на иностранные товары увеличиваютъ ихъ стоимость и уничтожаютъ возможность этимъ способомъ конкурировать съ китайцами. Говорятъ, что русско-китайскій банкъ ввозитъ серебро безпошлинно, а русскіе торгующіе уплачиваютъ вывозную пошлину больше 100 р. съ пуда, поэтому, пудъ серебра въ Россіи стоитъ 700 р., а въ Монголіи около 500 руб. Установленіе возврата пошлины съ иностранныхъ товаровъ и серебра, вывозимыхъ въ Монголію, сильно облегчило-бы положеніе нашей торговли.

Конечно, желательно-бы побольше привлечь капиталовъ для монгольской торговли, а главное, чтобы русско-китайскій банкъ помогалъ, а не конкурировалъ съ нашими купцами.

7) Если бы намъ удалось установить пароходное сообщеніе по р. Енисею и дать нѣкоторыя облегчительныя условія нашимъ торгующимъ, въ родѣ возврата пошлинъ на иностран-

*) Въ настоящее время, по настоянію Командующаго войсками Сибирскаго округа Генерала Сухотина, рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ телеграфа до Кошъ-Агача изъ Бійска.

ные товары, увеличить консульскій надзоръ, получить разрѣшеніе на постройку домовъ въ Улясутаѣ и Кобдо и, наконецъ, развить обрабатывающую промышленность сообразно требованіямъ рынка и, по преимуществу, въ Сибири, то смѣло можно надѣяться, что значительная часть сырья увозимаго нынѣ китайцами—перешла-бы въ руки Россіи.

Пути сообщенія.

Монголія, по преимуществу, страна степей. Сообщеніе кочевниковъ совершается исключительно верхомъ и вьюкомъ, тяжести перевозятся на верблюдахъ, поэтому для внутреннихъ сношеній въ Монголіи не требуется особой заботливости о путяхъ сообщенія. При такомъ способѣ передвиженія, монголъ можетъ проѣхать въ любомъ направленіи, не разбирая есть или нѣтъ тропы и дороги. Около крупныхъ центровъ употребляются изрѣдка колесныя арбы и появляются колесныя дороги, но, по преимуществу, участками. Однако Монголія такая страна, гдѣ проложеніе колесныхъ путей и даже прямо движеніе на колесныхъ экипажахъ, препятствій не встрѣтитъ, доказательствомъ служитъ опытъ усинскихъ торгующихъ, по собственной иниціативѣ, проложившихъ хорошую колесную дорогу почти на 1000 верстъ.

Для насъ болѣе существенный вопросъ о путяхъ сообщенія Россіи съ Монголіей.

Сообщеніе главнаго центра сѣверо-западной Монголіи,— г. Улясутая съ Россіей производится по слѣдующимъ направленіямъ:

1) Улясутай—Кобдо—Бухтарминская долина и на городъ Устькаменогорскъ.

2) Улясутай—Кошъ-агачъ и Бійскъ около 1200 верстъ*).

3) Улясутай—хребетъ Танну-ола, р. Енисей, селеніе Усинское и городъ Минусинскъ 1000 верстъ.

4) Улясутай, озеро Косоголъ, Тунка и городъ Иркутскъ 800 верстъ.

---

*) Болѣе подробное описаніе перваго и второго путей см. мой очеркъ поѣздки въ Алтай 1901 г. Зап. З. С. И. Р. Г. Общ. кн. XXX и спеціальный отчетъ (въ рукописи) о поѣздкѣ въ Алтай.

5) Улясутай—Урга и Кяхта.

Всѣ пять путей теперь сняты русскими маршрутами. Первый—Матусовскимъ въ 1870 г., второй на участкѣ Улясутай, Кошъ-агачъ и пятый на участкѣ Урга—Улясутай—Пѣвцовымъ въ 1879 г., третій и четвертый, въ заграничной части, нашей экспедиціей въ 1903 году, а въ Россіи офицерами Генеральнаго Штаба Сибирскаго округа.

Разсмотримъ эти пути въ отношеніи: 1) удобства движенія по нимъ, 2) торговаго значенія.

Удобство движенія.

1) Путь Улясутай—Кобдо—дол. Бухтармы на Устькаменогорскъ можно раздѣлить на три участка. Отъ Улясутая до русской границы путь удобенъ для колеснаго движенія, между городомъ Улясутаемъ и Кобдо и теперь совершается таковое. Особенно трудныхъ переваловъ и большихъ рѣкъ на пути не встрѣчается. Болѣе крупныя рѣки Кобдо и Богдо-голъ въ большую часть года переходимы бродомъ.

Отъ русской границы до поселка Урыльскаго на р. Бухтармѣ путь когда-то былъ приспособленъ къ колесному движенію: черезъ каменныя болота были сдѣланы гати, черезъ рѣки мосты, приспособлены подъемы и спуски. Но послѣдніе 20 лѣтъ дорога эта заброшена, мосты и гати погнили и развалились и путь превратился въ трудно-проходимый даже для вьючнаго сообщенія. Здѣсь имѣется три очень крутыхъ перевала: Уланъ-даба, Укокъ и Коко-даба, путь пересѣкается бурными и глубокими рѣками Алаха и Бухтарма, опасными для переправы.

Казалось-бы возможнымъ улучшить этотъ путь, произведя ремонтъ его натуральною повинностью сосѣднихъ киргизскихъ волостей.

Отъ границы до пос. Урыльскаго, на разстояніи 100 вер. путь проходитъ по пустынной мѣстности, если не считать нѣсколькихъ кочевниковъ киргизъ Чингистайской волости, да завода Мѣновщикова.

Отъ поселка Урыльскаго до г. Устькаменогорска существуетъ хорошая колесная проселочная дорога, по которой постоянно совершается колесное сообщеніе. Весь путь открытъ только лѣтомъ. Зимою сильныя мятели на укокскомъ плоскогоріи и въ долинѣ Бухтармы сильно мѣшаютъ сообщенію. Вообще этотъ путь едва-ли можно признать удобнымъ.

2) Отъ Улясутая на Кошъ-агачъ, Чуйскою долиною, въ городъ Бійскъ путь можно раздѣлить на двѣ части отъ Улясутая до Кошъ-агачъ дорога идетъ по степной мѣстности, колесное движеніе затрудняется переходомъ черезъ рѣку Дзапхынъ, текущую въ песчано-болотистомъ руслѣ. Экипажи съ большими грузами опасно пускать бродомъ черезъ эту рѣку, такъ какъ экипажъ можетъ затонуть въ рѣкѣ и уйти въ болотистое дно, да и бродъ глубокій. На этомъ участкѣ встрѣчается только одинъ значительный перевалъ черезъ пограничный хребетъ (перевалъ Ташанту).

Отъ Кошъ-агача до Бійска дорога идетъ по Алтайской горной системѣ: сначала долиною р. Чуи, потомъ по долинѣ Катуни и ея лѣвыхъ притоковъ.

Путь этотъ изъ труднаго вьючнаго, въ послѣдніе три года, разработанъ въ колесный, однако опасности этого пути мало уменьшились. Остались тѣ-же крутые подъемы и спуски при переходѣ черезъ перевалы Аржанной, Чикитътаманъ, Саменскій и 13 мелкихъ отроговъ Чуйскихъ Альпъ, вплотную сковывающихъ долину Чуи. На пути приходится переходить черезъ глубокія рѣки: Чую и Катунъ,—хотя на этихъ переходахъ частью устроены, а частью устраиваются переправы и мосты. Путь открытъ весь годъ.

Нужно замѣтить, что и по этому направленію путь отъ Улясутая до Катуни, около 1000 верстъ идетъ по малонаселенной степи, горамъ, при отсутствіи осѣдлыхъ населенныхъ пунктовъ.

3) Путь Улясутай—Минусинскъ можно раздѣлить на три участка: Улясутай и русское селеніе Усинское; отъ селенія

Усинскаго до селенія Григорьевка (Желома), и, наконецъ, до Минусинска.

Первый участокъ проходитъ частію по высокому степному плоскогорію Хангайскому, затѣмъ долиною рѣки Тесинъ-голъ, переваливаетъ хребетъ Танну-ола, пересѣкаетъ Урянхайскія степи, рѣку Енисей, поднимается по южнымъ склонамъ западнаго отрога Саянскихъ горъ. Весь путь въ 700 верстъ вполнѣ приспособленъ къ колесному движенію; на всемъ протяженіи двѣ значительныя преграды: хребетъ Танну-ола съ крутымъ сѣвернымъ скатомъ и рѣка Енисей шириною около 250 саженъ, глубиною до 2—3 саж. Тѣмъ не менѣе по этому пути и въ настоящее время совершается движеніе колесныхъ каравановъ. Грунтъ дороги твердый, путь хорошо укатанный и удобенъ для движенія.

Участокъ отъ селенія Усинскаго до селенія Григорьевки (Желомы) идетъ по западному отрогу Саянскихъ горъ съ крутыми подъемами и спусками, очень каменистый и проходитъ по вершинамъ рѣки Ои, Казыръ-сукъ, въ долину М. Кебежа, среди глухой саянской тайги. Колеснаго движенія по нему теперь нѣтъ и въ томъ направленіи, гдѣ проходитъ вьючная тропа, устроить нельзя, но, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, на эти 100 верстъ можно устроить, обходя большіе перевалы, хорошій колесный путь, по долинѣ рѣки Большого Кебежа.

Отъ селенія Желомы до Минусинска имѣется хорошая колесная проселочная дорога по русскимъ населеннымъ мѣстамъ.

Участокъ пути между селеніемъ Усинскимъ и селеніемъ Григорьевка, зимою, съ начала октября до конца марта, совершенно закрывается. Но съ конца декабря до марта возможно сообщеніе по льду р. Енисея. Такимъ образомъ сообщеніе съ Монголіей по этому направленію совершенно прекращается съ октября по декабрь и съ марта по конецъ мая.

При устройствѣ колеснаго пути на участкѣ Усинское—Григорьевка—этотъ путь былъ-бы короче Чуйскаго и, кромѣ того, отъ Енисея проходилъ-бы черезъ русскія зарубежныя селенія, а въ Монголіи по болѣе населенной ея части (хошуны Ванъ-гуна и Сартулъ).

4) Улясутай—Иркутскъ. Этотъ путь можно раздѣлить на два участка: Улясутай—Монды и отъ Монды до Култука. Такъ какъ отъ Култука до Иркутска скоро будетъ окончена желѣзная дорога. На участкѣ Улясутай—Монды 600 вер. путь проходитъ сначала по Ханхайскому плоскогорію, затѣмъ вдоль по восточному берегу оз. Косогола и переваливаетъ юго-восточный Саянскій отрогъ.

На всемъ пути возможно установить колесное движеніе, а мѣстами таковое уже и существуетъ. На этомъ участкѣ приходится совершить три значительныхъ перевала изъ системы р. Богдо-гола въ систему р. Эдринъ-голъ, изъ послѣдней—въ Тесинъ-голъ и изъ системы озера Косогола въ систему р. Иркута. Но всѣ эти перевалы удобны для подъема и спуска, а по первому и нынѣ происходитъ колесное движеніе. Нѣкоторое затрудненіе представитъ собою рѣка Тельгиръ-муринъ шириною около 20 саженъ, глубиною по стремя лошади, при чемъ эта рѣка течетъ въ глубокой горной и тѣсной долинѣ. Спускъ и подъемъ къ рѣкѣ довольно затруднительный. По восточному берегу Косогола приходится пересѣкать волнистые отроги Саянъ, то поднимаясь, то спускаясь въ долины рѣкъ. Но трудные мѣста можно обходить объѣздомъ, вдали отъ озера.

Сплошное направленіе отъ Монды до Улясутая монголамъ не знакомо, да и изъ русскихъ торгующихъ мало, кто его знаетъ. Между тѣмъ установить по нему транспортное движеніе отъ Улясутая на Култукъ вполнѣ возможно безъ особыхъ затрудненій и теперь. Тогда установится и колесное движеніе. Участокъ Монды до Култука теперь приспособленъ къ колесному движенію, но проходя по горной странѣ,

имѣетъ очень много крутыхъ подъемовъ и спусковъ, пересѣкаетъ нѣсколько разъ глубокую и бурную горную рѣку Иркутъ и нѣсколько опасныхъ его притоковъ. Мостовъ мало, а на участкѣ Тунка—Монды и совсѣмъ нѣтъ.

5) Улясутай—Урга—Кяхты. На всемъ пути возможно, и нынѣ совершается колесное движеніе. Подробностей объ этомъ пути привести не могу, такъ какъ лично съ нимъ не знакомъ.

Въ отношеніи торговаго значенія наиболѣе важный и древнѣйшій по своему возникновенію является путь Кяхта—Урга. По этому пути совершается и до сихъ поръ главная караванная торговля наша съ внутреннимъ Китаемъ. Вторымъ, по значенію, пока остается путь Улясутай—Кошъ-Агачъ и Бійскъ. По этому пути ежегодно отправляется все сырье изъ с.-з. Монголіи на Сибирскую желѣзную дорогу. Обороты торговли по этому пути постепенно увеличиваются. Въ 1900 году обороты достигали 1.043.848 руб. Въ 1901 г.— 1.724.500 руб. Въ 1902 г. превысили 2.000.000. А нынѣшній годъ ожидается увеличеніе до 3 милліоновъ рублей.

Но тѣмъ не менѣе нельзя расчитывать въ будущемъ на особенно крупное развитіе торговаго движенія по этому пути, потому-что онъ является наиболѣе кружнымъ изъ всѣхъ направленій (1600 верстъ), требующимъ слишкомъ много времени для торговооборота товаровъ (полтора года), и возвышающимъ провозную плату до 2 руб. 20 к. и 2 руб. 80 к. съ пуда отъ Улясутая до Сибирской желѣзной дороги. Если не будетъ принято мѣръ къ открытію другихъ путей, наиболѣе благопріятныхъ, какъ уже сказано, то нельзя разсчитывать на широкое развитіе вообще нашей торговли въ Монголіи.

Путь Улясутай—Минусинскъ въ настоящее время обслуживаетъ только мѣстную торговлю. По этому пути теперь провозится изъ селенія Усинскаго и нашихъ русскихъ поселковъ, въ Урянхайской землѣ, въ Улясутай до 50 пудовъ ма-

ральихъ роговъ на сумму въ 30/т. р. И обратно изъ Улясутая въ селеніе Усинское провозится около тысячи мѣстъ чая. Другого русскаго торговаго движенія по этому пути не имѣется, въ виду трудности сообщенія селенія Усинскаго съ Минусинскомъ. Зимою по льду р. Енисея вывозится въ Урянхайскую землю разныхъ товаровъ для мѣстной торговли на сумму около 200/т. р.*).

Путь Улясутай—Иркутскъ имѣетъ теперь лишь значеніе скотопрогоннаго. Ежегодно выгоняютъ по этому пути свыше 30 тысячъ головъ разнаго скота на сумму около 1 милліона рублей, но товаровъ по этому пути почти не ввозится и не вывозится. Предположеніе нѣкоторыхъ фирмъ установить колесное транспортированіе кладей по этому пути будетъ имѣть значеніе, такъ какъ по этому пути отъ Улясутая возможно привезти товары за 1 р.—1 р. 50 к. съ пуда до желѣзной дороги вмѣсто 2 р. 20 к.—2 р. 85 к., уплачиваемыхъ нынѣ по чуйскому пути на Бійскъ. Но оба пути чуйскій и иркутскій могутъ потерять общее значеніе и будутъ обслуживать ближайшіе мѣстные районы: чуйскій—западную половину Кобдосскаго и иркутскій—восточную половину Улясутайскаго, если будетъ открыто пароходство по р. Енисею.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ о сѣверо-западной Монголіи, позволю себѣ указать на нѣкоторыя условія характеризующія современное положеніе Монголіи.

На почвѣ крайней некультурности населенія, вліяніе съ одной стороны китайской администраціи, руководящейся хищническими тенденціями и необезпечивающей населенію никакой гарантіи правового порядка, а съ другой стороны ламаизмъ, пустившій въ бытъ Монголіи слишкомъ глубокіе корни, настолько, что $^1/_3$ населенія состоитъ изъ ламъ обязанныхъ безбрачіемъ и живущихъ со всѣми своими многочисленными монастырями и святителями на средства рабочаго населенія—доводятъ богатѣйшую скотоводческую страну до раззоренія и вымиранія. Будущее Монголіи рисуется намъ достаточно мрачными красками.

В. П.

---

*) См. Урянхайская земля. Русскіе интересы.

КАРТА
ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ
И
САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СИСТЕМЫ.
СОСТАВЛЕНА ПО МАРШРУТУ ЭКСПЕДИЦІИ И РАСПРОСНЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ
Приложеніе къ описанію путешествія через Саяны и Монголію
Масштабъ
Путь экспедиціи Капитана Попова
КАНСКЪ
КРАСНОЯРСКЪ
ИРКУТСКЪ
Минусинскъ
Озеро Убса
КОБДО
УЛЯСУТАЙ
М О Н Г О Л І Я

НЕ ПОДЛЕЖИТЪ ОГЛАШЕНІЮ.

Черезъ

Саяны и Монголію

Приложеніе къ ч. І-й.

ОЧЕРКЪ ВОЕННАГО ЗНАЧЕНІЯ С.-З. МОНГОЛІИ И ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ СИБИРИ.

Генеральнаго Штаба Капитана Виктора Попова.

ОМСКЪ.
Типог. Штаба Сибир. воен. округа.
1905.

Разрѣшено къ печатанію Командующимъ войсками Сибирскаго воен. округа.

Оглавленіе.

ГЛАВА I. **Предисловіе:** Стран.

Стратегическое значеніе Сибири . . . . 1.

Значеніе границы Сибирскаго округа съ Монголіей . . . . 3.

ГЛАВА II. **Пограничная полоса Сибири** . . . . 3.

ГЛАВА III. **Монголія:**

Войска регулярныя . . . . 5.

Обученіе жителей г. Улясутая. Монгольская милиція . . . . 9.

Монгольскіе пограничные караулы . . . . 12.

Крѣпость . . . . 14.

Русскій опорный пунктъ въ Улясутаѣ . . . 18.

Пути сообщенія . . . . 19.

Вліяніе китайской власти въ Монголіи . . 23.

Отношеніе монголовъ къ Россіи . . . . 28.

ГЛАВА IV. **Выводы изъ рекогносцировки С.-З. Монголіи** 30.

ГЛАВА V. **Заключеніе по рекогносцировкѣ области Саянъ со включеніемъ Урянхайской земли** . 37.

ГЛАВА VI. **Общее заключеніе** . . . . . 41.

Приложеніе къ описанію путешествія „черезъ Саяны и Монголію".

ОЧЕРКЪ

военнаго значенія Сѣверо-Западной Монголіи и пограничной полосы Сибири.

I) ПРЕДИСЛОВІЕ.

Стратегическое значеніе Сибири.

Еще такъ недавно было время, когда не только нельзя было говорить, но даже серьезно и думать о какомъ-нибудь стратегическомъ значеніи Сибири и въ особенности Сибирской границы съ Монголіей. Еще 5 лѣтъ тому назадъ никто и не думалъ считать Сибирскій округъ пограничнымъ, но наша обстановка на Дальнемъ Востокѣ становится все сложнѣе и сложнѣе; передъ нами уже выросъ сильный противникъ—Японія, а затѣмъ, въ ближайшемъ резервѣ, обозначается еще болѣе сильный—Китай. Историческія событія складываются такимъ образомъ, что волей-неволей, а намъ приходится считаться съ ними.

Трудно сомнѣваться въ успѣхѣ нашей борьбы на востокѣ, но еще труднѣе думать, чтобы японцы, сломленные нашимъ оружіемъ, еще глубже не затаили мысли о реваншѣ. Можно съ большимъ убѣжденіемъ предполагать, что они всю свою азіатскую хитрость и изворотливость направятъ на эту идею.

И сколько-бы мы не стремились сохранить съ обширной Китайской державой миръ и равновѣсіе, можно полагать, что японцы добьются союза Китая, пожертвуютъ многимъ, чтобы создать изъ него крупную боевую силу.

Пусть допустимъ, что этого никогда не будетъ; но нельзя отрицать, что это *можетъ* быть. А тогда, намъ казалось бы, нужно взглянуть на эту возможность открыто и быть готовымъ къ еще болѣе серьезной борьбѣ, чѣмъ теперь.

При какихъ-бы комбинаціяхъ намъ не пришлось вести борьбу на Дальнемъ Востокѣ —Сибирь должна будетъ играть въ ней крупную роль.

Уже въ 1900 году Сибирь играла роль базы для операцій на Дальнемъ Востокѣ. За краткостью кампаніи, значеніе Сибири не успѣло достаточно рельефно обозначиться. Но въ настоящую кампанію такое положеніе Сибири сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ: Сибирь дала почти 150.000 солдатъ, нѣсколько десятковъ тысячъ лошадей, Сибирь кормитъ полумилліонную рать, во время ея слѣдованія на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, Сибирь охраняетъ величайшую изъ всѣхъ когда-нибудь существовавшихъ коммуникацій. А между тѣмъ, что представляетъ собою Сибирь въ настоящее время: малонаселенную, малокультурную страну, съ обширными площадями еще отличной до сихъ поръ не тронутой плугомъ земли, непроходимые вѣковые лѣса, при отсутствіи путей сообщенія; скотоводство и коневодство Сибири поставлено на примитивныхъ началахъ, обрабатывающей промышленности, можно сказать, и совсѣмъ еще нѣтъ.

Нѣтъ сомнѣній, что по окончаніи войны съ Японіей, будетъ обращено вниманіе на особенно интенсивное переселеніе въ Сибирь, на возможно крупное развитіе въ ней хлѣбопашества, скотоводства, коневодства, на развитіе обрабатывающей промышленности; можно предполагать, что будутъ приняты мѣры, чтобы Сибирь могла самостоятельно одѣть, накормить и снабдить всѣмъ необходимымъ—такую русскую рать, какая нужна будетъ въ будущемъ на Дальнемъ Востокѣ.

О важномъ значеніи Сибирской желѣзной дороги теперь говорить уже не приходится, можно только думать, что про-

возоспособность ея вѣроятно увеличится и будутъ приняты мѣры къ использованію обширныхъ водныхъ артерій для перевозки на Дальній Востокъ грузовъ и войскъ. Такъ по крайней мѣрѣ рисуется намъ въ общихъ чертахъ современное значеніе Сибири.

Значеніе границы Сибирскаго округа съ Монголіей.

Уже такой, самый общій, взглядъ на значеніе Сибири въ будущемъ указываетъ, что нельзя не обратить вниманія надъ обезпеченіемъ границы ея съ Монголіей, принадлежащей Китаю; въ особенности если принять во вниманіе, что эта граница протянулась на нѣсколько тысячъ верстъ, и притомъ, почти на половинѣ разстоянія параллельно Сибирской дорогѣ, а пограничная полоса населена народами чуждыми русской культурѣ.

Всякое воздѣйствіе со стороны Монголіи на Сибирскую границу, въ періодъ сосредоточенія силъ и операцій на Дальнемъ Востокѣ, можетъ имѣть крупныя послѣдствія и, какъ самое наименьшее, вызоветъ необходимость имѣть, для обезпеченія безопасности, серьезныя силы.

А потому можно признать вполнѣ естественнымъ желаніе хотя-бы сколько нибудь освѣтить вопросъ, что представляетъ собою пограничная полоса и сосѣдняя намъ Монголія съ военной точки зрѣнія.

II) ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛОСА СИБИРИ.

Граница Сибири съ Монголіей (Китаемъ) опредѣлена въ первый разъ трактатомъ 1727 года и можетъ быть подраздѣлена на три участка: самый западный—*Алтайскій*, средній—*Саянскій* и восточный—*Забайкальскій*.

Въ западной части Монголіи граница строго опредѣлена позднѣйшими трактатами по Алтайскому водораздѣлу (хребетъ Сайлюгемъ)*). Отъ этого хребта направленіе нашей гра-

*) Объ этомъ хребтѣ см. мой очеркъ поѣздки по Алтаю въ зап. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.

ницы въ Саянахъ, не пересматривалось съ 1727 года и остается *вопросомъ,* о которомъ мною уже высказано нѣсколько словъ*). Участокъ восточный—Забайкальскій, пересматривался неоднократно въ позднѣйшее время и потому особыхъ сомнѣніи не возбуждаетъ.

Остановлюсь на самомъ краткомъ очеркѣ двухъ участковъ, входящихъ въ составъ территоріи Сибирскаго округа.

Участокъ границы въ предѣлахъ Алтая**), нельзя признать трудно проходимымъ; изъ Монголіи въ предѣлы Россіи имѣется три открытыхъ пути: отъ Чугучака на сѣверъ, въ предѣлы Семипалатинской области, изъ верховьевъ В. Иртыша на Зайсанъ и, наконецъ, черезъ хребетъ Сайлюгемъ на с. Кошъ-агачъ и по долинѣ р. Чуи въ г. Бійскъ.

По всѣмъ тремъ направленіямъ имѣются колесныя пути, удобные для движенія всѣхъ родовъ оружія.

Но прилегающая къ границѣ мѣстность на сотни верстъ почти пустынна, населена полудикими кочевниками: киргизами, колмыками, теленгитами и другими. Хотя этихъ полудикарей и нельзя считать совершенно преданными намъ, но нельзя и предположить, чтобы они когда нибудь превратились въ угрожающую намъ силу, даже при содѣйствіи нашихъ враговъ. Ближайшіе русскіе поселенія расположены отъ границы на 200—300 верстъ, а самый существенно-важный пунктъ, за который мы обязаны опасаться (желѣзная дорога), находится отъ границы почти на тысячу верстъ.

Такимъ образомъ, никакому благоразумному противнику и въ мысль не придетъ вести операціи въ этой пограничной полосѣ, за недостаткомъ какихъ-нибудь серьезныхъ объектовъ для операцій.

Саянскій участокъ границы представляетъ собою горную страну, покрытую въ значительной части непроходимыми вѣковыми лѣсами; со множествомъ болотъ и крупныхъ рѣкъ,

---

*) См. Урянхайская земля. Пограничный вопросъ.

**) Описаніе его см. мой отчетъ о полевой поѣздкѣ въ 1901 году (въ рукописи).

и можетъ быть признанъ крайне труднымъ для движенія даже мелкихъ частей войскъ. Но, прилегая на разстояніи свыше 1000 верстъ непосредственно къ Сибирской желѣзной дорогѣ, заставляетъ обращать на себя серьезное вниманіе.

Въ обзорѣ области Саянъ, Урянхайской земли и сѣверо-западной Монголіи*), я изложилъ, насколько въ настоящее время имѣлъ возможность, свѣдѣнія объ этой части пограничной полосы, но считаю необходимымъ отмѣтить здѣсь важность пограничнаго района около оз. Байкала и, въ особенности, направленія отъ озера Косогола на г. Иркутскъ. Близость желѣзной дороги (всего около 200 верстъ) и удобство сообщенія по долинѣ р. Иркута на сел. Култукъ, привлекала вниманіе японцевъ еще до войны (лѣтомъ 1903 г.). Мѣстность по ту сторону пограничнаго хребта (собственно въ Монголіи) можно признать удобною для движенія войскъ по всѣмъ направленіямъ. Снабженіе азіатскихъ жителей, питающихся по преимуществу мясомъ, затрудненій не встрѣтитъ, а при удивительной хитрости и скрытности азіатовъ, сосредоточеніе отрядовъ въ монгольскихъ кочевьяхъ—трудно услѣдить.

Въ виду такихъ соображеній не лишнее будетъ отмѣтить въ какомъ положеніи въ лѣто 1903 года было военное дѣло въ Монголіи и что можно ожидать съ этой стороны намъ.

III) МОНГОЛІЯ.

Войска регулярныя.

Китайскія регулярныя войска въ сѣверной Монголіи во время моего проѣзда осенью 1903 года имѣлись только въ трехъ пунктахъ—въ городахъ Улясутаѣ, Ургѣ и Кобдо.

Мнѣ представлялась возможность лично провѣрить свѣдѣнія лишь объ улясутайскомъ гарнизонѣ. Въ Ургѣ и Кобдо я не былъ, и о гарнизонахъ этихъ городовъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія лишь отъ русскихъ торгующихъ.

*) См. описаніе моего путешествія черезъ Саяны и Монголію.

Числительность. Въ Улясутаѣ имѣлось всего 250—300 нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ крѣпости.

Комплектованіе. Улясутайскій гарнизонъ комплектовался во внутреннемъ Китаѣ вербовкою. Въ войска нанимаются китайцы въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ. Вербуются каждый на три года. Весь гарнизонъ мѣняется каждые три года. Гарнизонъ прибываетъ въ Улясутай въ осеннее время. Привозятся всѣ 300 человѣкъ на верблюдахъ, безъ всякаго вооруженія и въ своей одеждѣ. Смѣнившійся гарнизонъ такимъ же способомъ отправляется изъ Улясутая на верблюдахъ во внутренній Китай.

Одежда. Каждому солдату выдается на три года форменная бѣлая курма съ соотвѣтствующими надписями на груди и спинѣ. Кромѣ того каждый солдатъ получаетъ отъ казны также на три года зимнюю партикулярную одежду.

Продовольствіе разсчитывается каждому по 1 фунту мяса и по 1 фунту муки на одинъ день.

Жалованья получаютъ отъ 2 до 4 ланъ въ мѣсяцъ на каждаго солдата.

Помѣщеніе. Весь гарнизонъ живетъ въ крѣпости, въ спеціально построенныхъ для сего небольшихъ фанзахъ, расположенныхъ ближе къ западнымъ воротамъ. Каждая фанза разсчитана на 3—4 человѣка. Фанзы сдѣланы изъ мелкаго лѣса и обмазаны глиною. Расположены онѣ плотно одна около другой.

Пищу готовятъ каждый самъ себѣ, обыкновенно соединяясь въ группы по три-четыре человѣка.

Вооруженіе. Каждый солдатъ имѣлъ на рукахъ ружье 7 линейнаго калибра, заряжаемаго круглою пулею съ дула, не нарѣзное и съ фитильнымъ замкомъ*). Длина всего ружья съ прикладомъ 8 четвертей. Порохъ и пули для гарни-

*) Нельзя отрицать возможности, что теперь (въ 1904 году) гарнизонъ могъ получить новое вооруженіе.

зона хранятся въ пороховомъ складѣ, на руки выдаются только при практической стрѣльбѣ.

Въ крѣпости у начальствующихъ лицъ имѣется около 30 магазинныхъ винтовокъ современныхъ системъ съ нѣкоторымъ запасомъ патроновъ.

Командный элементъ. Высшая командная власть во всей Халхѣ принадлежитъ улясутайскому Цзянь-Цзюню.

Цзянь-Цзюнь*) назначается въ Улясутай непосредственнымъ выборомъ императора и обыкновенно смѣняется черезъ каждые три года. Настоящій Цзянь-Цзюнь—мандаринъ I класса, по имени Лянь-Шунь, 63-хъ лѣтъ отъ роду, вполнѣ сохранившійся мужчина, не обладающій особенною энергіею, весьма корыстолюбивый, не пользуется любовью и уваженіемъ въ Монголіи. Прежде служилъ амбанемъ въ гор. Ургѣ, хорошо знакомъ съ Халхою, немного освѣдомленъ о городахъ Сибири, особенно объ Иркутскѣ. Изъ многолѣтней службы въ Ургѣ порядочно знакомъ съ русскими.

Помощникъ Цзянь-Цзюня: амбань, по имени Куй-Хуанъ, 54-хъ лѣтъ, живой, энергичный, дѣятельный, имѣетъ военный чинъ да-жена; повидимому не придаетъ никакого значенія улясутайской крѣпости, поклонникъ всего европейскаго, но алкоголикъ и не въ ладахъ съ Цзянь-Цзюнемъ.

Затѣмъ командная и распорядительная власть надъ гарнизономъ и всѣми милиціонными силами сосредоточивается въ рукахъ монголъ-дзургана. Мандаринъ лѣтъ 45, дѣятельный, живой, большой дипломатъ въ китайскомъ стилѣ, пользуется вліяніемъ у Цзянь-Цзюня, но мало занимается военнымъ дѣломъ.

Всѣ три мандарина являются вмѣстѣ съ тѣмъ и административными правителями страны.

Спеціально военныхъ властей всего только четыре.

1) Цирик-гинъ-дамулъ**). Исполняетъ обязанности началь-

*) По китайскимъ источникамъ онъ имѣетъ званіе динъ-бянь-цзо-фу-цзянь-цзюня (воеводы).

**) Вѣроятно: гуань-ци-чжанъ-цзинъ.

ника штаба крѣпости, онъ руководитъ обученіемъ и внутреннимъ порядкомъ въ гарнизонѣ, онъ же является главнымъ руководителемъ и въ подготовкѣ монгольской милиціи.

2) Хорун-даба-мэрин. Завѣдуетъ только гарнизономъ крѣпости Улясутая на правахъ командира отдѣльной части. Онъ завѣдуетъ обученіемъ и внутреннимъ хозяйствомъ гарнизона.

3) Дзангинъ. Ближайшій помощникъ Хурун-даба-мэрина—офицеръ.

4) Хунда—нижній чинъ, помощникъ дзангина, нѣчто въ родѣ нашего фельдфебеля.

Обученіе. Въ 1903 году въ улясутайскомъ гарнизонѣ не производилось никакихъ регулярныхъ занятій. Только разъ въ мѣсяцъ, въ лѣтніе мѣсяцы, производилась практическая стрѣльба изъ ружей. Для чего въ долинѣ Богдогола, выше крѣпости, устанавливались деревянныя мишени шириною въ шесть всадниковъ и вышиною съ всадника; стрѣляли на дистанціи отъ 300 до 400 шаговъ. На каждый выстрѣлъ требуется нѣсколько минутъ. За каждый промахъ слѣдуетъ наказаніе, а за каждую попавшую пулю—награда. Стрѣльбою руководитъ хурун-даба-мэринъ.

Караульная и крѣпостная служба. Ежедневный нарядъ въ крѣпости состоитъ изъ пяти постовъ. Три поста въ крѣпости, на трехъ крѣпостныхъ башняхъ, и два поста около ружейнаго и орудійнаго цейхгаузовъ. Часовые ставятся на два часа и потомъ смѣняются новыми.

При Цзянь-Цзюнѣ, амбанѣ и при двухъ дзурганахъ назначается по нѣсколько вѣстовыхъ.

Въ свободное время нижніе чины гарнизона занимаются мелкою торговлею съ монголами и даже служатъ приказчиками у торгующихъ въ Улясутаѣ.

Вблизи крѣпости имѣется нѣсколько отдѣльныхъ фанзъ, въ которыхъ живутъ семьи солдатъ, т. е. наложницы монголки, гдѣ большинство солдатъ и проводитъ свободное время.

Гарнизоны городовъ *Урги* и *Кобдо*, говорятъ, состоятъ каждый изъ 200 нижнихъ чиновъ.

Порядокъ комплектованія, продовольствія такой же, какъ и въ Улясутаѣ, но обученіемъ занимаются больше, въ Ургѣ даже имѣются лошади и солдаты обучаются верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ съ коня. Гарнизоны подчиняются соотвѣтствующимъ амбанямъ, пользующимся положеніемъ комендантовъ этихъ крѣпостей.

Обученіе жителей г. Улясутая.

Въ городѣ Улясутаѣ живетъ свыше 1000 человѣкъ китайскихъ торговцевъ и приказчиковъ. Въ 1900 году, когда въ Улясутаѣ было тревожное время, ихъ точно также обучали стрѣльбѣ изъ ружей. Ученіе производилось холостыми зарядами и прямо на улицахъ или во дворахъ Улясутая. Обученіемъ завѣдывалъ цирик-гинъ-дамулъ, а ему помощникомъ былъ избранъ китаецъ, торгующій въ Улясутаѣ.

Монгольская милиція.

Каждая изъ четырехъ аймаковъ Халхи: Цецеинъ-хана, Тушету-хана, Сайнъ-нойона и Джасакту-хана раздѣляется на хошуны:

Цецеинъ-хана	на	20 хошуновъ.
Тушету-хана	„	22 хошуна.
Сайанъ-нойона	„	32 хошуна.
Джасакту-хана	„	22 хошуна.

Слѣдовательчо всего въ 4-хъ аймакахъ имѣется 96 хошуновъ. Каждый хошунъ раздѣляется на сумыны. Число сумыновъ бываетъ въ хошунѣ различно: отъ $1^{1}/_{2}$ и до 12 сумыновъ.

Посѣщенные мною хошуны раздѣляются:

Да-вана	на	$2^{1}/_{2}$ сумына.
Апше-гуна	„	$1^{1}/_{2}$ сумына.
Сартулъ	„	12 сумыновъ.
Ванъ-гуна	„	4 сумына.
Джасакту-хана	„	4 сумына.
Амбанъ-беля	„	3 сумына.
Батеръ-гуна	„	$1^{1}/_{2}$ сумына.

Сайнъ-нойона . . . . . на 8 сумыновъ.
На-гуна . . . . . . „ $1^1/_2$ сумына.

Такимъ образомъ среднее изъ 9 хошуновъ получается по 4 сумына на каждый.

Каждый сумынъ, въ случаѣ требованія, обязанъ выставить по 75 милиціонеровъ. Если считать въ среднемъ во всей Халхѣ 352 сум., то Халха обязана выставить Китаю 26400 всадниковъ; Кобдосскій округъ, включающій въ себя два аймака дурбетовъ и мелкіе олетскіе хошуны, можетъ выставить около 3—4 тысячъ. (Въ 1900 году въ Кобдо было призвано 2000 всадниковъ, но не всѣ призывались).

Комплектованіе. Каждая семья, имѣющая нѣсколько сыновей, обязана выставлять одного милиціонера, въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ. Всѣ милиціонеры назначены уже въ мирное время и имъ въ каждомъ хошунѣ долженъ вестись учетъ. Милиціонеръ не имѣетъ права далеко отлучаться отъ своего кочевья. Въ случаѣ-же, если-бы во время, требованія милиціонеровъ, кого нибудь изъ нихъ не оказалось дома, за него долженъ выѣхать его братъ, а если брата нѣтъ, то недостатокъ пополняется по назначенію сумыннаго начальства.

Вооруженіе. Каждому милиціонеру еще въ мирное время, говорятъ, отпущено 7-ми линейное, гладкоствольное фитильное ружье, лукъ со стрѣлками, порохъ, пули и пика. Но въ мирное время милиціонеры не обучаются стрѣльбѣ.

Одежда. Каждому солдату-монголу полагается отъ казны монгольская шуба, покрытая краснымъ сукномъ, вся остальная одежда должна быть своя, а по другимъ свѣдѣніямъ полагается курма на шелковомъ подкладѣ изъ сырца, считаемая монголами непроницаемой для пуль.

Лошади. Всѣ милиціонеры выходятъ на службу на лошадяхъ. Лошади выдаются по двѣ на каждаго, на счетъ хошуна. А если устанетъ одна изъ этихъ лошадей, то выбывшіе изъ строя пополняются особыми албанными лошадьми каждаго аймака*).

*) Въ каждомъ аймакѣ пасутся табуны албанныхъ лошадей. Въ аймакѣ Сайнъ-нойона ихъ около 2 тыс., въ сѣверныхъ хошунахъ Джасакту-хана и Тушету-хана около 3 тыс.

Продовольствіе. Въ первое время милиціонеры довольствуются на счетъ хошуна; выдается по расчету на каждаго по 5 барановъ, а затѣмъ, по прибытіи въ назначенное мѣсто (сборный пунктъ), поступаютъ на казенное довольствіе.

Командный элементъ. Вся милиція подчиняется Цзянь-Цзюню и монголъ-дзургану, а затѣмъ въ каждомъ аймакѣ имѣется для завѣдыванія милиціей особый чиновникъ, подъ названіемъ цзянь-дзи-синъ, онъ обыкновенно выбирается аймачнымъ ханомъ, отправляется въ Улясутай для обученія военному дѣлу, затѣмъ возвращается въ свой аймакъ и, въ случаѣ сбора милиціи, принимаетъ надъ нею командованіе и обязанъ обучать.

Затѣмъ начальниками считаются: въ каждомъ хошунѣ— „дзасакъ", въ помощь ему „джеланы"; въ сумынѣ— „дзангинъ", а послѣ призыва выбираются еще „тарги".

Казалось-бы такова, сравнительно стройная система организаціи монгольской милиціи.

Но эта система нынѣ утратила свою стройность.

Выданное, можетъ быть уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, на руки оружіе, никѣмъ не повѣряется, имѣется большая вѣроятность, что оно большею частью утрачено.

Въ большей части хошуновъ провѣрки милиціонеровъ и даже отчетности не ведется.

Цзянь-дзи, прибывающіе въ Улясутай для обученія, никакихъ свѣдѣній получить не могутъ, ибо въ Улясутаѣ и сами ничего не знаютъ. Наконецъ, въ случаѣ призыва, совершенно недисциплинированная и необученная монгольская орда, является силою опасною только для самихъ-же китайцевъ.

Такой выводъ подтверждается опытомъ 1900 года.

Во время нашего столкновенія съ Китаемъ въ 1900 году, полагая, что русскіе не оставятъ въ покоѣ и сѣверную Монголію, Улясутайскій Цзянь-Цзюнь рѣшилъ собрать монгольскую милицію. Сборъ былъ не такъ строенъ, какъ предполагалось. Большинство сумыновъ не могли выставить тре-

буемое число солдатъ, такъ что солдатъ отъ хошуновъ явилось значительно меньше, чѣмъ можно было расчитывать. Казенныхъ ружей на рукахъ оказалось мало, часть милиціонеровъ явилась съ охотничьими ружьями, луки и стрѣлы порастеряны, а пикъ ни одной; большинство-же явилось безоружными. Китайскія власти неимѣютъ рѣшительно никакихъ запасовъ для милиціи и Цзянь-Цзюнь въ 1900 году, предпочиталъ деньги, отпущенныя на продовольствіе милиціи, оставить себѣ, а милиціонерамъ, собраннымъ подъ Улясутаемъ, въ числѣ свыше 4000 человѣкъ, предоставилъ довольствоваться собственными средствами, какъ хотятъ.

Въ результатѣ, монголы потребовали деньги; китайцы заперлись отъ нихъ въ крѣпости. Монголы блокировали крѣпость, намѣревались убить Цзянь-Цзюня и перерѣзать всѣхъ китайцевъ. Въ торговой части города монголы предупредили русскихъ, чтобы они уходили изъ города, такъ какъ по ошибкѣ боялись перерѣзать и русскихъ.

Однако, никѣмъ не руководимые, плохо вооруженные и голодные, монголы не могли стоять долго у крѣпости. Покричали, покричали и разошлись по своимъ хошунамъ, безъ всякаго разрѣшенія Цзянь-Цзюня.

Этотъ опытъ можетъ имѣть двоякое вліяніе: или китайцы теперь не осмѣлятся вновь призывать монголовъ подъ оружіе, или-же примутъ мѣры, чтобы реорганизовать милицію, снабдить хошуны неприкосновенными запасами и хорошими инструкторами и учредитъ имъ хошунные сборы для обученія ихъ въ мирное время.

Въ первомъ случаѣ Россія со стороны Монголіи совершенно обезпечена, во второмъ можетъ случиться, что Россіи придется считаться и съ монгольскою границею, смотря по тому, кто будетъ инструкторами...

Монгольскіе пограничные караулы.

Время образованія карауловъ по китайскимъ источникамъ относятъ къ 1727 году*)

*) См. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ. Поповъ.

Въ районѣ обслѣдованной мною части сѣверо-западной Монголіи караулы поставлены вдоль по южному склону хребта Танну-ола, т. е., отъ нынѣ существующей границы, въ 100—300 верстахъ. Всего отъ озера Косогола до озера Убса имѣется 16 карауловъ.

Наиболѣе важными считаются караулы, соприкасающіеся съ болѣе населенною частью Урянхайской земли: Дзиндзиликъ, Эрсынъ, Самгалтай, Алыкъ и Орикхо, каждый изъ этихъ карауловъ состоитъ изъ 30 человѣкъ и надъ этими караулами имѣется общій начальникъ изъ китайскихъ офицеровъ. Онъ постоянно находится на караулѣ Дзинзиликъ. Караулы, расположенные ближе къ русской границѣ, содержатся въ меньшемъ числѣ, по 20 человѣкъ, изъ однихъ монголовъ; общаго начальника-китайца не имѣютъ.

Всего на 16 карауловъ имѣется 370 служащихъ монголовъ и три китайца.

На *обязанности* карауловъ лежитъ слѣдить, чтобы за караульную линію никто не проходилъ безъ установленнаго вида, будетъ-ли это китаецъ, монголъ, урянхаецъ или русскій.

Караулы обязаны съ этою цѣлью держать постоянные разъѣзды въ обѣ стороны до половины пути между караулами.

Комплектованіе. Караулы комплектуются по общему наряду ургинскаго амбань-нойона, утвержденному улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ изъ всѣхъ четырехъ аймаковъ Халхи съ расчетомъ, что каждый караулъ составляется изъ разныхъ монгольскихъ хошуновъ.

Такъ, напримѣръ, Эрсинскій караулъ составленъ изъ нѣсколькихъ хошуновъ Тушетъ-хановскаго аймака, Баинъ-булукскій караулъ частью изъ аймака Сайнъ-нойона частію изъ аймака Джасакту-хана, Хатхульскій караулъ изъ аймаковъ Сайнъ-нойона и Тушетъ-хана. На караулъ назначаются монголы хошунными правителями, въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ.

Бытъ караула. Назначенные на караулы монголы прибываютъ вмѣстѣ съ своими родственниками и скотомъ; ведутъ обыкновенную кочевую жизнь пастуховъ-скотоводовъ въ предѣлахъ караульнаго района. Напримѣръ, кочевья хатхульскаго караула были раскиданы въ нашъ проѣздъ на площади въ 40 верстъ, отдѣльными юртами. Въ Хатхульскомъ караулѣ кочуетъ до 50 юртъ, изъ коихъ только 20 принадлежатъ служащимъ на караулѣ.

Вооруженіе. Состоящіе на службѣ въ караулахъ—монголы, получаютъ такое-же ружье, лукъ и стрѣлы, какъ и милиціонеры.

Время отъ времени караулы упражняются стрѣльбою изъ лука съ коня.

Начальники карауловъ выбираются изъ того же состава и называются дзангинами.

Общее завѣдываніе всѣми монгольскими караулами лежитъ на обязанности ургинскаго амбаня.

Фактически караулы въ настоящее время утратили всякое значеніе; ни русскіе, ни монгольскіе торгующіе почти никогда не предъявляютъ имъ своихъ документовъ, такъ какъ караулы расположены обыкновенно въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ дорогъ, только иногда китайскій офицеръ на Дзиндзиликскомъ караулѣ предъявляетъ свои права къ нашимъ усинскимъ торгующимъ, при проходѣ ихъ съ караванами въ Урянхайскую землю; приходится ему уплачивать подарки и выдерживать разнаго рода придирки, если сумма подарковъ ему кажется недостаточною. При развитіи караваннаго движенія отъ Улясутая на Енисей, необходимо этотъ вопросъ упорядочить, чтобы не подвергать непріятнымъ задержкамъ нашу торговлю.

Крѣпость. Оплотомъ китайскаго господства въ сѣверо-западной Монголіи безъ сомнѣнія является Улясутайская крѣпость. Въ ней живетъ главный начальникъ края—Цзянь-Цзюнь и вся китайская администрація, оттуда, изъ крѣпости, исходятъ всѣ

важнѣйшія распоряженія по управленію сѣверо-западной Монголіи и туда стекаются всѣ средства сѣверо-западной Монголіи. Улясутай служитъ торговымъ, административнымъ и военнымъ центромъ сѣверо-западной Монголіи.

Что же собою представляетъ этотъ оплотъ китайскаго владычества?

Крѣпость*) расположена въ широкой долинѣ рѣки Богдогола при впаденіи въ нее р. Дзагистаі. Она имѣетъ полигинальное начертаніе. Длина сѣверной и южной стѣны 580 шаговъ, длина восточной и западной 480 шаговъ. Высота стѣны 14 фут., толщина 14 футовъ. Земляной валъ изъ дерна и глины выложенъ на каменномъ фундаментѣ, но въ срединѣ вала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во всю высоту насыпанъ булыжникъ. Наружный склонъ стѣны отвѣсный. Наружная одежда сдѣлана звѣньями, приблизительно по 5—8 саженъ звѣно, попеременно, то изъ дерна, то обшита деревяннымъ тыномъ. Внутренняя обшивка вся изъ тына. Къ наружной одеждѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насыпанъ небольшой брустверъ. Впереди крѣпости, въ разстояніи 5 саж., расположенъ ровъ, окружающій крѣпость со всѣхъ четырехъ сторонъ. Ширина рва по верхней части 10 арш., глубина рва $3^1/_2$—4 арш., ширина по дну 1 аршинъ. Ровъ сухой, но можетъ быть наполненъ водой изъ рѣки Богдо-голъ. Рѣка Богдоголъ проходитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ крѣпости вдоль ея южной стѣны, но отъ рѣки имѣется каналъ, которымъ можно провести воду въ крѣпость. Крѣпость имѣетъ трое воротъ: въ западной, южной и восточной стѣнахъ. Начертаніе воротъ одинаковое и имѣетъ въ планѣ ломанную линію. Всѣ ворота прикрыты горжею, надъ воротами имѣются деревянныя башни и такія же башни по угламъ стѣнъ. Въ сѣверной стѣнѣ по срединѣ имѣется барбетъ, выступающій изъ полиги-

*) Планъ и 4 фотографіи крѣпости находятся въ складѣ Топографическаго Отдѣла Штаба Сибирскаго военнаго округа.

нальной линіи шириною 20 шаговъ и длиною въ 20 шаговъ*).

Внутри крѣпости имѣются деревянныя постройки, обмазанныя толстымъ слоемъ глины, но съ деревянными крышами. Постройки густо расположены одна возлѣ другой и сгруппированы вплотную къ западной стѣнѣ, около южной стѣны остается большой свободный дворъ почти во всю длину стѣны. Здѣсь расположены помѣщенія Цзянь-Цзюня и амбаня. Въ юго-западномъ углу крѣпости находятся орудійный и ружейный цейхгаузы, охраняемые часовыми.

Около восточной стѣны остается также большое свободное пространство. У сѣверной стѣны нѣсколько построекъ подходятъ близко и здѣсь самая большая деревянная постройка—храмъ.

Вооруженіе крѣпости состоитъ изъ 20 гладкостѣнныхъ 6 дюймовыхъ пушекъ. Въ настоящее время имѣется только по двѣ пушки на трехъ западныхъ башняхъ, остальныя пушки находятся въ цейхгаузѣ. Близко разсмотрѣть эти пушки мнѣ не удалось. Но мнѣ обѣщали снять съ нихъ послѣ моего отъѣзда фотографіи. По разсказамъ монголовъ снаряды для этихъ пушекъ круглые съ мелкими пулями внутри (очевидно шрапнель). Такихъ снарядовъ имѣется большой запасъ. Они хранятся внѣ крѣпости въ одной изъ построекъ, а именно около сѣверо-восточнаго угла крѣпости постройка эта обнесена валомъ и охраняется часовымъ.

Подступы къ крѣпости. Ближайшія окрестности Улясутая представляютъ собою горную страну, перерѣзываемую рѣкою Богдо-голъ съ ея системою. Глубокая долина рѣки Богдо-гола выше крѣпости стѣсняется почти отвѣсными горами. Движеніе по этой долинѣ затруднительно и совершается только верхомъ. Удобныхъ проходовъ выше Улясутая въ долину Богдо-голъ нѣтъ. Справа можно спуститься лишь отдѣльными всадниками изъ верховьевъ р. Дзагистай, черезъ

*) Въ штабѣ Сибирскаго округа имѣются четыре нашихъ увеличенныхъ фотографій крѣпости: общій видъ, главные ворота, сѣверная стѣна въ профиль, видъ стѣны сверху.

источникъ горячихъ водъ. Слѣва можно спуститься къ самой крѣпости. Ниже крѣпости горы имѣютъ не такіе рѣзкіе контуры, они нѣсколько смягчены и освобождаютъ нѣсколько долинъ для стока водъ. Наиболѣе значительная долина—рѣки Дзагистай. Ровная съ небольшимъ паденіемъ, шириною около 5 верстъ, она вполнѣ удобна для движенія войскъ всѣхъ родовъ оружія и имѣетъ хорошо укатанную колесную дорогу; протянувшись широкою полосою на 30 верстъ, она представляетъ очень удобное мѣсто для сосредоточенія значительныхъ массъ войскъ, но самый выходъ изъ долины къ крѣпости обстрѣливается на разстояніи 10 верстъ, кромѣ того здѣсь же въ долинѣ, когда-то, лѣтъ 30 тому назадъ, была устроена передовая укрѣпленная позиція; нынѣ отъ этого укрѣпленія никакихъ признаковъ не осталось, но возможно ожидать, что въ нужную минуту оно будетъ построено вновь.

Почти пораллельно съ этою долиною имѣется другой подступъ, по которому проходитъ такъ называемая албанная дорога. Этотъ подступъ болѣе узкій, менѣе удобный для движенія войскъ, но выходъ изъ него въ долину Богдо-гола оканчивается крутымъ поворотомъ, прикрывающимъ долину, а при самомъ выходѣ имѣется прекрасная артиллерійская позиція, хорошо обстрѣливающая крѣпость. Этотъ подступъ очень важенъ для обхода, тѣмъ болѣе, что сообщенія между долиной Дзагистая и албанною дорогою вполнѣ удобно и возможно внѣ наблюденія крѣпости*).

Болѣе дальніе подступы выходятъ уже въ долину Богдо-гола далеко ниже г. Улясутая. Но движеніе по долинѣ Богдо-гола снизу прикрывается торговою частью города и вступающими здѣсь въ долину горами праваго берега долины.

Всѣ пути со стороны Иркутска, Урги и Минусинска сходятся къ долинѣ Дзагистая, со стороны же Кошъ-Агача и

*) Подступы къ крѣпости сняты штабсъ-капитаномъ *Топорковымъ* въ верстовомъ масштабѣ, работа хранится вмѣстѣ съ маршрутомъ экспедиціи и планомъ крѣпости въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Штаба Сибирскаго военнаго округа.

Кобдо сходятся въ нижнее теченіе Богдо-гола, ниже торговой части города. Остальными боковыми проходами возможно пользоваться, какъ обходными путями.

Продовольственныхъ запасовъ въ крѣпости въ настоящее время нѣтъ, за исключеніемъ текущей потребности. Да и то хлѣбъ и чай берется изъ торговыхъ складовъ слободы, а скотъ, по преимуществу бараны, пригоняются отъ монголовъ. Доказательство, что никакихъ продовольственныхъ запасовъ на случай войны въ Улясутаѣ не имѣется, можетъ указать инцидентъ съ монголами въ 1900 году, когда собранная подъ стѣнами Улясутая монгольская милиція осталась безъ всякихъ запасовъ продовольствія и возмущенная самовольно разошлась.

Вода въ крѣпости берется изъ канала, ручья проведеннаго изъ рѣки Богдо-голъ и трехъ колодцевъ, но ручей можетъ быть перерѣзанъ, а трехъ колодцевъ недостаточно для гарнизона крѣпости.

Всѣ *постройки* въ крѣпости деревянныя, съ деревянными крышами высоко поднятыми надъ стѣнами крѣпости и достаточно нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ по крѣпости, чтобы зажечь внутренность ея.

Ремонтъ крѣпости не производится, хотя послѣ событій 1900 года по распоряженію, будто бы высшаго правительства, Цзянь-Цзюнь установилъ большой сборъ съ хошуна на постройку крѣпости. Каждый хошунъ внесъ по 2—3 тысячи ланъ серебра. Но гдѣ эти деньги находятся неизвѣстно.

Торговая часть города, состоящая исключительно изъ деревянныхъ, тѣсно расположенныхъ вплотную другъ къ другу построекъ, представляетъ собою вполнѣ готовый костеръ.

О русскомъ опорномъ пунктѣ въ Улясутаѣ.

Русскія торговыя фирмы въ Улясутаѣ со всѣми складами находятся въ этомъ же деревянномъ городѣ. Разбросанныя по всей слободѣ, онѣ вполнѣ беззащитны какъ отъ китайцевъ и монголовъ, такъ и отъ огня.

Давно поднимался вопросъ о разрѣшеніи русскимъ имѣть въ Улясутаѣ свои постройки, но бывшій консулъ почему то этотъ вопросъ (какъ и многіе другіе) слабо поддерживалъ, а въ бытность свою въ Улясутаѣ выбралъ для русской колоніи такое мѣсто, гдѣ русскіе будутъ совершенно отрѣзаны отъ выручки, между тѣмъ наилучшимъ мѣстомъ для колоніи была бы та самая обходная долина албанной дороги, о которой я говорилъ. Русская колонія, построенная вся изъ камня, обнесенная на счетъ купцовъ каменною оградою (съ чѣмъ вполнѣ соглашаются русскіе купцы) могла бы не только вполнѣ обезопасить русскихъ въ Улясутаѣ, но и служить убѣжищемъ для всѣхъ русскихъ торговцевъ, разбросанныхъ по хошунамъ, въ случаѣ какихъ нибудь безпорядковъ въ Монголіи и, наконецъ, на позиціи командующей надъ крѣпостью. Желательно этотъ вопросъ провести возможно скорѣе въ жизнь.

Пути сообщенія. Постараемся насколько возможно ознакомиться со значеніемъ тѣхъ направленій, по которымъ мы можемъ имѣть соприкосновеніе съ главнымъ китайскимъ центромъ въ Монголіи*). Въ главѣ о Монголіи мною были указаны существующія пять направленій отъ нашей границы внутрь Монголіи, а именно: 1) Улясутай—Кобдо—Усткаменогорскъ—Семипалатинскъ, 2) Улясутай—Кошъ-Агачъ—Бійскъ, 3) Улясутай Урянхайская земля—Минусинскъ—Красноярскъ, 4) Улясутай—Косоголъ—Иркутскъ, 5) Урга—Кяхта—Байкалъ.

Разсмотримъ ихъ:

а) Въ смыслѣ наступательнаго движенія нашего противника. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ 5 направленій китайцы знакомы хорошо съ пятымъ, Урга—Кяхта, и начинаютъ знакомиться съ третьимъ, Улясутай—Минусинскъ. Остальныя направленія они хотя и знаютъ, но съ путями не знакомы.

---

*) Краткая характеристика ихъ см. ст. С.-З. Монголія. Описаніе путей, черезъ Саяны и Монголію.

Монголы хорошо знаютъ второй до Кошъ-Агача и Онгудая, третій на Минусинскъ до с. Усинскаго и пятый на Ургу и Кяхту. Съ первымъ и четвертымъ, т. е. на Устькаменогорскъ и Иркутскъ, мало знакомы, а за свою границу и не выѣзжаютъ.

Движеніе противника на Устькаменогорскъ и на Бійскъ допустить не возможно, такъ какъ по этимъ путямъ русскіе населенныя мѣста находятся далеко отъ Монгольской границы (отъ 180 до 300 верстъ). Промежутокъ между границами и русскими поселеніями представляетъ почти пустынную, трудно проходимую горную страну. Нѣкоторою цѣлью можетъ служить еще направленіе на Кошъ-Агачъ, какъ важный въ торговомъ отношеніи пунктъ, служащій складочнымъ мѣстомъ крупной Бійской торговли съ Монголіей. Но эта цѣль второстепенная, исключительно торгово-экономическая.

Большее опасеніе можетъ возбуждать третье направленіе на Минусинскъ, такъ какъ въ Урянхайской землѣ (въ долинѣ верхняго Енисея и его притоковъ) находятся нѣсколько русскихъ поселковъ: Туранъ, Уюкъ, Себи, Карагашъ, до 50 русскихъ торговыхъ заведеній, здѣсь пасется нѣсколько тысячъ русскаго скота, наконецъ очень богатое село Усинское и богатѣйшіе золотые пріиски Усинской и Амыльской системъ и въ самой Урянхайской землѣ. Всѣ эти русскіе интересы не защищены отъ Монголіи. Отъ Улясутая къ нимъ имѣется отличный колесный путь и въ тоже время всѣ эти русскіе піонеры совершенно отрѣзаны отъ Россіи непроходимою тайгою и горами, безъ путей сообщенія. Если нападеніе нестройной буйной орды на эти пункты не отзовется на стратегическомъ положеніи Россіи, то можетъ раззорить наши, постепенно развивающіеся, опорные пункты для русскаго вліянія на Монголію, не говоря о страшныхъ убыткахъ для мѣстнаго населенія Сибири. Настоятельно необходимо устройство колеснаго пути между с. Усинскимъ и воднаго по р. Енисею, и организовать небольшую мѣстную команду

въ селеніи Усинскомъ, куда бы могли влиться въ случаѣ нужды мѣстные жители запаса арміи, для защиты своихъ интересовъ.

Направленіе на городъ Иркутскъ наиболѣе опасное, такъ какъ въ 200 верстахъ отъ границы находится желѣзнодорожная станція Култукъ. Хотя эти 200 верстъ пути отъ границы до Култука представляютъ горную страну съ узкими и глубокими долинами, задержать случайное нападеніе малодисциплинированныхъ монгольскихъ милиціонныхъ отрядовъ, при своевременномъ полученіи свѣдѣній, не составитъ особеннаго затрудненія. Но тѣмъ не менѣе это направленіе требуетъ отъ насъ наибольшаго вниманія. Русское приграничное населеніе не только постоянно посѣщаетъ эту часть Монголіи, но съ нынѣшняго года начали устраиваться тамъ отдѣльные русскіе хотура. Такое явленіе для насъ очень полезно и заслуживаетъ всякаго поощренія.

Желательно для жителей Тункинскаго края имѣть запасъ оружія и подготовить какую нибудь организацію, хотя бы для своевременнаго полученія нужныхъ свѣдѣній.

Наиболѣе опаснымъ надо считать направленіе Урга—Кяхта, хотя Кяхта и находится отъ линіи желѣзной дороги въ разстояніи 200—400 верстахъ, при чемъ побережье Байкала отдѣлено горною страною Даурской системы, но это направленіе имѣетъ значеніе, по удобству театра дѣйствій въ направленіи Верхнеудинскъ—Читу и кромѣ того ниселеніе Забайкалья—ламаисты, единовѣрное съ монгольскимъ, и если на сторонѣ нашихъ враговъ будетъ Ургинскій Богдо-гыгенъ, то это населеніе окажетъ имъ содѣйствіе, а главное по этому направленіе можетъ подвергнуться удара кругобайкальская дорога на большомъ протяженіи.

По мимо разсмотрѣнныхъ путей сообщенія Монголіи съ Россіей не имѣется сколько нибудь удобныхъ путей; хотя и есть вьючныя горныя тропинки, но, пересѣкая почти непроходимую тайгу и сложныя горныя системы Саянъ и Алтая,

доступны лишь для отдѣльныхъ всадниковъ, или небольшихъ конныхъ отрядовъ да и то на самое короткое время года.

б). *Въ смыслѣ нашего наступательнаго движенія на Улясутай.* Если бы по какимъ нибудь политическимъ комбинаціямъ намъ предстояло движеніе на городъ Улясутай, то таковымъ должно бы явиться, при современныхъ условіяхъ, движеніе изъ Иркутска мимо Косогола на Улясутай, т. е. по четвертому изъ вышеуказанныхъ направленій.

Это направленіе есть нынѣ кратчайшее, довольно удобное для движенія всѣхъ родовъ оружія, не представляетъ особенно трудныхъ преградъ, приводитъ къ самому важному подступу къ Улясутаю, въ верховья долины р. Дзагистая и проходитъ среди населенія, наиболѣе другихъ расположенное къ русскимъ и богатое скотомъ*), а главное, что на этомъ пути нѣтъ ни одного пункта, въ которомъ бы находились факторіи китайцевъ и при томъ проходитъ въ сторонѣ отъ административныхъ хошунныхъ центровъ**).

Еще болѣе благопріятнымъ направленіемъ нашего наступленія на Улясутай могло бы быть третье изъ вышеуказанныхъ: Минусинскъ—Улясутай***), если бы былъ проложенъ колесный путь между Минусинскомъ и с. Усинскимъ и въ особенности организовано судоходство по верхнему Енисею. Путь нашъ сократился бы на нѣсколько сотъ верстъ****).

Базою нашихъ операцій являлась бы рѣка Енисей (мѣстечко Солданъ), которая питалась бы запасами деревень Усинскаго, Туранскаго, Уюкскаго и нѣсколькихъ богатѣйшихъ русскихъ хуторовъ Урянхайской земли и рѣкою Енисеемъ. Отъ рѣки Енисея до Улясутая по прямому направ-

*) Другихъ продовольственныхъ средствъ на всѣхъ путяхъ найти нельзя.

**) Маршрутъ этого пути имѣется въ Воен.-Топогр. Отд. Штаба Сибир. воен. окр.; снятъ нашей экспедиціей, описаніе будетъ помѣщено во 2-й части настоящаго труда. *В. П.*

***) Маршрутъ отъ Улясутая до Зарубежной дер. Туранъ тамъ-же отъ Турана до Минусинска была рекогносцировка офицеровъ Генер. штаба.

****) См. описаніе нашаго путешествія.

ленію всего 450 верстъ отличнаго колеснаго пути; и притомъ, при такомъ направленіи нашего движенія, мы, прикрывая важнѣйшіе наши интересы въ Урянхайской землѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно же присоединяли бы къ себѣ значительную часть С.-З. Монголіи (Урянхайскую землю), болѣе всѣхъ ненавидящую владычество китайцевъ и гдѣ вліяніе Китая менѣе всѣхъ ощутительно.

Путь Бійскъ—Кошъ-Агачъ—Улясутай очень кружный и мало обезпеченный вслѣдствіе большого удаленія базы, и длинной, крайне затруднительной коммуникаціи по пустынной горной странѣ Алтая.

Путь отъ Устькаменогорска на Кабдо, какъ еще болѣе кружный, не имѣетъ никакого значенія, да еще и потому, что проходитъ по крайне трудному направленію.

Путь Кяхта—Урга очень важный, какъ кротчайшій для удара по серцу Монголіи—Ургѣ, гдѣ живетъ Богдо-гыгенъ. Конечно надо имѣть ввиду опытъ англичанъ; безъ соотвѣтствующей подготовки Богдо-гыгена незахватить въ Ургѣ, онъ скроется въ любой ламайскій монастырь Монголіи, но занятіе Урги обезпечиваетъ насъ отъ удара на Забайкалье.

Сопостовляя всѣ пять направленій для цѣлей наступательныхъ на главный центръ Китайскаго владычества надъ Монголіей на Улясутай, мы еще разъ укажемъ какъ на лучшее Минусинскъ—Улясутай при условіи его приспособленности.

Такимъ образомъ въ отношеніи удобства нашего наступленія во внутрь Монголіи необходимо возможно скорѣйшее устройство пароходнаго сообщенія по рѣкѣ верхнему Енисею и устройство сплошного колеснаго пути между Минусинскомъ и селеніемъ Усинскимъ.

Вліяніе китайской власти въ Монголіи.

Если сравнить очеркъ административнаго управленія Монголіей, составленный Баторскимъ, съ тѣми свѣдѣніями, которыя удалось получить мнѣ, то мы увидимъ значительную разницу, происшедшую вѣроятно подъ вліяніемъ времени. Такъ, управленіе внутренними дѣлами сѣверной Монголіи, по Ба-

торскому, раздѣлялось между тремя хэбэйамбанями, которые были самостоятельны въ своихъ обязанностяхъ, при чемъ всѣ дѣла западной Монголіи и Кобдосскаго округа проходили черезъ Улясутайскаго и Кобдосскаго хэбэйамбаней, подчиненныхъ Цзянь-Цзюню, а Ургинскій даже имѣлъ самостоятельныя сношенія съ Пекиномъ по всѣмъ дѣламъ.

Теперь судя по даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать, такой порядокъ существуетъ лишь въ Кобдосскомъ округѣ. Управленіе-же Халхою сосредоточивается въ рукахъ Цзянь-Цзюня черезъ монголъ-амбань-нойона, непосредственно подчиненнаго Цзянь-Цзюню, и избираемаго имъ изъ хошунныхъ правителей всѣхъ четырехъ аймаковъ*). Распоряженіе Цзянь-Цзюня, а равно всѣ дѣла, требующія высшаго разрѣшенія, восходятъ и нисходятъ черезъ монголъ-амбань-нойона, который пріобрѣтаетъ для всей Халхи весьма важное значеніе.

По Баторскому, управленіе аймаками носило характеръ самоуправленія, при помощи съѣздовъ (сеймовъ) всѣхъ князей. Нынѣ, какъ мнѣ говорили монголы, эти съѣзды бываютъ рѣдки и всѣ дѣла отъ улясутайскаго монголъ-амбань-нойона поступаютъ въ распоряженіе аймачныхъ хановъ (князей), которые передаютъ ихъ соотвѣтствующимъ хошуннымъ нойонамъ. По Баторскому, хошунное управленіе, сосредоточиваясь въ рукахъ хошуннаго дзасака, переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну и хошунный дзасакъ имѣлъ, конечно, большее значеніе, какъ малозависимый въ своей судьбѣ отъ китайскихъ властей. Нынѣ дзасакъ выбирается и, лишь какъ отпечатокъ изъ прошлаго остался обычай выбирать изъ наслѣдниковъ бывшаго правителя, при чемъ Цзянь-Цзюнь можетъ не утвердить выбора и даже утвержденнаго смѣнить. Какъ это уже и было на практикѣ: хошунный нойонъ кемчикской долины, очень расположенный къ русскимъ, былъ два года тому назадъ смѣненъ Цзянь-Цзюнемъ и на мѣсто его выбранъ человѣкъ вполнѣ преданный китайцамъ.

*) См. описаніе путешествія: „Черезъ Саяны и Монголію“ стр. 153.

Въ Тоджинскомъ хошунѣ вмѣсто удаленнаго Цзянь-Цзюнемъ нойона (дзасака) былъ выбранъ не сынъ его, а отдаленный родственникъ и утвержденъ.

На важную должность улясутайскаго монголъ-амбань-нойона выбирается лицо нужное Цзянь-Цзюню, при чемъ такое лицо выбирается на три года и можетъ быть или оставлено на неопредѣленное время, или же удалено. До 1900 года на должности монголъ-амбань-нойона въ Улясутаѣ былъ хошунный нойонъ изъ самаго восточнаго аймака Халхи-Цецеинъ-хана, въ преклонныхъ лѣтахъ, слабый характеромъ, малоподвижный онъ былъ слѣпымъ орудіемъ Цзянь-Цзюня и потому служилъ больше десяти лѣтъ. Но въ событіе 1900 г., когда монголы произвели подъ Улясутаемъ безпорядки и амбань-нойонъ ничего съ ними сдѣлать не могъ, какъ нойонъ очень отдаленнаго хошуна, совершенно не знакомый улясутайскимъ монголамъ, то Цзянь-Цзюнь удалилъ его отъ должности и на мѣсто его выбранъ былъ ближайшій къ Улясутаю хошунный дзасакъ Бель-хошуна, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, тоже безхарактерный, слабый и малоразвитый, но зато ближайшій къ Улясутаю. Цѣль Цзянь-Цзюня кажется создать вблизи Улясутая опору хотя-бы изъ одного хошуна. Приближенный къ Цзянь-Цзюню и облеченный властью и вліяніемъ—молодой амбань отъ имени Цзянь-Цзюня уменьшилъ подати своему хошуну, не въ примѣръ прочимъ и облегчилъ натуральныя повинности. Послѣдствіемъ чего явилась большая популярность молодого нойона среди его хошуна и сосѣднихъ. А между тѣмъ молодой амбань-нойонъ поставленъ въ Улясутаѣ въ самыя тѣсныя рамки. Онъ является не только слѣпымъ орудіемъ Цзянь-Цзюня, но не смѣетъ ступить шагу, не спрося разрѣшенія Цзянь-Цзюня.

Возьмемъ примѣръ, очень характерный для выясненія вліянія Цзянь-Цзюня. Мнѣ разъяснилъ этотъ случай, уже спустя полмѣсяца послѣ выѣзда моего изъ Улясутая, монголъ проводникъ, данный мнѣ изъ Улясутая. Когда прибылъ я въ

Улясутай, то Цзянь-Цзюнь, по наущенію торговыхъ китайцевъ, предположилъ, что я явился въ Монголію съ порученіемъ совратить монголовъ къ отпаденію отъ Китая и, боясь моего вліянія на слабохарактернаго монголъ-амбань-нойона, приказалъ ему не принимать меня съ визитомъ, не отвѣчать мнѣ на визитъ и вообще не видѣться со мною. Дѣйствительно, мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ нимъ, но онъ меня не только не принялъ, но даже не подпустилъ къ своему жилищу, выславъ мнѣ на встрѣчу чиновника съ извиненіемъ, что нойонъ только что выѣхалъ по дѣламъ службы. Мнѣ визита не отдалъ. И за все время моего пребыванія не выѣзжалъ въ Улясутай.

Очевидно существовавшее когда-то самоуправленіе Монголіи переходитъ теперь къ чисто административному началу. Главную роль начинаетъ играть личная власть китайскаго правителя и поставленныхъ имъ монгольскихъ чиновниковъ. Въ зависимости отъ новыхъ порядковъ выбора и назначенія хошунныхъ правителей и системы управленія черезъ монголъ-амбань-нойона, монгольскіе чиновники, если и не преданны китайскимъ властямъ, то во всякомъ случаѣ очень боятся ихъ, а для монгола это почти равно-значуще. И если-бы китайскіе власти въ Монголіи были болѣе благоразумны и честны, можно бы было вліяніе китайцевъ считать упроченнымъ въ Монголіи.

Кромѣ вліянія административнаго, китайцы стараются упрочить свое вліяніе, опираясь и на религіозныя убѣжденія монголовъ.

Особенно важное значеніе имѣютъ среди монголовъ, какъ извѣстно, ихъ „святые“ („гыгены“); приписывая имъ сверхъестественное происхожденіе и вліяніе и, отдавая имъ божескія почести, монголы безусловно слушаютъ ихъ и подчиняются, считая власть ихъ, какъ боговъ, выше власти правительственной. Китайское правительство и здѣсь не упустило возможности пріобрѣсти свое вліяніе.

Всѣ „гыгены“ пользуются особеннымъ вниманіемъ китайскихъ правителей. Ихъ монастыри, мало имѣющіе общаго съ китайскими религіозными убѣжденіями, тѣмъ не менѣе получаютъ отъ китайскихъ властей богатые подарки, имъ отдѣляютъ цѣлыя территоріи съ кочевымъ населеніемъ; очевидно что-бы подчинить ихъ мало-по-малу вліянію китайскихъ правителей, даютъ гыгенамъ свѣтскую власть, организуютъ въ новыхъ территоріяхъ хошунное правленіе по образцу свѣтскихъ, съ преобладаніемъ личнаго административнаго вліянія Цзянь-Цзюня и прочихъ властей, а приближеннымъ къ гыгену ламамъ, въ рукахъ которыхъ обыкновенно находится гыгенъ, даютъ свѣтскія званія и отличія: цвѣтныя шарики, курмы и прочее.

Наконецъ, что особенно важно, молодыхъ „гыгеновъ“ часто приглашаютъ въ Улясутай къ Цзянь-Цзюню подъ предлогомъ религіознаго почитанія и тамъ держатъ среди китайцевъ иногда годами. Такъ, напримѣръ, гыгенъ „нарваджи“ (аймака Джасакту-хана, кстати менѣе другихъ преданнаго китайцамъ) молодой человѣкъ 20 лѣтъ, живетъ уже третій годъ у Цзянь-Цзюня въ Улясутаѣ, лишь время отъ времени ѣздитъ въ свой монастырь, окруженный почтеніемъ китайцевъ и везущій большіе подарки.

Гыгенъ-хамба, живущій въ 70—100 верстахъ отъ Улясутая въ вершинахъ р. Эдринъ-голъ, молодой человѣкъ 18 л., раза по четыре, пять ѣздитъ въ Улясутай къ Цзянь-Цзюню, живетъ тамъ по недѣлѣ и по мѣсяцу и возвращается съ подарками для монастыря. Вниманіе китайцевъ къ живымъ „богамъ“ монголовъ весьма цѣнится прежде всего трутнями—ламами, которые, пользуясь невѣжествомъ монголовъ, умѣютъ передавать свое мнѣніе съ непоколебимымъ авторитетомъ народу.

Таково положительное вліяніе китайцевъ.

Въ статьѣ о Монголіи, по вопросу выясненія экономическаго положенія монгольскаго населенія, я уже коснулся той

хищнической политики китайцевъ, которая, конечно, служитъ во вредъ положенію ихъ въ Монголіи. Здѣсь еще можно прибавить нѣсколько штриховъ, рисующихъ отношенія завоевателей къ монголамъ.

Китайцы, проживая въ Монголіи безъ женъ, развращаютъ дѣвушекъ и женщинъ Монголіи, безцеремонно отнимая таковыхъ отъ семействъ; преслѣдуя только цѣли наживы и поддерживаемые правительствомъ, они не стѣсняются при своихъ торговыхъ дѣлахъ съ монголами, пользоваться для своихъ переѣздовъ безплатно земскими (албанными) лошадьми, пастбищами и трудомъ монголовъ; во всѣхъ спорахъ первенство отдается имъ-же. При сопоставленіи хищничества китайскихъ чиновниковъ, полнаго необезпеченія имущественнаго и личнаго положенія монголовъ, безцеремонности китайцевъ въ отношеніи самыхъ важныхъ сторонъ жизни монголовъ и, наконецъ, полное раззореніе народа,—станетъ понятно до какой степени глубоко пустила корни ненависть монголовъ къ китайцамъ. И всѣ ихъ мѣры къ увеличенію своего вліянія не могутъ имѣть достаточно глубокаго значенія, такъ какъ китайцы по существу своей жадной корыстолюбивой натуры никогда не измѣнятъ въ Монголіи своей экономической политики.

Поставленныя въ тяжелыя экономическія условія, монголы быстро раззоряются и находятся наканунѣ ужаснаго экономическаго кризиса.

Естественно, что они отыскиваютъ какой нибудь исходъ изъ этого тяжелаго положенія.

Отношенія монголовъ къ Россіи).*

Такъ-какъ сѣверные монголы ни съ какими народами Европы, кромѣ русскихъ, не соприкасаются и знаютъ только насъ, избавиться отъ китайскаго ига своими силами не надѣются, то естественно, что всѣ ихъ взоры обращены на

---

*) Каковы они были въ 1903 году; боюсь, что теперь они могли очень измѣниться послѣ Тибетской экспедиціи англичанъ. См. мою записку по вопросу объ упорядоченіи сношеній съ Монголіей.

Великаго Цаганъ-хана (Бѣлаго Царя). Проѣзжая по Монголіи около 2000 верстъ, я въ разныхъ пунктахъ осторожно касался отношеній монголовъ къ русскому Царю. Спрашивалъ старыхъ, молодыхъ, вліятельныхъ лицъ, простолюдиновъ и ламъ. Издалека наводилъ разговоръ и съ монгольскими чиновниками. Урянхи и монголы Дархатской земли, улясутайскіе и хошуновъ: Ваньгуновскаго, Ериньбы-гыгенскаго, Хамба-гыгенскаго, Джасакту-хановскаго, Апшегуновскаго и другихъ, черезъ которое я проѣзжалъ—отвѣчали мнѣ въ одномъ смыслѣ: „скоро настанетъ время, когда Цаганъ-ханъ возьметъ насъ себѣ". Одинъ монголъ разсказывалъ, что они неоднократно говорили китайцамъ, что уйдутъ къ русскимъ. По ихъ разсказамъ объ этомъ написано въ церковныхъ тибетскихъ книгахъ, объ этомъ въ куреняхъ ламы читаютъ народу, въ этомъ сосредоточиваются лучшія мечты монгольскаго народа. Несмотря на запрещеніе китайскаго правительства, монголы разрѣшаютъ русскимъ строить среди своихъ кочевьевъ дома, заимки и хутора, пасти ихъ стада, всякаго русскаго торгующаго встрѣчаютъ какъ близкаго, а русскаго нойона, какъ называли меня, окружали особеннымъ вниманіемъ и почетомъ. Безъ всякой просьбы, даже несмотря на мое запрещеніе, монголы всегда окружали меня своей помощью. Расположивъ ихъ къ себѣ, завоевавъ ихъ довѣріе угощеніемъ, подарками и ласковымъ обращеніемъ, я обыкновенно начиналъ касаться ихъ экономическаго положенія и отношенія къ китайцамъ и они съ радостью разсказывали ихъ печали и съ ненавистью говорили о китайцахъ.

Рѣдкій случай откровеннаго разговора проходилъ безъ того, чтобы всѣ монголы не спрашивали о размѣрахъ нашихъ податей и восторженно другъ другу говорили какъ мало беретъ податей Цаганъ-ханъ.

Но увы эта столь благопріятно подготовленная почва для увеличенія нашего вліянія кажется остается безъ достаточ-

наго вниманія. На всю обширную сѣверную Монголію имѣется только одинъ представитель русскихъ интересовъ—консулъ въ Ургѣ.

Раскинутые на тысячи верстъ съ запада на востокъ и съ юга на сѣверъ русскіе интересы требуютъ глубокаго изученія, бдительнаго надзора, настоятельной помощи, а между тѣмъ одинъ консулъ можетъ-ли выполнить такую трудную роль, когда для объѣзда района его вѣдѣнія безъ путей сообщенія требуется не мѣсяцъ или два, а цѣлые года. Немудрено, что важнѣйшіе для насъ округа, какъ Урянхайская земля, остаются совершенно безъ помощи русскаго представителя. При свиданіи съ однимъ изъ хошунныхъ нойоновъ Урянхайской земли, даже онъ мнѣ жаловался на такую обстановку, которая тяжело отзывается на взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ монголами.

При такихъ условіяхъ, можно-ли думать объ увеличеніи нашего политическаго вліянія среди монголовъ; а между тѣмъ мнѣ кажется, наступило время настоятельно позаботиться объ этомъ, такъ какъ положеніе можетъ измѣниться...

IV. ВЫВОДЫ ИЗЪ РЕКОГНОСЦИРОВКИ С.-З. МОНГОЛІИ.

Суммируя все сказанное въ статьѣ о Монголіи, позволяю себѣ обратить вниманіе читателей на нѣкоторые выводы, можетъ быть и ошибочные, но являющіеся результатомъ личнаго, хотя и краткаго, знакомства съ сосѣдней съ Сибирью страною:

1) При положеніи военнаго дѣла въ Монголіи во время моего проѣзда, нельзя было считать, что нашей Сибирской желѣзной дорогѣ съ этой стороны угрожаетъ нападеніе.

При косности и консервативности правителей и жителей нельзя было разсчитывать и на скорое улучшеніе военнаго положенія Монголіи.

2) Но Монголія имѣетъ извѣстную, болѣе или менѣе, стройную военную систему и достаточный по числу матеріалъ, что-бы было возможно со временемъ привести монгольскую милицію въ военную силу, въ европейскомъ смыслѣ, хотя и невысокаго качества, для чего стóитъ дать въ Монголію хорошо подготовленныхъ инструкторовъ, установить ежегодные лагерные сборы по хошунамъ, завести склады оружія, припасовъ, приспособить обозы.

3) Китайское правительство, по опыту 1900 года, сознало, что при современныхъ условіяхъ на монгольскую милицію расчитывать нельзя. Слѣдовательно должно будетъ задуматься надъ этимъ вопросомъ, въ особенности въ виду того, что въ китайскихъ чиновникахъ Монголіи укрѣпло сознаніе о возможности отпаденія Монголіи къ Россіи.

Китайскіе правители, въ виду этого, проявляютъ большое недовѣріе къ русскимъ; на это указываетъ слѣдующій случай.

Покончивъ съ церемоніями и визитами въ Улясутаѣ и заручившись болѣе или менѣе сноснымъ отношеніемъ китайскихъ властей, мы приступили къ своимъ работамъ.

Штабсъ-Капитану Топоркову я поручилъ снять подступы къ Улясутаю, что, при усердной работѣ, онъ могъ выполнить въ три-четыре дня. Купецъ Андрей Григорьевичъ Бодуновъ, хорошо знакомый съ окрестностями Улясутая, прекрасно владѣющій монгольскимъ языкомъ, былъ такъ любезенъ, что согласился помочь намъ въ этой работѣ; и вотъ, за всѣ дни работы, ихъ все время преслѣдовали китайцы, торгующіе въ Улясутаѣ, подъ предлогомъ простого любопытства. Одинъ разъ когда топографъ остановился на вершинѣ недалеко отъ крѣпости, то изъ крѣпости выѣхало нѣсколько всадниковъ и галопомъ направились на нихъ, но Штабсъ-Капитанъ Топорковъ успѣлъ спрятать съемку и подготовить фотографическій аппаратъ. Всадники подъѣхали и спѣшились, тогда Топорковъ съ Бодуновымъ подошли къ нимъ и предложили снять съ нихъ фотографіи, объяснивъ,

что они снимаютъ горы и окрестности Улясутая. Китайцы сѣли на лошадей и уѣхали обратно въ крѣпость. Подобный случай повторился на другой день, когда Топорковъ снималъ далеко отъ Улясутая въ долинѣ Богдо-голъ.

Въ то-же время китайскіе чиновники и торгующіе очень часто заходили ко мнѣ и, между прочимъ, какъ-бы изъ любопытства спрашивали гдѣ мой товарищъ; я имъ отвѣчалъ, что онъ большой любитель охоты и уѣхалъ стрѣлять горныхъ уларовъ и снимать виды окрестностей Улясутая.

По разсказамъ купцовъ на крѣпостной стѣнѣ до этого времени никогда не было часовыхъ, а теперь все время стояли часовые.

Шпіонство за мной установлено было даже въ самой квартирѣ. Стоило утромъ только встать съ постели, какъ въ комнатѣ уже появлялся тотъ или другой китаецъ, обращался обыкновенно съ распросами: что мы дѣлаемъ, для чего ѣздимъ, почему измѣряемъ дороги и т. д.; приходилось доставать разнаго рода инструменты: гипсотермометры, анероиды, или хронометры и разсказывать имъ ихъ значеніе и наши научныя работы. Все это слушалось внимательно, а въ заключеніе задавался вопросъ: а что рисуетъ вашъ товарищъ. Я доставалъ фотографіи или набросанныя карандашемъ картинки окрестностныхъ ландшафтовъ. Разъ мы съ Штабсъ-Капитаномъ Топорковымъ, въ самой отдаленной комнатѣ, занялись разсматриваніемъ его съемки; только что разложили планшеты, какъ въ окно показалась физіономія того самаго китайца, который ежедневно просиживалъ въ нашемъ дворѣ почти цѣлый день.

Что это были шпіоны подтверждалось тѣмъ, что на 7—8-й день нашего пребыванія въ Улясутаѣ къ управляющему улясутайскимъ Русско-китайскимъ банкомъ явился чиновникъ отъ Цзянь-Цзюня съ секретнымъ вопросомъ, что мы за люди и не опасно-ли насъ пускать въ крѣпость и какія работы мы производимъ. Тотъ имъ объяснилъ, что мы ученые туристы

и что люди неопасные. Впослѣдствіи улясутайскій проводникъ монголъ разсказывалъ мнѣ, что Цзянь-Цзюнь во время моего пребыванія въ Улясутаѣ нѣсколько разъ устраивалъ экстренныя засѣданія всѣхъ ближайшихъ чиновниковъ, обсуждая вопросъ, что мы за люди, и какъ съ нами нужно держаться.

4) Наши противники на Дальнемъ востокѣ уже начинаютъ обращать ихъ вниманіе на Монголію.

Лѣтомъ 1903 года больше мѣсяца прожилъ въ Ургѣ японецъ, говорятъ, довольно часто видѣлся съ Богдо-гыгеномъ, отъ котораго всецѣло зависитъ настроеніе монгольскаго народа, такъ какъ слово сказанное Богдо-гыгеномъ признается за указаніе свыше.

Пограничные монголы мнѣ разсказали, что въ августѣ мѣсяцѣ 1903 г. вдоль по карауламъ, отъ Урги до Баинъ-булукскаго караула, т. е. по карауламъ, находящимся въ вѣдѣніи ургинскаго монголъ-амбаня, проѣзжалъ „русскій" нойонъ*). Нойона сопровождали монгольскіе чиновники, съ нимъ не было ни одного русскаго солдата.

Если-бы это былъ русскій офицеръ, то его навѣрно сопровождали-бы русскіе казаки, а судя по описанію наружности и по формѣ, которую мнѣ въ подробностяхъ описали монголы Хатхульскаго караула, это не былъ нашъ офицеръ. Я не знаю, можетъ быть это былъ дѣйствительно нашъ офицеръ, съумѣвшій измѣнить свою форму, можетъ быть и былъ командированъ изъ Россіи въ Ургу и по карауламъ; но такъ какъ отъ Сибирскаго округа никто не ѣздилъ, изъ Забайкальской области никто командированъ тоже не былъ, то меня навело на мысль: не былъ-ли это тотъ самый японецъ, который жилъ какъ разъ около этого времени въ Ургѣ. Если это былъ японецъ, то подобное явленіе для насъ весьма неблагопріятно. Офицеръ этотъ производилъ вдоль всей русской границы съемку, а живя въ Ургѣ могъ не только

*) Приграничные Монголы всѣхъ иностранцевъ называютъ русскими.

ознакомиться съ положенiемъ дѣлъ въ Монголiи, но и оказать извѣстное давленiе на Богдо-гыгена.

Появленiе японцевъ въ столь отдаленной азiатской странѣ можно объяснить притяженiемъ къ флангу нашей великой Сибирской коммуникацiонной линiи.

Хотя монголы дружественны къ русскимъ и могли бы оказаться преданными помощниками намъ, но ихъ положенiе очень тяжелое, и при случаѣ, при извѣстномъ дипломатическомъ умѣнiи, они обратятся къ другимъ за помощью —тогда и въ населенiи мы будемъ имѣть враговъ. Это погубитъ не только наши торговые интересы, но и политическое влiянiе и, наконецъ, можетъ создать намъ новый фронтъ на обширномъ пространствѣ и на флангѣ нашей великой и важной коммуникацiонной линiи съ Дальнимъ востокомъ, такъ какъ въ случаѣ дальнѣйшихъ осложненiй на востокѣ а въ особенности съ Китаемъ, въ Монголiи, при умѣломъ руководствѣ, почти несуществующая милицiя можетъ превратиться въ силу, непосредственно угрожающую намъ въ самое сердце Сибири: на городъ Иркутскъ и желѣзную дорогу....

5) Теперь положенiе наше въ Монголiи осложняется еще новымъ явленiемъ: попытка англичанъ вооруженною силою произвести переворотъ въ Тибетѣ, вызоветъ со стороны всей Монголiи горячiй протестъ, и кто подастъ руку помощи въ эту минуту монголамъ, тотъ можетъ расчитывать на важное значенiе и влiянiе у монголовъ. Ломаиты вѣроятно надѣются только на Цаганъ-хана, другимъ покровителямъ они пока не вѣрятъ. Во всякомъ случаѣ если Тибетъ останется въ рукахъ англичанъ, то со временемъ въ ламайскихъ монастыряхъ, черезъ тибетскiе книги, пожалуй будетъ проповѣдываться англiйское имя, вмѣсто проповѣдуемаго нынѣ русскаго.

6) Изъ всего мною высказаннаго, можно видѣть, что положенiе нашихъ интересовъ въ Монголiи не изъ блестящихъ: наша торговля почти ничтожна*), хорошихъ торговыхъ пу-

*) См. Описанiе путешествiя.

тей въ Монголію нѣтъ, русскіе торгующіе въ городахъ и кочевьяхъ остаются почти безъ защиты и покровительства.

Къ развитію нашего вліянія почти не принимается никакихъ мѣръ, а то, что дѣлается само собою, естественнымъ движеніемъ и русской инициативой—встрѣчаетъ мало поддержки. Цѣлыя области Монголіи остаются безъ всякаго консульскаго надзора, какъ напримѣръ Урянхайская земля. Все это, конечно, нужно отнести на то тяжелое положеніе, въ которомъ находится Ургинскій консулъ, имѣющій въ своемъ завѣдываніи обширную страну со сложными русскими интересами.

До сихъ поръ Монголія можетъ быть и не заслуживала большаго вниманія, но наступаетъ время, когда все, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ желтолицымъ сосѣдямъ, казалось-бы, требуетъ большаго вниманія, чтобы не создать новыхъ тяжелыхъ положеній вродѣ русско-японскаго столкновенія....

Поэтому, казалось-бы, прежде всего необходимо намъ увеличить число нашихъ представителей въ Монголіи; тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ право, по трактату 1881 года, на открытіе консульствъ въ Улясутаѣ и Кобдо. Казалось-бы цѣлесообразнымъ должность консула въ Улясутаѣ или Ургѣ соединить съ должностью военнаго агента, какъ это практиковалось не разъ на Ближнемъ и Дальнемъ востокѣ.

Представитель Россіи, въ Монголіи, достаточно уполномоченный и ознакомленный съ географіей страны и съ положеніемъ нашихъ экономическихъ интересовъ въ Монголіи, могъ-бы оказать Россіи крупныя услуги къ расширенію нашего торговаго и политическаго вліянія, достаточно освѣдомленный въ положеніи политическихъ дѣлъ, онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ-бы оказать важнѣйшее вліяніе на ходъ будущихъ событій въ этой странѣ. Консулу въ Ургѣ, желательно поставить задачею войти въ хорошія связи съ главнымъ духовнымъ лицомъ сѣверной Монголіи Богдо-гыгеномъ, отъ котораго зависитъ, какъ я уже говорилъ, все настрое-

ніе Монголіи и добиться вліянія на него въ интересахъ наилучшаго обезпеченія Сибири отъ ударовъ Китая.

7) Въ этихъ интересахъ, казалось-бы, намъ слѣдовало желать отпаденія Монголіи отъ Китая и превращенія ея въ самостоятельное государство, подъ протекторатомъ Россіи, такого же типа какъ Бухара, съ тѣмъ чтобы во главѣ Монголіи могъ стать Далай-лама или Богдо-гыгенъ. Богдо-гыгенъ*) въ настоящее время, кажется и подготовляетъ себя къ этому. Изъ роли чисто духовнаго авторитета, религіознаго руководителя, онъ, по словамъ знающихъ людей, постепенно переходитъ къ роли свѣтскаго, административнаго повелителя. Онъ измѣнилъ тотъ тонъ, котораго держались нѣсколько столѣтій его предшественники. Онъ не заискиваетъ передъ китайскимъ дворомъ, онъ не живетъ жизнею инока—отшельника, а на оборотъ старается держать себя довольно независимо передъ существующимъ правительствомъ, обзавелся семьею и не стѣсняется показываться народу съ женою и сыномъ, подготовляя, по мнѣнію нашихъ русскихъ, своего сына къ роли наслѣдника. Очень интересуется Европейскою культурою и оружіемъ.

Таковыми рисуются намъ наши интересы и задачи собственно въ Монголіи, но совершенно другими они кажутся намъ въ Урянхайской землѣ.

---

*) Ургинскій Хутухта.

V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ

по рекогносцировкѣ области Саянъ со включеніемъ Урянхайской земли.

1) По взаимному положенію, Саянская пограничная полоса и Урянхайская земля очень тѣсно связаны между собою не только въ географическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Въ географическомъ отношеніи обѣ части составляютъ одну горную систему—Саянскую и образуютъ одинъ бассейнъ великой русской рѣки Енисея. Въ экономическомъ отношеніи русскіе люди пограничной полосы Саянъ, шагъ за шагомъ, переходятъ въ Урянхайскую землю, занимаютъ тамъ удобныя и привольныя мѣста, разводятъ обширное скотоводство, расширяютъ посѣвы, увеличиваютъ золотопромышленность, рыболовство, сплавляютъ лѣсъ, занимаются торговлею; экономическіе интересы русскихъ въ Урянхайской землѣ весьма серьезны; постоянно возрастаютъ и могутъ достигнуть крупныхъ размѣровъ. Урянхи, обѣднѣвшіе отъ налоговъ, мало по малу превращаются въ пастуховъ русскихъ стадъ, кормятся около русскихъ, а для уплаты податей урянхи-оленеводы находятъ почти единственный источникъ—охоту въ русскихъ лѣсахъ Саянской пограничной полосы—за соболемъ, бѣлкою и другимъ пушнымъ звѣремъ.

2) Область Саянъ, со включеніемъ Урянхайской земли, имѣетъ много свободныхъ земель, вполнѣ годныхъ для культуры, хранитъ въ своихъ нѣдрахъ большія рудныя богатства, бассейнъ В. Енисея богатъ рыбою и строевымъ лѣсомъ и можетъ имѣть прекрасный водный путь по р. Енисею и его притокамъ и, слѣдовательно, со временемъ можетъ быть богатымъ источникомъ благосостоянія русскаго народа.

3) Въ тоже время область Саянъ, со включеніемъ Урянхайской земли, соприкасаясь съ пограничными монголо-китайскими караулами, является естественнымъ прикрытіемъ нашей Сибирской желѣзной дороги на значительномъ протяженіи, что

съ развитіемъ военнаго дѣла въ Китаѣ, можетъ имѣть серьезное стратегическое значеніе.

Приведенныя данныя заставляютъ думать, что область Саянъ и Урянхайская земля должны-бы обратить на себя больше нашего вниманія. Между тѣмъ:

а) Пограничная Саянская полоса, юридически, входя въ двѣ обширнѣйшія губерніи: Енисейскую и Иркутскую, въ три уѣзда: Минусинскій, Канскій и Нижнеудинскій, по обширности этихъ губерній и уѣздовъ и по своей отдаленности отъ уѣздныхъ и въ особенности губернскихъ центровъ, мало привлекаетъ вниманія администраціи. Учрежденное пограничное управленіе, въ селѣ Усинскомъ, касается только одной Усинской долины и, по своей обстановкѣ, не можетъ выполнить тѣхъ сложныхъ задачъ, которыя должны быть выполнены здѣсь русскою администраціей, въ особенности въ смыслѣ правильнаго рѣшенія нашихъ задачъ въ Урянхайской землѣ. Въ виду такого положенія дѣлъ, казалось-бы, здѣсь слѣдовало создать болѣе полномоченную административную власть надъ всею Саянскою пограничною полосою, непосредственно соприкасающейся съ Урянхайской землей, включивъ въ вѣдѣніе пограничнаго управленія, кромѣ Усинскихъ селъ, хотя-бы части Минусинскаго и Кузнецкаго уѣздовъ и поручивъ этой-же администраціи завѣдываніе русскими интересами въ Урянхайской землѣ.

Настоящее положеніе и штаты Усинскаго пограничнаго управленія для такой роли недостаточны. Штатъ управленія принаровленъ лишь къ выполненію скорѣе полицейской обязанности въ незначительномъ раіонѣ Усинской долины. Между тѣмъ организація пограничнаго управленія, казалось бы, должна отвѣчать болѣе широкимъ задачамъ культурно-оборонительнаго движенія русскихъ въ вѣковую тайгу Саянъ и въ Урянхайскую землю и включать въ себя людей могущихъ выполнять разнообразные функціи: административной, торговой, горнопромышленной, сельскохозяйственной, дипломатической

и военной задачъ, въ достаточной степени уполномоченныхъ*).

б) Принадлежность Урянхайской земли Китаю можно считать вполнѣ спорнымъ вопросомъ, а по внутреннему настроенію населенія нельзя считать и достаточно прочною.

в) При нынѣшнихъ условіяхъ нашего положенія въ Урянхайской землѣ вопросъ о правильномъ опредѣленіи границы настолько назрѣлъ, что уклониться отъ его разрѣшенія не возможно. И мнѣ кажется, что настало время, ознакомившись съ географіей страны, назначить комиссаровъ для пересмотра трактата **1727** года. Можно надѣяться, что, при нѣкоторомъ умѣніи, вопросъ этотъ было бы возможно мирнымъ путемъ разрѣшить въ пользу Россіи. Если-же вопросъ о пересмотрѣ границы, по современной политической обстановкѣ поднять нельзя, то желательно теперь же подготовиться къ его разрѣшенію.

г) Увеличеніе нашихъ населенныхъ пунктовъ и золотопромышлености въ Урянхайской землѣ желательно не только въ интересахъ экономическихъ, но и въ интересахъ обезпеченія нашей желѣзной дороги. При современныхъ условіяхъ урянхайскіе нойоны, я думаю, въ этомъ пойдутъ намъ на встрѣчу, въ особенности если мы будемъ умѣть съ ними поддерживать дружескія отношенія и незабывать ихъ честолюбія.

д) Еще болѣе важная мѣра: это проведеніе колесной дороги въ Урянхайскую землю изъ Минусинска и приспособленіе къ пароходству Верх. Енисея. съ тѣмъ, что бы всю русскую торговлю съ Монголіей направлять черезъ Урянхайскій край и тѣмъ еще болѣе способствовать развитію русской осѣдлости въ этомъ краѣ.

Всѣми этими мѣрами, со временемъ, постепенно, съ достаточною осторожностью, можно было-бы создать изъ области

*) Поднимался вопросъ объ учрежденіи, вмѣсто усинскаго пограничнаго начальника саянскаго пограничнаго комиссара; вопросъ задержался трудностью дипломатическихъ переговоровъ съ Китаемъ по случаю военныхъ обстоятельствъ, но переорганизація собственно пограничнаго управленія, могла бы пройти безъ сношеній съ Китайскимъ правительствомъ.

Саянъ и Урянхайской земли новую русскую окраину, которая, вѣроятно, потребовала-бы лишь на первое время нѣкоторыхъ перерасходовъ отъ Россіи, но за то со временемъ могла-бы служить для Россіи источникомъ доходовъ отъ золотопромышленности, скотоводства, хлѣбопашества и торговли, а населенная русскими была-бы хорошимъ прикрытіемъ нашей Сибирской желѣзной дороги со стороны желтолицыхъ противниковъ и опорнымъ пунктомъ для ближайшаго надзора за Монголіей и распространенія на эту страну нашего вліянія.

VI. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая изложеніе своихъ наблюденій, считаю себя обязаннымъ еще разъ высказать предположеніе о серьезномъ значеніи Монголіи для нашего положенія въ будущемъ не только въ Сибири, но и на Дальнемъ востокѣ. Казалось-бы пока не ушло время, намъ необходимо принять всѣ мѣры чтобы обезпечить себѣ безопасность съ этой стороны. Этотъ вопросъ, назовемъ его монгольскій, можно признать важнымъ и сложнымъ, требующимъ настойчивости, постепенности, а въ частности онъ требуетъ наибольшаго развитія нашей населенности въ пограничной полосѣ, развитія въ ней обрабатывающей промышленности, урегулированія торговли съ Монголіей, правильной постановки нашихъ сношеній съ Монголіей, большого знакомства съ ней и дружной, объединенной работы мѣстныхъ русскихъ людей.

Викторъ Поповъ.